

ДВОЙНОЙ
СМЕШНОЙ
ДЕТЕКТИВ

Галина КУЛИЖОВА

ОХОТНИКИ
НА РУСАПОК
НЕ ЦАРСКОЕ
ДЕПО

Двойной смешной детектив

Галина Куликова

**Охотники на русалок.
Не царское дело**

«ЭКСМО»

2010, 2012

Куликова Г. М.

Охотники на русалок. Не царское дело / Г. М. Куликова —
«Эксмо», 2010, 2012 — (Двойной смешной детектив)

ISBN 978-5-04-196999-8

«Охотники на русалок» Могут ли русалки появиться в озере, на берегу которого развернулось строительство нового курорта? Многочисленные очевидцы утверждают - это произошло! Русалки есть, их даже удалось снять на камеру. Поиском сенсационных материалов занимаются журналисты известных телеканалов и скандальных изданий. На русалок идет настоящая охота. И вот однажды на берегу находят тело популярного столичного телеведущего. А рядом - мертвую девушку, обнаженную, с длинными волосами, облепленную рыбой чешуей... «Не царское дело» Думаете, стать богатой наследницей – это здорово? Да нет же, очень опасно! Настя Батманова, которой прабабушка оставила целое состояние, поняла это прямо в день оглашения завещания. Над ее головой стали стремительно сгущаться тучи, и вместо того чтобы наслаждаться свободой и праздностью, девушке пришлось скрываться от бандитов и расследовать серию убийств, связанных со старинной семейной легендой...

ISBN 978-5-04-196999-8

© Куликова Г. М., 2010, 2012

© Эксмо, 2010, 2012

Содержание

Охотники на русалок	6
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Галина Куликова
Охотники на русалок. Не царское дело

© Куликова Г. М.

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“»

* * *

Охотники на русалок

«Вскочил князь Дмитрий Игоревич на коня ретивого, взял меч булатный в правую руку и молвил: „Так собирайте, братья, дружины свои могучие, ведите их перед битвой смертельной к Злату-озеру. Зачерпнем же шеломами нашими воды животворной, что дает воинам для битвы силы чудесные. Чтобы бились они с ворогом без усталы, чтоб костями поганных поля засеяли, а их кровью землю полили!“»

Марина вздрогнула, открыла глаза и тут же судорожно вцепилась в край столешницы. Ей показалось – еще секунда, и она с грохотом свалится на холодный пол уважаемой столичной библиотеки. «Ой, мамочки, заснула!» – осознала она с легким ужасом и запоздалым чувством неловкости человека, сморозившего глупость в компании эрудитов. Стыдливо зыркнув по сторонам, Марина убедилась, что соседи справа и слева не заметили ее конфуза. Впрочем, окружающим явно было не до того – большинство мест в читальном зале занимали студенты, которые, как поется в известной песенке, живут весело лишь от сессии до сессии. Сейчас же они находились перед лицом очередных летних сражений за оценки и зачеты, поэтому сидели серьезные и сосредоточенные, впившись воспаленными глазами в толстые тома. И если бы Марина вдруг забралась на стол и исполнила танец живота, то и это примечательное событие вполне могло остаться незамеченным. Остальные же обитатели зала находились в столь почтенном возрасте, что ничего не замечали вокруг себя уже по чисто техническим причинам. Кое-кто из них откровенно клевал носом и даже похрапывал, совершенно не комплексуя по этому поводу.

Выпрямившись на жестком стуле и изящным движением поправив упавший на глаз светлый, почти льняной локон, Марина состроила умное лицо и, деловито перевернув пожелтевшую страницу лежащей перед ней книги, вновь углубилась в чтение.

Шел третий час ее пребывания в читальном зале. Сложный древнерусский текст, хотя и адаптированный для дилетантов и невежд, давался с трудом и навевал тоску. Лето еще не наступило, но жара и духота уже безраздельно хозяйничали в огромном пыльном помещении – система кондиционирования в библиотеке была ни к черту, если она вообще здесь существовала. Открытые где-то под потолком окна облегчения не приносили. К тому же Марина безумно устала после очередного нудного дежурства в родной районной поликлинике. И все же она была полна решимости довести начатое дело до конца.

В одну из крупнейших библиотек Москвы, которая славилась огромными фондами уникальной исторической литературы, врача-терапевта Марину Топилину занесли дурацкая любознательность и привычка основательно готовиться к любому, пусть даже самому незначительному перемещению в пространстве. С упорством маньяка-краеоведа она изучала все доступные сведения о странах, городах и даже деревнях, где собиралась побывать. Листала справочники. Штудировала путеводители. Бегала по библиотекам в поисках источников дополнительной, часто весьма удивительной и противоречивой информации.

Потом, как правило, большую часть всех этих цифр, фактов и событий она благополучно забывала, однако в канун очередной поездки Марину охватывал почти охотничий азарт, и погоня за знаниями начиналась снова.

«Строго говоря, – думала Марина, блуждая невидящим взглядом по строчкам, – в этот раз вполне можно было обойтись и без глубинных исторических изысканий. Предстоит довольно прозаическая, почти деловая поездка, а вовсе не отпускной вояж или романтическое путешествие».

Впрочем, нет. Какая деловая поездка? Это была очередная попытка изменить свою судьбу. Третья по счету. Предыдущие две оказались на редкость неудачными. Первая закончилась разводом, вторая – банкротством небольшой фирмы по торговле медицинским оборудо-

дованием, которую Марина создавала вместе с двумя подругами. Ни детей, ни денег она за это время не нажила.

Спортсменам, как известно, на преодоление чего-нибудь-там дают именно три попытки. После чего неудачник навсегда выбывает из соревнований. В свои тридцать лет Марина неудачницей признавать себя не желала, но четко понимала, что времени для судьбоносных свершений остается не так много. Поэтому и решила испытать судьбу еще раз – принять довольно неожиданное, но весьма заманчивое предложение своего близкого родственника, двоюродного брата матери, дяди Вити.

И вот теперь Марина должна была, во-первых, уволиться из поликлиники, во-вторых, переехать жить в замечательный южный город Солнечноводск. Город, о котором Марина много слышала, но где ни разу не была. Располагался Солнечноводск на берегу красивейшего озера Солнечное, которое в старину называли Золотое – за удивительный, нигде больше не встречающийся золотистый оттенок воды и вроде бы особые, целебные ее свойства. Именно к нему, если верить старинным рукописям, которые Марина сейчас читала, вел свои дружины князь Дмитрий Игоревич перед битвой.

Но кроме озера и мягкого, теплого климата имелись здесь и другие привлекательные моменты. А именно: от Солнечноводска на машине можно было довольно быстро доехать до любого из двух теплых морей – Черного или Азовского. Красота, да и только. И вот теперь Марина, до сих пор еще не привыкшая к мысли, что буквально через несколько дней ей предстоит уехать из родного дома, изучала историю тех мест, где ей придется невесть сколько жить и работать. Если в данном случае слово «работа» уместно.

Поняв, что так она никогда не закончит чтение сурового исторического повествования, Марина снова уткнулась в книгу. «И была злая сеча, и обратились враги в бегство, и гнали и секли их русские воины. И возвратились они с победой славною. А раненных в битве и в живых оставшихся повезли к Злату-озеру, и вода его многие раны смертельные исцеляла».

Марина подняла уставшие глаза к потолку и подумала: «Кажется, все, больше я здесь ничего не найду, надо переходить к современности. – Неожиданно пришедшее сравнение заставило ее улыбнуться. – Наверное, я сейчас похожа на Нестора Петровича из „Большой перемены“. Когда он вот так же сидит в библиотеке, обложенный огромными томами в кожаных переплетах, и взгляд у него абсолютно бессмысленный и отсутствующий. А как ему этот дядечка-профессор сказал: „На белый свет из тьмы веков“? Так, кажется? Вот и славно!»

Марина с наслаждением потянулась и захлопнула надоевшую книгу так, что выбила из ее антикварного нутра облачко пыли. Затем встала, с шумом отодвинув тяжелый стул, и легкой, почти танцующей походкой направилась к выходу из читального зала.

* * *

– Анжела, ты приготовила спальню?

Низкий и звучный мужской голос разносился по дому, как паровой гудок, и его, казалось, было слышно во всех уголках огромного трехэтажного особняка.

– Приготовила, Виктор Федорович, не беспокойтесь.

– Ту, гостевую, на первом этаже? Или опять напутала?

– Все как вы сказали, Виктор Федорович. На первом.

– И белье французское постелила? Смотри, не забудь! Французское, поняла?

Голос явно принадлежал человеку, который привык командовать, отдавать распоряжения и лично вникать во всякие мелочи. В нем слышались властные и одновременно барственно-капризные нотки.

– Конечно, Виктор Федорович. Лиловое. Которое Лиза, дизайнер, для этой спальни специально выбрала.

– Ну хорошо. – В голосе наконец-то прозвучало удовлетворение. Однако через минуту послышалось: – А всякая парфюмерия – гели, шампуни, расчески-гребешки?..

– Все есть, Виктор Федорович, еще вчера приготвила. Но если у вашей гостьи будут специальные пожелания, то я...

– Анжела! Ну что ты такое говоришь, какая же это гостья?! Это моя племянница! Она и ее мать – мои единственные родственники. Да у меня, кроме них, никого больше и на свете нет. И уже, видно, не будет. А ты – гостья.

– Извините, Виктор Федорович, я ведь в том смысле...

– Ладно, ладно. Значит, все приготвила? Можно не волноваться?

– Все, Виктор Федорович.

– А я все-таки посмотрю. На всякий случай. Сейчас подъеду, только с техникой этой управлюсь. Никак привыкнуть не могу, что ноги совсем не слушаются.

– Подождите, давайте я вам помогу!

– Не беспокойся. Надо самому потихоньку осваиваться с моим новым статусом. Силенки кое-какие пока еще есть.

В ту же минуту послышалось равномерное поскрипывание, и из глубины обширного холла стремительно выплыло легкое инвалидное кресло на колесах. В нем сидел коротко стриженный сухощавый седой мужчина лет шестидесяти или около того. У него было худое загорелое лицо, которое немного портили вялый подбородок и капризный изгиб тонких губ. Именно ему принадлежал звучный голос с начальственными интонациями. Вообще мужчина вполне сошел бы за ковбоя или шерифа из американских вестернов, которого выбила из седла подлая стрела кровожадного ирокеза.

Довольно лихо управившись со своим транспортным средством, он подкатил к одной из высоких резных дверей, выходящих в просторный коридор. Дверь была распахнута, а в проеме стояла стройная брюнетка в классическом наряде горничной.

– Виктор Федорович, вам же тяжело! – воскликнула брюнетка, впрочем, без особого надрыва. – Вы бы лучше отдохнули, я все сделаю.

– Отдохнуть я успею. Теперь только и делаю, что отдыхаю. Но ничего, скоро уже совсем отдохну, – скорбно вздохнул мужчина. Затем, совершив сложный маневр, он объехал шаркнувшуюся в сторону брюнетку и ловко вкатился в большую, со вкусом декорированную комнату. – Никому теперь Избуцкий не нужен. А ведь еще недавно без меня – никуда, ни одно решение в городе без Избуцкого не принималось, – громогласно объявил мужчина, внимательно оглядев спальню, выдержанную в малиново-лиловых тонах. – Дай хоть в собственном доме покомандую, пока жив. Да и лишний взгляд не повредит – очень хочу порадовать племянницу, пусть живет здесь с комфортом. Ей, бедненькой, с дядей-инвалидом возиться придется. А это – дело нелегкое. Анжела, а где же это французское белье? Я его не вижу.

– Так ведь покрывало сверху, Виктор Федорович.

– Ну да, конечно. Старый я стал, уже ничего не соображаю, – вдруг хихикнул мужчина, на мгновение потеряв свой ковбойский шарм. – Но ты мне его покажи, хочу посмотреть, что за дизайн такой получился. А то Лиза деньги ого-го какие берет, а за что – не понимаю! Вот ты понимаешь?

– Конечно, Виктор Федорович. Видите, как теперь здесь красиво?

– Вижу, вижу. Сиреневый туман какой-то.

– Лиза говорит, что эти цвета создают атмосферу расслабленности и уюта...

– Ну хорошо, пусть создают. Лишь бы племянница осталась довольна. А то скажет – вот, приехала к дяде в какую-то дыру... Москвичи эти знаешь какие избалованные.

– Что вы, Виктор Федорович! – всплеснула руками Анжела. – Ваш дом один из лучших в Солнечноводске. Таких, может, и в Москве мало найдется.

– Не в Москве, в Подмоскowie, – авторитетно поправил горничную Виктор Федорович. – Такие дома они за городом строят, а в городе – все больше небоскребы. Это ведь у нас здесь курорт, а там – мегаполис.

И он проехал вдоль обширной кровати, в изголовье которой висела подсвеченная специальными светильниками картина с изображением хитро переплетенных между собой розовато-лиловых тел непонятной половой принадлежности, порхающих бабочек и эротичных орхидей. Молча обозрев интерьер спальни, мужчина горестно вздохнул, но буквально через минуту его мощный низкий голос вновь заполнил собой все пространство:

– Анжела! Ты покажешь мне, наконец, французское белье, или я до конца своих дней буду рассматривать узоры на покрывале и эту странную картинку? Кстати, объясни мне, что здесь, собственно, нарисовано?

* * *

– ...Рады приветствовать вас на борту авиалайнера... – бубнил в динамиках казенно-бесстрастный, лишенный каких-либо модуляций голос бортпроводницы, – ...по маршруту Москва – Солнечноводск... Расчетное время полета – два часа пять минут...

Марина немного поерзала в неудобном кресле и наконец устроилась с относительным комфортом. Затем быстрым оценивающим взглядом окинула сидящих рядом. Соседство было вполне приличное – слева, у иллюминатора сидел довольно приятный мужчина лет тридцати пяти с фигурой борца. Он стоически переносил пребывание в тесном кресле, куда его мощные плечи и торс едва помещались. Изначально мужчина проявил себя джентльменом, предложив Марине свое место, откуда можно будет в полете лицезреть облака. Марина вежливо отказалась, после чего мужчина, нейтрально улыбнувшись, развернул какой-то журнал и углубился в чтение.

Справа задремывала какая-то миниатюрная бабулька в сползающих на нос стильных солнцезащитных очках, украшенных всемирно известным логотипом «D&G». В сморщенных цепких ручонках она сжимала роскошную сумочку «Louis Vuitton». На высохшем пергаментном запястье сверкали часы «Cartier».

«Ничего себе старушки летают по России», – тихонько вздохнула Марина. Она следила за модой, знала все бренды и могла оценить дорогие аксессуары. К сожалению, позволить их себе она не могла – зарплата врача-терапевта не предполагает посещения дорогих бутиков. Супруг-бизнесмен остался в прошлом, а подарков от мужчин, добивавшихся ее расположения, Марина не принимала по принципиальным соображениям. «Личная свобода и независимость превыше всех материальных благ», – гордо заявляла она подругам, которые то и дело демонстрировали ей новинки дизайнерских коллекций, обувь или украшения, изредка купленные законными мужьями, но чаще – приятелями-спонсорами. Любящая всему давать четкие определения, Марина окрестила их подношения «спонсорским obroком». Самым ужасным, по ее мнению, было то, что приятели эти, как правило, люди состоятельные и пожилые, требовали взамен если не чувств, то усилий по оживлению их гаснущей сексуальной активности.

Марина еще раз скосила глаз на гламурную бабульку. Дети ее, что ли, так наряжают? Или внуки? Не на пенсию же она все это купила? Такие вещи стоят огромных денег...

Именно из-за денег Марина и летела сейчас на юг, в небольшой курортный город Солнечноводск. Дядя Витя, двоюродный брат матери, сделал семье Топилиных неожиданное, но весьма интересное и экономически очень выгодное предложение. Семья Топилиных, состоящая на данный момент из Марины и ее мамы, Веры Владимировны, собралась на экстренное совещание. И здесь интеллигентнейшая Вера Владимировна, специалист в области структурной лингвистики, процитировала, сама того не подозревая, криминального кумира всех времен и народов:

– Он сделал нам предложение, от которого нельзя отказаться!

Марина согласилась, тем более что для нее это был шанс начать новый жизненный этап, который – как знать? – может оказаться более удачным, нежели предыдущие. Немного смущало то, что сестра последний раз лично общалась с двоюродным братом лет двадцать назад, а племянница и вовсе видела его воочию только один раз, в пятилетнем возрасте.

– ...Просьба не курить и пристегнуть ремни. Благодарю за внимание! – завершила наконец изматывающий душу монолог стюардесса.

«Попробую заснуть», – решила Марина. Рейс был ранний, накануне она долго собирала чемодан, пытаясь втиснуть туда как можно больше необходимых вещей, так что толком отдохнуть перед дорогой не удалось. Переждав волнующие минуты взлета, она откинулась в кресле и попыталась расслабиться. Думать о том, что ждет ее в Солнечноводске, решительно не хотелось. В конце концов, многое будет зависеть от того, что за человек этот дядя Витя. Ни к селу ни к городу всплыло пушкинское «Мой дядя самых честных правил...». Честных... Интересно, где он раньше был, столько лет? О сестре и племяннице вспомнил, когда не в шутку занемог. Впрочем, ладно. Кто она, чтобы его судить? Да и зачем? В конце концов, ей придется наладить с ним контакт, если уж она согласилась на эту авантюру. Ну, не авантюру, конечно, скорее – работу. Или даже не работу, а...

Марина тряхнула головой, отгоняя дурацкие мысли, и прикрыла глаза. Ровный гул моторов, наполнявший салон, убаюкивал, и она наконец задремала. Проснулась Марина оттого, что кто-то осторожно тряс ее за плечо. Открыв глаза, она удивленно воззрилась на источник неожиданного беспокойства. Им оказался сосед слева. Он сидел, развернувшись в своем кресле, и смотрел на Марину внимательно, участливо и вроде как с состраданием.

– В чем дело? Что вам нужно? – поинтересовалась она сурово.

– Ничего. – У ее соседа в глазах прыгали чертики.

– Тогда уберите руку с моего плеча.

– Да-да, извините! – Он быстро, словно обжегшись, отдернул свою здоровенную мускулистую лапу.

– А зачем вы ее туда положили? – продолжила допрос Марина, которая не любила подобных вольностей.

– Машинально...

– Машинально можно ногу почесать, – высокомерно вздернула брови Марина, которой понравилось отчитывать этого симпатичного нахала.

– Я не то хотел сказать, – быстро произнес симпатичный нахал, сообразив, что на его голову сейчас обрушатся все кары небесные. – Дело в том, что вы очень жалобно стонали во сне. Вероятно, приснился кошмар. И постоянно звали какого-то Алекса. Прямо сердце кровью обливалось.

– Мне жаль ваше сердце, – заметила Марина холодно.

Впрочем, холодность была напускной. Внутренне она уже была готова к примирению.

– Зря вы разбушевались, как Фантомас. Верите, даже стюардесса подходила посмотреть, что происходит. Пассажиры вокруг забеспокоились.

Марина непроизвольно покосилась на стильную бабульку справа. Та как ни в чем не бывало мирно посапывала в своем кресле. Может быть, ей снилась весенняя коллекция «Versace».

– И я подумал, – продолжил свои объяснения мужчина, – что, наверное, будет лучше эту девушку разбудить. Сначала я толкал вас локтем, но вы не реагировали. Вот тогда я решил вас немного потормозить. И я честно старался быть деликатным! Простите.

И он обезоруживающе поднял вверх обе руки.

Марина внимательно посмотрела на него. В общем, на транспортного донжуана или назойливого brutального самца не похож. И говорит скорее всего правду – Марина в детстве

разговаривала во сне, да и потом случалось, ее бывший муж любил порассуждать на эту тему. К тому же сосед слева назвал вполне конкретное имя. Нет, придумать такое или случайно угадать он вряд ли мог.

– Ладно, прощаю, – примирительно улыбнулась она. – Забудем. А вам спасибо за заботу, чуткость и внимание. – И не удержавшись, ядовито добавила: – Внимание к окружающим меня пассажирам.

Мужчина собрался было что-то возразить, но потом передумал. Лишь кивнул головой и снова уткнулся в свой журнал. Марина посмотрела на часы – лететь еще долго. «Чем бы заняться? – тоскливо подумала она. – Собиралась же детективчик, который с отпуска остался, прихватить и забыла».

– Не хотите журнал почитать? – вдруг поинтересовался сосед. – Вижу, вы не запаслись развлечениями для полета.

Похоже, он исподтишка наблюдал за Мариной и правильно оценил ее состояние.

– Какой? Вот этот? – Она ткнула пальцем в красочную обложку журнала, который мужчина держал в руках.

– Нет, не этот. – Сосед проворно спрятал журнал за спину. – Это специализированное издание про подводное плавание и подводную охоту. Но у меня есть другой, он больше вам подойдет. – И протянул ей свежий номер «Блеска».

Время в обществе звезд пролетело незаметно. Но вот Марина перевернула последнюю страницу и задумалась. До посадки еще двадцать минут. Взгляд остановился на цветных листках, торчащих из специального кармашка, прикрепленного к спинке находящегося перед ней кресла. Она вытянула их и стала изучать. Это были рекламные листовки различных фирм и компаний, среди которых выделялся яркий буклет, на первой странице которого красовалась фраза: «Озеро Солнечное – сказочная недвижимость!» Марина перелистала пахнущие типографией красочные странички, на которых были изображены умопомрачительные фасады и интерьеры двух-, трех-, четырехэтажных особнячков и коттеджей, а также размещены неправдоподобно красивые фотографии местной природы. «Инвестируйте в Россию! Солнечное – будущее мирового туризма! Новый престижный курорт экстра-класса! Солнечноводск – одно озеро и два моря! Покупайте здесь, сегодня, сейчас! Строительный холдинг „Малахит“ – высокое качество, лучшие цены!»

Марина подсчитала количество восклицательных знаков и выяснила, что их было шестнадцать. Ничего себе ребята постарались. Видимо, потребность в клиентах с большими деньгами здесь была нешуточная.

– Вы тоже едете в Солнечноводск покупать недвижимость? – снова услышала она голос соседа слева.

– Почему вы так думаете? – Она решила разговаривать с ним вежливо, но на заигрывания не отвечать. Впрочем, он, кажется, заигрывать не собирался. Так, обычный дорожный треп от скуки.

– Да здесь половина самолета – потенциальные покупатели, – уверенно, как о чем-то само собой разумеющемся, сообщил сосед. – В прошлом году вся эта история с новым курортом только начиналась, а в этом году просто напасть какая-то.

– А вы откуда знаете? – недоверчиво поинтересовалась Марина.

– Да я здесь бывал и раньше, на рыбалку ездил. А теперь вот уже второй раз за последний месяц – по служебным делам. – Мужчина немного помолчал, а потом вдруг спросил: – Скажите, Алекс – это ваш муж?

– Нет.

– Бойфренд?

– Почему вы так решили?

– Ну, вы во сне так жалобно его звали, я даже позавидовал.

– Алекс – это кот. Два дня назад мерзавец убежал во двор, и мы с мамой так и не смогли его выманить из подвала, где он засел. Наверное, до сих пор там. У вас еще какие-то вопросы?

– Уже нет. Но есть одна информация.

– Какая?

– Меня зовут Вадим.

– Зачем мне это знать?

– Так, на всякий случай. Вдруг нового кота захотите назвать, а тут уже готовое имя.

– Знаете, кота я больше заводить не собираюсь. Разве что говорящего попугая.

Марина сожалела, что затеяла эту совершенно неуместную сейчас пикировку. Конечно, она почувствовала его растущий интерес к своей особе, однако начинать какие-либо отношения сейчас было недальновидно – впереди ее ждала неизвестность.

Однако глазами в соседа стрельнула – не обиделся ли. Обижать симпатичного Вадима ей совершенно не хотелось. Словно прочитав ее мысли, сосед слева улыбнулся бесшабашной улыбкой и заявил:

– Попугай – тоже вариант, причем не худший. Вот если вы задумаете хорька завести, тогда, конечно, не хотелось бы. Впрочем, смотрите сами – предложение остается в силе. – Затем, став серьезным, он глянул Марине прямо в глаза и отчеканил: – Не подумайте, что я навязываюсь в знакомые или провожатые. Просто вы мне очень понравились, и я готов оказать вам любую помощь, какая только понадобится. Прошу только об одном – не отвергайте ее с порога. Вдруг я все-таки пригожусь?

Обалдев от такого заявления, Марина даже не нашлась что ответить. Она фыркнула, гордо отвернувшись и все оставшееся до посадки время любовалась, как примодненная старушенция усиленно макияжит свое сморщенное личико.

Наконец самолет приземлился. Ступив на трап, Марина мгновенно погрузилась в пьянящую и расслабленную атмосферу южного курорта. Яркое солнце слепило глаза, теплый ветерок нежно оглаживал кожу, в воздухе витали одуряющие запахи розовых кустов и цветущих деревьев. После этого заходить в мрачноватое серое здание солнечноводского аэропорта совсем не хотелось. Но вещи-то забрать было надо! К тому же где-то там должен находиться человек, которого дядя Витя специально отрядил встретить племянницу и препроводить ее к новому месту жительства.

Получение багажа превратилось для миниатюрной Марины в суровое испытание. Чемодан с ее вещами размером напоминал небольшой холодильник и был практически неподъемен. Из квартиры до машины, а потом и до стойки регистрации во Внуково его помог дотащить любезный водитель такси. Правда, это стоило ему изрядных трудов, а ей – дополнительных расходов. Теперь же Марине предстояло самостоятельно снять чемодан с ленты транспортера и докатить до встречающего. Она надеялась, что встречать ее будет достаточно крепкий мужчина, иначе с загрузкой багажа в машину могла возникнуть проблема.

Когда чемодан, плывущий в пестром потоке багажа, приблизился к Марине в первый раз, она решительно ухватила его за ручку и дернула на себя. Многокилограммовое чудовище не шелохнулось, а Марина, не сообразившая сразу разжать пальцы, неожиданно для себя и окружающих совершила короткую энергичную пробежку вдоль движущейся резиновой ленты. Во второй раз она не только поймала чемодан, но даже исхитрилась подтащить его к краю транспортера. Однако ей снова не повезло – случайно оступившись, она едва не вывихнула кисть руки и вдобавок сломала ноготь. Теперь бежевый монстр на колесиках, словно насмехаясь над хозяйкой, совершал очередной круг почета, третий по счету.

Марина уже готова была расплакаться от досады, когда над ухом раздался знакомый голос:

– Давайте помогу. Я же говорил, что могу еще пригодиться.

Около нее стоял здоровенный, состоящий из одних мускулов Вадим. На плече у него висела огромная, метра полтора в длину, спортивная сумка. Видимо, свой багаж он уже получил.

– Да, помогите, пожалуйста, – покорно вздохнула Марина. – Мой чемодан вон там... Катается.

– Я уже успел понять, какой из них ваш. Сейчас мы с ним разберемся.

Через минуту чемоданище, как пушинка, приземлился рядом с Мариной.

– Вот и все, – радостно сказал Вадим. – Вам куда теперь? А то, если хотите, могу подбросить, за мной машину с водителем прислали.

– За мной тоже. Только мне его еще найти надо.

– Пойдемте вместе. Не возражаете? Я помогу чемодан довести, а то споткнетесь на этих своих каблуках, он упадет сверху – и все, вам самой не выбраться.

– Пойдемте. Только вы зря думаете, что я такая немощная. Я гимнастикой занималась, аэробикой, даже немного кикбоксингом.

– Да? – заинтересовался Вадим. – И как, можете уложить бандита одним ударом?

– Одним не одним, но кое-что могу. А вы что – спортсмен? Или бодибилдингом занимаетесь?

– Почему? Ах, это...

Вадим напряг правую руку, продемонстрировав шарообразный стальной мускул.

– Это остатки прежней роскоши. Когда-то я действительно имел отношение к спорту – занимался вольной борьбой, даже медали завоевывал. Позже серьезно увлекся подводным плаванием. Но потом бросил, другие интересы появились. Впрочем, подводное плавание люблю до сих пор. Видите, – Вадим потрянул своей гигантской спортивной сумкой, – снаряжение с собой вожу.

Играючи управляясь со своим и Марининым багажом, Вадим пересекал зал аэропорта уверенно, как боевой крейсер Средиземное море.

– Какие же интересы вытеснили спорт? – любопытствовала Марина, стараясь не отставать от него ни на шаг.

– Журналистика. Погоня за информацией, поиск сенсаций, расследования.

– Так вы журналист?

– Журналист. Но теперь уже не просто рядовой журналист. Заместитель главного редактора.

– Правда? А в каком журнале вы работаете? В глянцево-

– Обижаете. Скорее наоборот. Я редактор газеты «Скандалы нон-стоп». Слышали про такую?

– Конечно, слышала. Только... – Марина замялась.

Многие ее знакомые «Скандалы нон-стоп» иначе как бульварным листком и желтой газетенкой не называли. Кроме того, в Интернете часто мелькали сообщения о судебных тяжбах, которые вела газета с героями своих скандальных и провокационных публикаций.

– Ладно, – усмехнулся Вадим. – Можете не продолжать. Желтая пресса и так далее? Угадал? Да не смущайтесь, я уже привык к такой реакции. Но с другой стороны, приятно – узнают. Ну, вот мы и пришли. Кто вас встречает?

Марина внимательно оглядела плотные шеренги людей, ожидающих появления родственников, друзей, знакомых, сослуживцев. У многих в руках виднелись таблички с надписями. Наконец она увидела то, что искала.

– Вон тот молодой человек в черной рубашке с белым галстуком. Высокий такой. Катите чемодан к нему.

Вадим глянул в том направлении, куда показала Марина, и нахмурился.

– Ого, этому доверить чемодан можно. Не хлюпик. А почему одет как мафиози?

– С чего вы взяли? – вступилась Марина за дядиного посланца. – Нормально одет.

– Говорят, мода носить черные рубахи с белыми галстуками пошла от одного сицилийского дона. С тех пор у членов мафии это считается особым шиком. Ну, ничего, зато вы – в надежных руках.

– В каких еще руках? Его мой дядя прислал. Я вообще-то к дяде сюда приехала, – решила зачем-то уточнить Марина.

– Вот и хорошо, – расплылся в улыбке Вадим. – Надолго?

– Не знаю. Вероятно, надолго.

– Здорово. Может быть, еще не раз встретимся, город-то маленький. Телефон и адрес не спрашиваю. Ведь не дадите?

– Не дам.

– Я так и понял. Поэтому надеюсь на случай. Очень надеюсь, уважаемая Марина Топилина.

– Откуда вы... – изумленно начала Марина, но Вадим не дал ей закончить и рассмеялся:

– Успокойтесь, я не крал вашего паспорта. Что же вы такая недогадливая? Вы же сами указали мне на мафиози, то есть на посыльного вашего дяди. А он держит в руках большущий кусок картона с вашим именем. Как сказал бы великий сыщик с Бейкер-стрит – элементарно! Кстати, позвольте и мне полностью представиться – Вадим Баратынский. Имею честь принадлежать к знаменитому роду Баратынских, который подарил России многих достойнейших людей, в том числе великого поэта.

Вадим изящно, насколько позволяла его мощная фигура, раскланялся.

Продолжая разговаривать, молодые люди приблизились к встречавшему Марину мужчине. Она поздоровалась с «чернорубашечником» и снова повернулась к Вадиму лицом, чтобы поблагодарить его за помощь и попрощаться.

Тот, серьезно поглядев ей в глаза, неожиданно попросил:

– Марина, прежде чем я передам вас вместе с чемоданом по инстанции, обещайте мне одну вещь. Пожалуйста...

– Какую?

– Если мы случайно встретимся в городе, пообедаете со мной?

Марина в ответ лишь махнула рукой.

– Посмотрим. Извините, Вадим, у меня сейчас другие, довольно серьезные проблемы. И мне не до... В общем, до свидания. Еще раз спасибо, что помогли с чемоданом.

Вадим сокрушенно покачал головой и печально, как будто через силу, улыбнулся.

– Ну что ж. Как скажете. Но все равно был рад знакомству.

– Я тоже.

Марина вдруг поняла, что ей не хотелось бы вот так просто оборвать разговор.

И Вадим, который уже вроде бы помахал ей на прощание рукой, почему-то не уходил, а стоял, переминаясь с ноги на ногу.

Молодой человек в черной рубашке, которому уже надоело ждать, пригласил Марину идти за ним и ловко потащил чемодан к выходу. Бросив короткий взгляд на его спину, она тем не менее осталась стоять на месте.

– А вы-то сами надолго сюда? – спросила она Вадима.

– Не знаю. Как дела пойдут. Наверное, недели на две, может быть, больше.

– И чем будете заниматься? – все тянула время Марина, хотя ей давно пора было бежать к машине.

Вадим как-то странно посмотрел на нее и, наклонившись к самому уху, тихонько прошептал:

– Русалок ловить.

Марина от неожиданности отпрянула и изумленно уставилась на него.

– Вы... смеетесь надо мной?

– Мне не до смеха, – тяжело вздохнул Вадим. – Я провожу журналистское расследование. В здешних местах, как оказалось, водится всякая нечисть. В озере Солнечное. С некоторых пор местные жители наблюдают здесь странных существ – полурыбы-полулюди. Пока что эти существа ничего страшного не натворили. Но это лишь пока, я уверен!

* * *

Совещание у главы строительного холдинга «Малахит» началось, как всегда, без опозданий. Семь человек, облаченных, несмотря на июньскую жару, в строгие офисные костюмы с галстуками, примерно за пять минут до начала молчаливо расселись вокруг огромного стола в зале заседаний. Ровно в десять часов утра в зал быстро вошел коротко стриженный брюнет лет сорока, низкорослый, плотного телосложения, со злыми карими глазами. Это был генеральный директор и главный акционер холдинга Павел Потапов. Его сопровождал пожилой благообразный джентльмен с изящным портфелем в руках, о профессии которого можно было не спрашивать. Его внешность и повадки просто кричали о том, что благообразный джентльмен – адвокат.

– Садитесь, – буркнул Потапов поднявшимся поприветствовать шефа сотрудникам и плюхнулся в большое председательское кресло, стоящее в торце стола. Адвокат с портфелем, набитым документами, примостился неподалеку.

Внимательно осмотрев напряженные физиономии собравшихся, Потапов хлопнул ладонью по столу и отчеканил:

– Сначала – отчеты. Начнем с управляющей компании. Маркетологи, проектировщики, дизайнеры – бюджеты. Данные по продажам – отдельно, ко мне сегодня в восемнадцать часов. Затем – инвестиции. Строительные организации, производство, инфраструктура. Оценка эффективности работ подразделений холдинга. Информация об увольнениях и новых назначениях. Потом для выживших – уточненные планы и новые поручения. Реклама – после совещания. Поехали!

За широкими плечами Потапова был незаконченный институт физкультуры и бурная молодость в составе различных преступных сообществ, где он был больше известен как Паша Керосин. Правда, последние несколько лет Потапов возглавлял крупный строительный холдинг и всячески дистанцировался от бывших подельников и любых сомнительных сделок. Он охотно принимал участие в светских мероприятиях, занимался благотворительностью. Общался с прессой и комментировал тенденции рынка недвижимости. Прилагал титанические усилия, чтобы его имя больше не мелькало в криминальной хронике. С этой целью были затеяны две судебные тяжбы, одну из которых адвокаты Потапова с блеском выиграли, отсудив у весьма рейтинговой телепередачи изрядную сумму и заставив ее ведущего извиниться в эфире перед уважаемым бизнесменом. Другой судебный процесс с популярной газетой «Невероятно!» длился до сих пор. Но и здесь перспективы были для Павла Андреевича самые радужные.

Работников холдинга шокировал неоправданно жестокий и грубый стиль управления, который Потапов культивировал в своих владениях. Сам генеральный директор предпочитал именовать его агрессивно-деловым, что сути дела не меняло. Впрочем, удивляться не приходилось – основы бизнеса и управленческую практику Паша Керосин постигал не в лондонских колледжах и офисах.

Ровно через два часа Потапов хлопком широкой ладони по столешнице закончил совещание и кратко подвел итоги:

– В основном нормально. Строим в соответствии с планами и сметами, сроки выдерживаем. Сергей, можешь прислать список на бонусы, подпишу. Кому – сам решишь. Беспокоит

инфраструктура и строительство дорог к морям. Буренин – пока предупреждаю, ясно? Потом приму меры. Проблема с покупкой четырех необходимых нам участков. Полгода решить не можем. Коваль, ты свободен. Сейчас от меня прямиком в кадры и – по собственному желанию. Заплачу за три месяца вперед, в счет прошлых заслуг. Все!

Слова «здравствуйте», «до свидания» и «спасибо» отсутствовали в лексиконе главы холдинга «Малахит». Присутствующие, включая уволенного, который не посмел ничего даже пискнуть в свое оправдание, встали и гуськом вышли из помещения. За столом остались три человека – Потапов, благообразный пожилой джентльмен и худенький молодой человек с мордочкой хорька и бойкими черными глазами.

– Борис Захарович, – обратился Потапов к адвокату, – подождите меня в приемной, есть одна интересная тема, хочу посоветоваться.

Адвокат всем своим видом выразил неудовлетворение тем, что его так бесцеремонно выпроваживают, однако послушаться хозяина не посмел.

– Хорошо, Павел Андреевич, – с достоинством ответил он, взял портфель и, не торопясь, покинул зал заседаний, плотно прикрыв за собой обитую кожей дверь.

Выждав пару минут, Потапов, развернувшись всем корпусом к молодому человеку, вкрадчиво заговорил:

– Ну, Рома, рассказывай, как идет рекламная кампания и что еще ты напридумывал, чтобы привлечь покупателей?

Роман Овчинников возглавлял в холдинге отдел рекламы и связей с общественностью. В случае необходимости он же исполнял обязанности пресс-секретаря генерального директора.

– Уже сегодня кампанию можно признать эффективной. Маркетологи и продажники могут вам это подтвердить. Продажи, особенно вдоль берега озера, выросли за месяц почти на пятнадцать процентов. И это не только сезонный спрос на курортную недвижимость. Удалось поднять общий интерес к нашему проекту.

– Знаю, хороший признак. Дополнительно какие-то меры принимали?

– Конечно. Добавили рекламу в самолетах и поездах, следующих в Солнечноводск. Щиты на всех основных трассах. Новые ролики на радио.

– А пресса?

– Специализированные издания пишут о строительстве в Солнечноводске регулярно, даже релизы наши публикуют. Крупные деловые газеты и журналы пока присматриваются. Кое-кто убежден, что проект нового международного курорта провалится. Или денег от нас ждут.

– Может, проплатить две-три статьи?

– Как скажете, Павел Андреевич. Я бы не стал – потом ведь строчки бесплатно не напечатает. А вообще с прессой ситуация сами видите какая – они все как с ума сошли с этими русалками, только об этом и пишут.

– Да, читаю. Пусть пишут, надеюсь, это нам не повредит. Теперь слушай. Одному нашему партнеру принадлежит доля в крупном рекламном холдинге. У них хорошие возможности в Москве и Питере. Вот телефон. – Потапов протянул молодому человеку визитную карточку. – Свяжись с ним. Надо потряхнуть обе столицы, пусть тащат деньги сюда.

– Тряхнем так, что пух и перья полетят.

– Пух и перья нам без надобности. Деньги пусть полетят. В теплые края.

И Потапов хрипло, почти не разжимая губ, рассмеялся, довольный собственной грубоватой шуткой. Овчинников тоже хихикнул, но тотчас же сделался серьезным.

– Какие еще пожелания, Павел Андреевич?

– Не наломай дров. И держи ситуацию под контролем. А в пятницу поговорим, как быть дальше. Я тебя вызову. Вопросы?

– Все ясно, – хищно облизнул губы Овчинников.

– Тогда иди работай.

Минуту спустя Потапов прошел через огромную приемную к себе в кабинет. На ходу бросил адвокату, который с индифферентным лицом сидел в кресле:

– Борис Захарович, заходите. Надо решить вопрос с этими проклятыми участками. Пока не подберу человека на место Коваля, сам займусь землей, а то время упустим. Сейчас все обсудим. Дело, сами понимаете, деликатное.

Адвокат поднялся, взял в руки портфель и тихо произнес:

– Деликатные дела, Павел Андреевич, лучше всего решать радикальными способами.

* * *

С утра Марина решила досконально изучить новое место жительства. Для этого она раза три прошлась по дому и предприняла вылазку с целью изучения ближайших окрестностей. Дядин дом поразил Марину, не избалованную роскошью загородных резиденций. Такие архитектурные шедевры обычно показывают в кино о жизни богатых и знаменитых. Изящный, украшенный колоннами и отделанный мрамором, он возвышался прямо на берегу озера как маленький волшебный замок. Интерьеры дядиной усадьбы тоже были чудо как хороши. Чувствовалось, что дизайнеры поработали от души. К дому примыкал сад, точнее – огромный парк, где помимо гигантских деревьев росли еще какие-то диковинные южные растения и стояли белоснежные скульптуры.

Поначалу вся эта роскошь ее немного смутила. Впрочем, философски рассудила Марина, к таким вещам быстро привыкают. Однако больше всего ее поразил владелец этих чертогов. Вчера, как только она переступила порог, навстречу гостю выехал презентабельный пожилой господин в отличном костюме и при модном галстуке. «Ему бы, – неожиданно подумала Марина, – не в инвалидном кресле сидеть, а за столом президиума. Эффектный мужик».

Этой минуты она больше всего ждала и боялась. Здесь главным было с самого начала взять верную ноту, а в противном случае вся затея с ее приездом могла обернуться сплошным кошмаром. Но очень многое при первом знакомстве зависело и от самого дяди Вити.

– Марина? Здравствуй, дорогая! – по-свойски пророкотал он и протянул ей широкую загорелую ладонь.

– Здравствуйте, – неуверенно произнесла Марина, протягивая руку для рукопожатия. Но дядя, крепко взяв ее маленькую ладошку, как-то ловко притянул племянницу к себе, и они вполне естественно обнялись и расцеловались.

– Уф, – громко выдохнул Избуцкий, вытирая белым носовым платком вспотевший лоб. – Я так волновался! А ты?

– Я тоже, – честно призналась Марина.

– Еще бы не волноваться, мы же с тобой виделись один раз в жизни, да и то, когда ты была ребенком. Хороши родственнички, а? Это все из-за меня, и я уже перед Верой повинился. Нас ведь так мало осталось, близких людей. Я имею в виду – близких по крови. Ты, твоя мама и я. Трое! На всем белом свете! Даже подумать страшно. Ладно, об этом мы еще поговорим. А сейчас я покажу тебе твою комнату, и мы пойдем обедать. Ты наверняка голодна. Ну, а потом отдохнешь с дороги, и вечером посидим на бережку, закат посмотрим. Увидишь, какая здесь красота. Заодно обсудим, как будет выглядеть теперь наша жизнь. Утверждаешь программу?

– Утверждаю, – легко улыбнулась Марина.

«Чувствуется школа, – думала она, распаковывая и раскладывая вещи в своем новом роскошном жилище. – Хваткий, деловой, но не настырный, любезный без угодничества, свойский, но в меру. Харизма налицо. Интересно, он таким всегда был или служба закалила? Нет, кажется, с дядей мне повезло, хоть и с опозданием».

За обедом Виктор Федорович развлекал племянницу воспоминаниями о близких и дальних родственниках. В основном это были смешные истории, почти байки, над которыми Марина от души хохотала. Она была благодарна дяде за такой необычный экскурс в историю их рода. Ведь этих людей она никогда не видела и уже не сможет увидеть.

И уже поздно вечером, на берегу, во время феерического солнечного заката, состоялся обещанный разговор, который, с одной стороны, сильно Марину озадачил, но с другой – развеял последние ее сомнения. «Конечно, все это очень неожиданно, – размышляла она, лежа в новой замечательной кровати на невероятных фиолетовых простынях. – Даже не верится, что такое может случиться в жизни. Вдруг это действительно мой шанс изменить судьбу? Почему, собственно, в мою жизнь не может постучаться чудо?»

Марина долго еще ворочалась с боку на бок, вновь и вновь прокручивая в голове детали удивительного разговора.

Когда они наконец устроились около воды – племянница в одном из удобных шезлонгов, стоявших на маленьком искусственном пляже, а дядя в своей инвалидной коляске рядышком, чуть сбоку, – Виктор Федорович неторопливо начал:

– Ну что, Марина, удивил я вас с мамой, когда вдруг объявился через много лет, да еще с таким неожиданным предложением?

Марина сделала попытку ответить, но Избуцкий мягким движением руки остановил ее.

– Все я прекрасно понимаю. Даже догадываюсь, что вы там обо мне говорили. Вот, мол, пока был большим начальником, мы ему были не нужны, а как вышел в отставку, да еще инвалидом стал – так сразу вспомнил о родственниках. Пушкина цитировали? Как дядя не в шутку занемог?

Тут Виктор Федорович хитро подмигнул племяннице. Марина почувствовала, что краснеет, но все равно протестующе замотала головой. Мол, как вы такое могли подумать?

– Да ладно, ладно, – усмехнулся Избуцкий. – На самом деле в чем-то вы, конечно, правы. Только мне все равно хочется кое-что тебе сегодня объяснить. Так случилось, что с самой молодости я был на государственной службе. А последние полтора десятка лет отпахал мэром вот этого города. Сказать по правде, такой жизни врагу не пожелаешь. Понимаешь, девочка, когда ты себе не принадлежишь, когда спишь по три-четыре часа в сутки, когда забываешь, что такое выходной, а из отпуска тебя отзывают, не дав отдохнуть и недели, – жизнь превращается в один нескончаемый рабочий день, который длится годами. И время при этом проносится стремительно. Но в какой-то момент ты вдруг останавливаешься и с ужасом понимаешь – лучшие твои годы остались далеко позади. Жизнь промчалась, а ты и не заметил.

Виктор Федорович задумчиво покачал головой, но потом встрепенулся и продолжал:

– Для меня такой момент настал в прошлом году, когда я вышел на пенсию. Ушел сам, потому что устал от этого бешеного ритма, бесконечных нагрузок и стрессов. Но как только я удалился от дел – тут же навалились болезни. Не стану тебя пугать обилием диагнозов, которые мне поставили доктора. Все это неприятно, но, к счастью, не смертельно. Вот только ноги вдруг стали отказывать. Это обстоятельство удручает меня больше всего, ведь я жуткий непоседа. Привык много ходить, в теннис люблю играть, кататься на велосипеде. И вот... Кто бы мог подумать!

Избуцкий с досадой стукнул себя по колену кулаком.

– К счастью, я не какой-нибудь парализованный калека, навечно прикованный к своему креслу. Знаешь, я ведь еще могу немного передвигаться на костылях и даже, пожалуй, с палочкой пройду несколько шагов. Но врачи не в состоянии сказать, что будет дальше: получится у меня победить болезнь, или же она меня победит.

Избуцкий минуту молчал, глядя на уходящее за горизонт солнце, потом заговорил снова:

– Скажу тебе откровенно, Марина, я не был уверен в том, как вы с мамой отреагируете на мое предложение. Думаю, мне ужасно повезло, что моя сестра не отвернулась от меня, а моя племянница сразу же бросилась на помощь.

Виктор Федорович устало провел рукой по лицу, словно отгоняя нахлынувшие на него сентиментальные чувства. Марина сидела тихонько, не желая помешать дядиной исповеди. Она чувствовала, что ему хочется выговориться.

– Вот, лирическая часть подошла к концу, – вновь заговорил Избуцкий, – и сейчас я перехожу к делу. К тому, ради которого я и просил тебя приехать. Очень надеюсь, что ты не пожалеешь о принятом решении.

Марина молча кивнула, как бы подтверждая, что ни в чем не раскаивается.

– Итак, мне нужен человек, который постоянно находился бы возле меня и помогал мне. Такой человек, которому я мог бы полностью доверять. А доверять, как известно, можно лишь родным людям. У меня нет семьи, нет детей, хотя я трижды был женат. Поэтому надеяться мне остается лишь на тебя, племянница.

Марина хотела было что-то сказать, но Виктор Федорович предупреждающе поднял руку.

– Дай мне закончить, а потом уж будешь задавать свои вопросы. Думаю, ты уже догадалась, что я собираюсь передать в твои руки управление всем моим обширным хозяйством. Разумеется, речь не идет о готовке, уборке и тому подобных вещах – для этого у меня есть горничная, повар и шофер. Но мне самому стало тяжело руководить ими и следить за тем, чтобы они как следует выполняли свою работу. А вот ты с такой задачей наверняка справишься отлично. Но главное все же не это. Знаешь, как я обрадовался, когда узнал, что ты по профессии врач? Это именно то, что мне нужно! Я хочу, чтобы ты взяла под свой контроль местных докторишек, которые взялись поставить меня на ноги, но которым я, честно говоря, не слишком доверяю. Они лишь деньги брать горазды, но никакой пользы от их услуг я пока так и не почувствовал. Только не волнуйся – я вовсе не жду, что ты сама возьмешься лечить больного дядю. Ни в коем случае! Тебе предстоит лишь припугнуть моих врачей – пусть знают, что отныне будут иметь дело с профессионалом, которому вряд ли удастся навешать лапшу на уши.

Явно довольный своей придумкой, Виктор Федорович потер руки, а потом подмигнул племяннице и повел речь дальше:

– Все остальное – это уже мелочи. Выехать со мной на прогулку, в магазин, помочь организовать встречу гостей, если потребуется. Вот такой расклад. Теперь тебе предстоит решить, согласна ли ты взвалить на свои плечи такую обузу?

– Получается, я все уже решила, – улыбнулась Марина. – Раз приехала.

– Я очень рад, – искренне обрадовался Виктор Федорович, который, впрочем, именно на такой ответ и рассчитывал. – Что же касается денег...

– Дядя, но вы не должны мне платить... – попыталась встрять Марина, однако Избуцкий тут же ее перебил.

– Еще как должен! – не терпящим возражения тоном заявил он. – Я же сорвал тебя с насиженного места, с работы. Может быть, не самой лучшей и денежной, но все-таки. Ты уехала из дома, оставила мать, к тому же, вероятно, страдает твоя личная жизнь.

– Ничуть не страдает, – хмыкнула Марина, но увлеченный своими мыслями дядя оставил эту ее реплику без внимания.

– Итак, Марина, продолжим наш деловой разговор. Если ты думаешь, что уже поняла, каковы мои планы, то глубоко ошибаешься. Все, о чем я до сих пор говорил, является лишь прелюдией к самому главному.

Марина, которая действительно решила, что дядя уже выложил на стол все свои карты, насторожилась. Что там еще задумал этот энергичный старик?

– Хотя у меня нет собственного бизнеса, я не наворовал миллионы, как это сделали бы многие на моем месте, но, как видишь, кое-что скопить мне все же удалось, – сказал Избуцкий

и плавным широким жестом обвел свои владения. – Вся эта недвижимость сегодня тянет на очень серьезную сумму. Но и содержание ее обходится мне недешево. Когда я был хозяином этого города, многие вопросы решал запросто, без всяких денег, зато сейчас... Если в доме что подремонтировать, на территории что-то сделать – все из своего кармана! А зарплата прислуге? Кстати, у меня ведь еще и садовник есть. В общем, я все как следует посчитал и понял, что смогу продолжать в том же духе от силы года два – к тому времени это гигантское хозяйство сожрет весь мой наличный капитал. И тогда я придумал вот что.

Марина во все глаза смотрела на дядю, пытаясь догадаться, что же такое он затеял, но так и не смогла угадать.

– В общем, в течение года я намерен привести в порядок все свои дела и еще дописать первую книгу воспоминаний. К следующему лету я должен с этим разделаться, и тогда... Тогда я переселюсь в местный Дом ветеранов.

Увидев недоумение на лице племянницы, Виктор Федорович улыбнулся и поспешил объяснить:

– Не бойся, я не собираюсь жить в убогом приюте для престарелых. Наш Дом ветеранов – это отличное учреждение, специально созданное для ответственных работников и родственников состоятельных людей. Там прекрасно живут многие мои друзья и бывшие сослуживцы.

– Но как же?! – протестующе воскликнула Марина, однако дядя не дал ей договорить.

– И не спорь, девочка. Я давно уже все решил, и решение это мне нравится. С каждым годом я все более буду становиться окружающим в тягость. Тебе рано или поздно захочется завести семью, замуж выскочишь. Так что я все правильно придумал. А в Доме ветеранов и уход прекрасный, и публика такая, что мне скучать не придется. Хотя удовольствие это, прямо тебе скажу, дорогое. Кто-то квартиры свои оставляет в счет оплаты за проживание, зато я смогу деньгами. Вот теперь переходим к основному пункту нашей беседы – деньгам. Я хочу с твоей помощью продать это поместье. Сумма, которую мы за него выручим, будет достаточной, чтобы заплатить сколько нужно за мою новую богадельню, а остальное – тебе и твоей маме. Ну, как тебе такой план?

Марина на некоторое время потеряла дар речи. Потом попыталась убедить дядю, что вовсе незачем заживо хоронить себя в каком-то доме престарелых. Но он лишь отмахнулся от ее речей.

– Мариночка, ты просто не знаешь, о чем идет речь. Там такой домище отгрохали – любой пятизвездочный отель позавидует. Это первое. Второе – я туда не завтра собрался, так что еще намучаешься с капризным противным дядюшкой. Сама же первая захочешь, чтобы я туда поскорее перебрался.

– Дядя!

– Не сердись – шучу. Эх, и почему я раньше не додумался с вами встретиться – с Верочкой и с тобой? Как давно не было рядом действительно родного человека. Все-таки как ощущается кровное родство! Вот мы с тобой, по сути дела, впервые видимся, а какие сильные эмоции, чувствуешь?

Марина согласно кивнула – надо было признать, она тоже испытывала некое волнение.

– Что, племянница, сильно я тебе удивил? – пристально глядя на Марину, спросил Виктор Федорович. – Преподнес тебе сюрприз?

– В общем-то да.

– Приятный?

– Не знаю. Но если вам так будет лучше...

– Надеюсь, что лучше. Ладно, тебе пора отдохнуть, а то слишком много впечатлений для первого дня, не так ли? Потом у нас с тобой будет еще масса таких вечеров – наговоримся.

Увидев, что Марина находится в некотором замешательстве, Виктор Федорович легонько похлопал ее по руке и, по-отечески улыбнувшись, добавил:

– Беги, отдыхай. Я еще побуду на берегу. Только у меня к тебе одна просьба – о нашем разговоре никому не рассказывать, даже маме. Тут разные люди есть, даже телефоны порой прослушивают. Пронюхают раньше времени о моих замыслах – сплетни пойдут. Город небольшой, а я человек здесь известный. Да и вообще, это наше семейное дело, никого больше не касается. А так как связано оно с большими деньгами, то еще и весьма секретное. Ты ведь умеешь хранить секреты?

– Конечно, – улыбнулась Марина, вставая. – Я же доктор.

– Вот и славно, дорогой доктор. Теперь – спать.

А завтра начинай знакомиться со своим новым хозяйством. Добро пожаловать в семью!

* * *

Стас Ложкин, орнитолог-экстремист, сопредседатель скандально известной международной организации Фронт экологической обороны, прибыл в Солнечноводск ранним утром. Едва сойдя с поезда, Ложкин тут же, на перроне вокзала, провел пресс-конференцию с участием нескольких заспанных местных журналистов, которые накануне были оповещены о мероприятии специальным пресс-релизом, двух разбуженных яростными криками бунтаря-эколога синюшных бомжей, десятка любопытных пассажиров, ожидавших электрички, и сурового полицейского, пришедшего следить за порядком.

Плотный, рыжий, с маленькими наглыми глазками, Ложкин был похож на постаревшего Мальчиша-Плохиша. Он был одет в камуфляжные штаны, стянутые солдатским ремнем, зеленую майку с надписью «Ecodefence front» и бейсболку, украшенную аббревиатурой EDF.

– Мы остановим экспансию частного капитала, который хочет превратить нашу планету в мусорную свалку! Спасем уникальное озеро, даже если придется лечь под гусеницы бульдозеров! – хрипло выкрикивал Ложкин, забравшись на возвышение. – Фронт экологической обороны уже здесь! Мы открываем боевые действия в Солнечноводске. Потаповы и ему подобные должны знать, что есть сила, способная остановить беспредел!

Он сорвал с головы бейсболку и, сжав ее в кулак, вытянул руку вперед. Немного постояв в позе Ленина на Финляндском вокзале, Ложкин прыгнул вниз и уже нормальным тоном сказал:

– Какие вопросы у господ журналистов?

– На пиво дашь? – сипло поинтересовался один из бомжей.

– Вы какое издание представляете? – удивленно спросил оратор, не до конца разобравшись в ситуации.

– «Привокзальные известия», – ответил находчивый бомж под одобрительный смех собравшихся.

– Из-за таких, как вы, гибнут редкие животные! – зачем-то возвел напраслину на бомжа уязвленный эколог. – Я спрашиваю: у прессы вопросы есть?

– Есть! – вверх поднялась рука с зажатой в ней ручкой. – Газета «Солнечноводск сегодня». Какие цели преследует ваша организация у нас в городе?

– Цели самые благородные. Первое – прекратить массовую застройку берегов озера Солнечное. Второе – отдать под суд тех, кто занимается хищническим уничтожением местной флоры и фауны. Строительство, которое второй год ведет здесь холдинг «Малахит», принадлежащий известному бизнесмену и не менее известному бандиту Потапову, разрушает созданную природой много веков назад экосистему. Могут совсем исчезнуть уникальные озерные дюны. По нашим сведениям, от них уже и так ничего не осталось. Но это не все! Может вообще исчезнуть занесенная в Красную книгу уникальная птица – *calidris schoeniclus alpina* Linnaeus, веерохвостая тростниковая чернолапка.

– Простите, какая-какая чернолапка? – уточнил журналист.

Ложкин без запинки повторил. Чувствовалось, что текст он знает превосходно, как хороший актер в канун премьеры.

– Газета «Жуть!». Вы один собираетесь защищать озеро? – выкрикнула девушка в белых брючках и огромных солнцезащитных очках.

– Нет, – гордо ответил Ложкин. – Со мной тысячи, десятки тысяч честных людей.

– А где они? – не унималась девушка из «Жути!». – Будут позже? Прилетят, приедут на автобусах? Или часть приехала сегодня с вами на поезде?

– Не понимайте меня буквально! – вскипел Ложкин. – Да, пока я здесь один. Я – авангард Фронта экологической обороны в Солнечноводске. Надеюсь, мне удастся мобилизовать общественность, поднять на борьбу всех людей, которым небезразлично будущее нашей планеты, колыбели человечества! – Выкрикнув все это, он уже спокойно объяснил: – На днях в город приедут и другие представители нашей организации, включая международных наблюдателей.

– Сколько человек? – выпытывала дотошная журналистка.

– Достаточно, чтобы лечь на дороге грейдеров и экскаваторов, – уклончиво ответил эколог.

– Вы так думаете? – усомнился какой-то молодой человек с диктофоном. – Вы в курсе, сколько техники ежедневно задействовано на строительстве курорта «Солнечный»?

– Еще Суворов говорил, что воюют не числом, а умением. Недавно мы остановили и развернули два крейсера и авианосец, которые грубо нарушали международное экологическое законодательство. – Ложкин высокомерно оглядел стоящих перед ним людей. – Думаете, не справимся с тракторами и бетономешалками?

– А с Павлом Потаповым вы общались? – поинтересовался тот же молодой человек с диктофоном, – Если да, поделитесь впечатлениями с читателями газеты «Новый курорт».

– Господин Потапов отказался с нами общаться и публично назвал экологическими бандитами. Не знаю, что он имел в виду. Впрочем, про бандитов ему должно быть хорошо известно. Я неоднократно пытался связаться с ним по телефону, но он отказывается цивилизованно обсуждать проблему. Его пресс-секретарь прислал нам официальный ответ, где ссылается на разрешающие это варварское строительство документы. Но дело в том, что сами документы были изданы противозаконно.

– Вы обращались в прокуратуру?

– Естественно. Еще полгода назад послали запрос. Обещали разобраться, но пока тишина. Наверное, у господина Потапова есть для надзирающих инстанций более весомые аргументы. – Ложкин замолчал на секунду, а потом неожиданно заорал: – Озеро тем временем гибнет! Чернолапка вымирает! А вы превращаетесь в мутантов!

На некоторое время воцарилась тишина: Ложкин восстанавливал дыхание, а его аудитория переваривала сказанное. Первым ожил журналистский корпус:

– Газета «Пусть говорят». У вас имеется разрешение от властей города на все заявленные мероприятия?

Ложкин сардонически усмехнулся:

– Если мы будем согласовывать свои действия с чиновниками, то никогда ничего не сделаем. Наша сила – в независимости.

– Вы – анархисты?

– Мы – экологи и чтим закон. Более того, в своих действиях часто на него опираемся. Но там, где необходимо, мы идем против течения. То есть плывем! – гордо возвестил Ложкин.

– Не хотите, пользуясь своим пребыванием в городе, лично пообщаться с Потаповым? Вдруг он согласится на переговоры? – вновь подала голос девушка из газеты «Жуть!».

– Есть более интересный вариант. Существует договоренность с вашим телевидением о специальной программе, посвященной экологической безопасности. Будут приглашены представители мэрии, прокуратуры, ученые-биологи. Разумеется, и мы, экологи. Господин Пота-

пов получит персональное приглашение. Так что у нас с ним будет возможность пообщаться в прямом эфире. Вот и пусть он, глядя в глаза жителям города, поведаст, как его строительные легионы разрушают природу края. Вдруг ему удастся доказать, что его деятельность безвредна? Но я в этом глубоко сомневаюсь. Давайте последний вопрос, и я покину вас. Пора заниматься делами. Руководство Фронта экологической обороны ждет от меня конкретных действий.

Последний вопрос задал молодой человек с диктофоном:

– Вы приехали защищать дюны и какого-то тростникового чернохвостика. А как насчет русалок? Они входят в ваше понимание экосистемы озера Солнечное?

– Слышал я про эти ваши чудеса, – отмахнулся Ложкин. – Я не верю в летающие тарелки, инопланетян, леших, домовых и прочую чепуху.

– Но их видели, есть документальные подтверждения!

– Не верю. Все это ерунда. А вот то, что ночью по берегу теперь шатаются толпы журналистов с фотоаппаратами и камерами, – это плохо для озера и особенно для бедных птиц. Ваши беспокойные коллеги в поисках сенсации не дают им спокойно отдыхать, вить гнезда и выводить птенцов. Они нервируют последних представителей этого исчезающего вида. «Какой-то» чернохвостик! Веерохвостая тростниковая чернолапка! – вдруг снова заорал Ложкин. – Слышите? Веерохвостая тростниковая чернолапка! Вы тут реально не понимаете, что происходит у вас под носом. Безразличие приведет к тому, что возле озера вообще не останется птиц. Здесь будут обитать и высиживать яйца Потапов и ему подобные!

После этого пророческого заявления Ложкин поднял сжатую в кулак руку и, видимо, вспомнив, что представляет в Солнечноводске всемогущие международные экологические силы, громко крикнул:

– Лонг лив Экодифенс фронт!

Затем, победно оглядев застывших в недоумении людей, отправился претворять в жизнь только что озвученную программу действий.

* * *

Две недели Марина усиленно вживалась в роль управляющей дядиным имением. Имение – именно так она предпочитала называть про себя дом с несколькими гаражами и огромной пристройкой, в которой находилась бильярдная, с красивым парком и теннисным кортом, а также гектары земли, на которой все это было расположено. Быстро разобраться во всевозможных тонкостях и текущих хозяйственных проблемах ей помог сам Избуцкий, а также горничная Анжела, шофер Леша, повар Артур и садовник Ханджар. Со всей дядиной обслугой дружелюбная и легкая в общении Марина быстро нашла общий язык. У нее уже был небольшой управленческий опыт, приобретенный в те счастливые времена, когда они с подругами имели собственную фирму. Поэтому Марина сумела довольно ловко, не задев ничьего самолюбия и никого не обидев, объединить еще недавно разрозненных игроков, превратив их в команду единомышленников. И по праву возглавила этот маленький дружный коллектив. «Если меня здесь не считают „новой метлой“, на замечания не обижаются, а нововведения воспринимают как фактор развития – значит, все идет правильно», – рассуждала Марина.

Разобравшись с дядиным бытом, она принялась за его здоровье. Через некоторое время лечащие врачи, посещавшие дом Избуцкого почти ежедневно, в корне изменили свое поведение. Еще недавно они приходили сюда важные и надменные, как сборщики податей, вяло выслушивали жалобы пациента, на вопросы не отвечали, лишь снисходительно выписывали рецепты и направления. Теперь картина была совершенно другая.

– Мариночка, что произошло? – восхищался Виктор Федорович. – Они живо интересуются моим состоянием, готовы часами выслушивать рассказы о недомоганиях, дают дельные советы. И совершенно не говорят о деньгах!

– Просто они любят, когда им правильно ставят задачу. Только разговаривать с ними надо на их профессиональном языке, – скромно отвечала племянница.

Механизмы воздействия на любых, даже самых пафосных докторов, все их болевые точки она прекрасно изучила, работая в больницах и поликлиниках. И объяснить местным эскулапам, как правильно себя вести с дядей Витей, ей особого труда не составило. Марина сумела выработать определенный рабочий график и теперь ощущала себя весьма комфортно. Она успевала все – съездить с Лешей и Анжелой за покупками, обсудить с Артуром меню, выбрать вместе с Ханджаром место новой клумбы и решить, надо ли высаживать дополнительно розовые кусты. Кроме того, помогала дяде, если он выезжал в город, принимал гостей у себя, хотел прогуляться по парку или посидеть на берегу озера. Во время последнего разговора с мамой Марина сказала ей, что почти счастлива. И это была правда.

По вечерам Марина была предоставлена сама себе. Все ее помощники расходились по домам, а дядя отправлялся в свою комнату на втором этаже, писать книгу воспоминаний. Марина, не зная, чем занять себя, сидела у телевизора, любовалась на закаты и – скучала. Она предложила было помочь дяде с рукописью, но тот решительно отказался.

– Спасибо, но в этом деле ты мне не помощник. Все здесь, в голове. – Он постучал себя костяшками пальцев по лбу. – И отсюда – прямо на бумагу, которая, как известно, все стерпит. Даже мои мемуары.

Договор на эту книгу он заключил недавно с одним из местных издательств. Как утверждал Виктор Федорович, мыслей, фактов и всяких интригующих историй у него было хоть отбавляй. «Они все обалдеют, когда ее увидят. Кое для кого это будет неприятным сюрпризом», – грозил он каким-то неведомым читателям.

И вот теперь каждый вечер после ужина Избуцкий, проклиная все на свете, карабкался на второй этаж, к себе в кабинет, чтобы закончить рукопись к назначенному сроку. Срок истекал в декабре, так что времени оставалось не так много. По лестнице он поднимался самостоятельно, цепляясь все еще сильными руками за перила, иногда помогая себе изящной, но крепкой палкой. Марина, впервые увидев эту картину, бросилась было на помощь, но Виктор Федорович объяснил ей:

– Понимаешь, если я не буду хоть чуть-чуть двигать ногами, они у меня вообще отнимутся. Такие тренировки необходимы. Я еще и по берегу могу на костылях пройти, вот увидишь. Сам по спальне потихоньку передвигаюсь – за мебель держусь. А там глядишь – танцевать еще буду!

Насчет танцев Марина сомневалась, но дядиным мужеству и силе воли отдавала должное. Однажды Виктор Федорович, собравшись на очередной штурм лестницы, спросил:

– Мариночка, ты так и сидишь целый вечер дома?

– Почему? На озеро хожу, читаю.

– Но это все равно дома. Поезжай в город, повеселись. У тебя же права есть? Ну вот. Бери машину, пятнадцать минут – и ты в центре. Кино, театр, рестораны. Денег я тебе дам.

– Спасибо, с деньгами у меня все в порядке. Но может быть, я и правда съезжу? Я вам понадоблюсь сегодня?

– Ты ведь уже поняла – сейчас книга, потом я сразу ложусь спать. Езжай спокойно. Если что – я тебе на мобильный звякну. Просто держи его под рукой. Идет?

И Марина стала не только днем, по делам, но и по вечерам выезжать в город – погулять, отдохнуть, развлечься. Она полюбила Солнечноводск, где-то – деловой, активный, где-то – по-южному ленивый, расслабленный. Сладкие ароматы, уютные теплые ночи, глубокое черное небо и сверкающие звезды над озером. А то, что неподалеку отсюда плещутся два теплых моря, придавало здешним местам особый шарм.

Сегодня был один из таких вечеров. Марина сидела на веранде маленького кафе на одной из центральных улиц, недалеко от драматического театра, пила сок и неторопливо размышляла

о своей новой жизни. Теперь, когда она узнала, чем живет и дышит город, что волнует его жителей, ей все здесь было интересно. Например, самая актуальная тема – превращение Солнечноводска в центр международного туризма. Курорт «Солнечный» – это была волшебная сказка, мечта, которая прямо на глазах становилась реальностью. Люди пребывали в радостном возбуждении. Инвестиции, отели, индустрия отдыха, толпы туристов! В сладком воздухе носился запах больших денег, и все его ощущали.

Или сенсация последнего времени – русалки, которые, по свидетельствам многочисленных очевидцев, появились в озере Солнечное. Городские телеканалы освещали довольно необычную тему практически ежедневно. В программах новостей интервью с очевидцами стали такими же обязательными, как прогноз погоды. Рассказы очевидцев разнообразием не отличались – видели прекрасных длинноволосых дев с рыбьими хвостами, которые либо сидели на камнях у берега, либо плыли в воде, демонстрируя весьма соблазнительную грудь. Небольшое оживление внесли два молодых человека, приехавшие в город на соревнования по виндсерфингу. Эти любители купаться по ночам утверждали, что русалки набросились на них, начали щекотать, а потом пытались утянуть за собой под воду.

Газеты публиковали фотографии, сделанные любительскими фотокамерами и мобильными телефонами. Что на них изображено, понять было сложно – то ли пожар на дискотеке, то ли заплыв на двести метров вольным стилем у женщин, то ли действительно шабаш оживших утопленниц. На них смутно угадывались чьи-то силуэты. У версии, согласно которой русалки существуют и живут в озере, было очень много сторонников. Но были и скептики. Они считали, что русалки в озере Солнечное – это такой же миф, как чудовище озера Лох-Несс.

На днях Марина даже спросила у дяди, как он относится к этим слухам, но тот лишь с досадой бросил: «Журналистская „утка“». Тут Марина вспомнила своего симпатичного соседа в самолете и его странные слова о том, что он приехал сюда ловить русалок. «А ведь мы так и не встретились с ним ни разу, – неожиданно подумала она. – Столько времени прошло, наверное, он уже вернулся в Москву».

Марина огляделась по сторонам. Ей очень нравилось в этом городе, особенно вечером, когда множество людей выходило на улицы. Она любила гулять вдоль озера или по центральной улице, превращенной в пешеходную зону, сидеть в уютных ресторанчиках, любоваться звездным небом. Единственное, что немного досаждало, – активность лиц противоположного пола. «Чем южнее, – размышляла Марина, – тем увереннее поступь блондинок. Здесь мы легко побеждаем любую другую масть в извечной борьбе за внимание мужчин».

– Здравствуйте! – раздался чей-то веселый громкий голос прямо у нее над ухом. – Вот так встреча!

Марина повернула голову, желая посмотреть, с кем в этот раз придется объясняться. И вздрогнула от неожиданности. За соседним столиком, развернувшись на стуле лицом к ней, сидел Вадим Баратынский собственной мускулистой персоной. Одет он был в светлые джинсы и легкую рубашку, которая едва сходилась на его мощной груди.

– Мы с вами опять оказались соседями. Только на сей раз вы слева. Это почти судьба! – радостно продолжал Вадим.

– Здравствуйте, – поприветствовала его Марина, не зная, как правильно себя вести. Поболтать немного и уйти? Но уходить, честно говоря, не хотелось. – Как ваши дела? Как продвигается расследование? – Она состроила Вадиму иронически-любезную рожицу, давая понять, что не возражает против легкой светской болтовни.

– Надо же, вы помните такие нюансы нашего недолгого разговора! – восхитился журналист. – Это приятно.

Марина в ответ снисходительно улыбнулась – мол, а ты думал! У нас никто не забыт и ничто не забыто.

– Если вам действительно интересно, могу рассказать и про расследование. Во время обеда, например. Как насчет обеда? Вы обещали, что если мы с вами случайно встретимся...

– С обедом вы опоздали, сейчас самое время для ужина. К тому же, если вы помните, я ничего не обещала.

– Да, конечно, – не унимался Вадим. – Но тогда как насчет ужина? Сами же сказали, что самое время.

– Я не ем на ночь и вам не советую. А то испортите фигуру.

– За это можете не беспокоиться. Но мне жаль, едва встретившись, вот так с вами расставаться. Давайте хотя бы поговорим о чем-нибудь.

– О чем же?

– Действительно, – задумался Вадим. – О чем бы таком потолковать? О погоде – пошло, о здоровье нам еще вроде бы рано. У вас дети есть?

– Нет, – машинально ответила Марина.

– И у меня нет. Значит, о детях тоже разговора не будет. Общих знакомых, чтобы посплетничать, у нас с вами тоже нет. Хотя... Есть!

– Что – есть?

– Один общий знакомый. Итак, Марина, позвольте поинтересоваться, как поживает Алекс? Вернулся он домой или скатился вниз по социальной лестнице и скитается в подвалах?

– Вернулся. На ваше счастье.

– Почему на мое?

– Потому, что если бы он не вернулся, то после этого вопроса я очень расстроилась бы и никогда не пошла с вами обедать.

– Да, – поскреб затылок Вадим. – Этого я не учел. Значит, повезло. По прибытии в Москву куплю Алексу заводную мышь, декоративный дуб в горшке и золотую цепь.

– Это еще зачем?

– Чтобы сидел дома, а не шлялся где попало. Однако, судя по вашей реплике, обед состоится?

Марина рассмеялась. Ей определенно нравился этот здоровенный веселый мужик. К тому же ее давно никто не смешил.

– Считайте, что я приняла приглашение.

– Обещаю, вы не пожалеете! При свете розового абажура, под чарующие звуки белого рояля и позвякивание серебряных приборов, где-нибудь между фуа-гра и бланкет де во я расскажу вам о своей гнусной работе и этих дурацких расследованиях. И мы зальем горечь рассказа бутылочкой волшебного Chateau Latour урожая...

– Хватит, хватит, я все поняла. Значит, идем в «Макдоналдс».

– Марина, вы меня обижаете. Только в «Старую башню». Лучший ресторан в городе, если вы не в курсе.

– Не в курсе. Завтра вечером, часиков в восемь.

– Значит, согласны на ужин? Прекрасно!

– Видите, какая я нетребовательная и непринципиальная.

– Мы с Алексом так не считаем.

– Это еще почему?

– Ему из-за вас пришлось бросить столь волнующий подвал и его обитательниц. Я, также из-за вас, бросаю на произвол судьбы своих русалок.

– Не выдумывайте, никаких русалок не существует, – улыбнулась Марина.

– К нашему завтрашнему ужину это отношения не имеет, – сказал Вадим и неожиданно серьезно добавил: – Но они существуют, поверьте мне.

* * *

– Что значит – пришлось приостановить работы?

Кто тебе разрешил?

Съездившийся в кресле главный инженер испуганно взирал на Павла Потапова, который навис над ним, как грозовая туча. Казалось, еще секунда, и глава строительного холдинга, словно грозный Перун, пронзит нечестивца сверкающей молнией.

Но Потапов лишь выругался и прошипел сквозь зубы:

– Ты у меня за простой из своего кармана заплатишь, понял?

– Павел Андреевич, – взмолился главный инженер, тут же с ужасом представив, о какой сумме может идти речь. – Что было делать? Там старушки с маленькими детьми лезли прямо под колеса! Водители боялись ехать. Ведь задавят – шуму не оберешься. Еще в суд подадут. Я и подумал...

– Ты не думать должен был, а советоваться. Чем охрана занималась? Юра, ты чего, своих бугаев не мог мобилизовать? Оттеснили бы толпу подальше – и все дела. Первый раз, что ли?

Начальник охраны встал и, осторожно кашлянув, ответил:

– Такое – в первый. Мы пытались действовать как обычно. Все же отработано. Но эта рыжая сволочь Ложкин просто специалист по диверсионным операциям. Пока мы осторожно теснили бабулек с детьми, из-за дюн вылезли совершенно раздетые девицы и стали бегать по стройплощадке, мешая рабочим. Тогда мои ребята бросили бабулек и стали ловить голых женщин. А когда поймали, то появились люди с фотоаппаратами и камерами, которые, оказывается, все это снимали. Девицы стали орать, что охранники на них напали с определенными целями. И тут же давали интервью примчавшимся журналистам. Бабульки тем временем окружили грейдеры, стали кидаться консервированными помидорами, измазали двух бульдозеристов вареньем, а детей рассадили на дороге так, что проехать было невозможно. Потом появился Ложкин в сопровождении казаков. Казаки достали шашки и пообещали, что порубают всех, кто прикоснется к старухам и детям. В общем, полное безобразие. И все это на глазах у прессы. Что мы могли сделать? Не огонь же по ним открывать?

– Ты меня спрашиваешь? – зло сощурился Потапов. – Я за что тебе деньги плачу? Твоя забота мою стройку охранять, вот и охраняй. Какая там сейчас ситуация?

– Большинство под вечер расплозлось по домам. Завтра обещали прийти снова. На ночь остались три или четыре активиста. Палатку поставили.

– Значит, так. Сейчас позвони в местный наркоконтроль, скажи, что в палатке собрались наркоманы. Подкиньте к палатке пару шприцев и позвоните. Пусть подъедут. А завтра делай что хочешь – ставь заборы, распыляй слезоточивый газ, заключай договор об охране с полицией, но чтобы больше такого не было. Мы не можем терять ни одного рабочего дня. У нас сроки. И деньги. Не только мелочь всяких лохов, которые хотят здесь прикупить квартиру по случаю. На них мне плевать. Но здесь крутятся очень большие деньги серьезных людей. Ими мы не можем рисковать, нас не поймут. Дальше надо объяснять?

– Хорошо, – вздохнул начальник охраны. – Может быть... Павел Андреевич, я вам изложу некоторые соображения позже, когда мы будем одни. А то...

– Говори, чего мямлишь, – поторопил его Потапов. – Тут все свои. Да?

И сурово посмотрел на главного инженера. Тот покорно кивнул и дальше сидел с видом человека, которому предложили выбор между ядом и электрическим стулом.

– Если Ложкина нейтрализовать, – негромко отчеканил начальник охраны, – все будет гораздо спокойней. Я про него много слышал. Он сумасшедший, с ним договориться нельзя, денег он не берет. Пока он здесь, нам покоя не будет.

– С ума сошел? – взвился Потапов. – Он сюда прибыл как полномочный представитель зарубежной организации. Зачем нам международные скандалы? Это может выйти на федеральный уровень, и тогда вообще не отмоемся. И потом, приучайся уже работать цивилизованно. В рамках закона. Подумай, подключи полицию. Ведь можно этого Ложкина арестовать за что-нибудь? За хулиганство или за то, что улицу на красный свет перешел. Поговори с ребятами в УВД. Посадим ненадолго, но в прессе его таким бандитом выставим, что даже свои от него отвернутся. Я могу сделать официальное заявление относительно полной экологической безопасности нашего строительства. Опубликуем документы, на основании которых мы строим курорт на берегу озера.

– Так эти экологи – они же упертые, если они уже зацепились за нас – не выпустят. Психи сегодня – не дефицит.

– Мне что, больше делать нечего? – не выдержал Потапов. – У меня два контракта на сто тридцать миллионов евро лежат, а я какими-то канарейками занимаюсь. Принимай меры, потом мне доложишь. Мы входим в завершающий этап строительства, скоро обратной дороги уже не будет. Пусть тогда они своих редких птишек дома на чердаках разводят.

* * *

– Мариночка, давай посмотрим местные новости. Составишь мне компанию?

– С удовольствием, дядя Витя.

Марина помогла дяде удобно устроиться в гостиной и, взяв пульт, уселась в любимое широкое кожаное кресло.

– Удовольствия не обещаю. Наши телевизионщики провинциальны, но при этом наглы и жадны до денег. Мне они в свое время много крови испортили своими репортажами и расследованиями. С тех пор я смотрю только центральные каналы.

– Но иногда хочется по старой памяти своих кровопийц послушать?

– Ты правильно все понимаешь, – кивнул Избуцкий. – Ты мои глаза и уши в городе, и я тебе благодарен за то, что держишь меня в курсе всех новостей. Но иногда разбирает посмотреть – что там нового у них без меня происходит.

– И убедиться, что ничего не меняется в этом лучшем из миров? – засмеялась Марина.

– В общем-то да, – согласился Виктор Федорович.

Зажегся огромный плазменный экран, и в тот же миг из динамиков грянуло:

– Вы смотрите вечерние новости на канале «СТВ-Прим». В студии Светлана Дмитрихина. Здравствуйте. Мы начинаем программу со скандального происшествия на строительстве курорта «Солнечный».

Несколько минут на экране старушки метали в грейдеры помидоры, матерились охранники, бегали голые красотки, и глупо улыбались растерянные рабочие. Наконец в кадре возник суровый и решительный корреспондент с огромным микрофоном в руке. Казалось, еще секунда, и он метнет этот микрофон вместо гранаты в бетономешалку, а сам, рванув на груди майку, бросится под гусеницы ближайшего бульдозера.

Но ничего такого не произошло. Из всего увиденного и услышанного молодой человек с микрофоном сделал довольно странный вывод:

– Множество раз общественность города выступала против появления у нас нудистских пляжей. И вот мы видим результат – возмущенные пенсионерки с детьми вынуждены вступать в столкновение с охранниками, которые, вместо того чтобы охранять строительные объекты, бегают за голыми женщинами. – После этого героические интонации исчезли, и тон корреспондента стал предельно язвительным. – В связи с этим хочется задать вопрос городским властям и лично мэру Рошину – сколько еще мы будем терпеть подобное безобразие?

Избуцкий повернулся к Марине и удивленно спросил:

– Ты что-нибудь поняла?

– Нет, а вы?

– Я тоже. Только вот бедному Рощину непонятно за что досталось. Это мой преемник, толковый мужик. Последние пять лет был у меня заместителем по жилищно-коммунальному хозяйству. Представляешь, раньше меня вот так, к месту и не к месту приплетали. Но, конечно, с этим строительством столько проблем. Хотя это уже без меня началось, но мои бывшие сослуживцы кое-что рассказывают.

– Но ведь для города хорошо, что строится такой курорт?

– Как тебе сказать. Хорошо-то хорошо, но не для всех. Ведь раньше как здесь было? Ты же знаешь, что вода в озере многие десятилетия, даже столетия считалась целебной?

– Да, я еще в Москве читала летописи. Очень интересно, – поддакнула Марина.

– Озеро Золотым называлось, представляешь? А предки не дураки были, понимали толк в таких делах. Сюда почти до самой революции члены царской фамилии приезжали здоровье поправлять. Однажды, говорят, сам святой черт Гришка пожаловал.

– Распутин? – ахнула Марина.

– Так рассказывают. При советской власти сюда партийцы зачастили. Санаторий им построили, до сих пор стоит. Правда, сейчас в запустение пришел, никому не нужен.

Избуцкий о чем-то задумался, потом неожиданно резко сказал:

– Здесь же два моря рядом, в итоге все курортники туда и перекочевали. Советская власть всякую мистику не любила – что еще за волшебная вода, да как это объяснить с точки зрения материализма... Построили неподалеку от озера дурацкий заводик, никому не нужный. И стали в озеро всякую дрянь сливать. Вода, естественно, цвет изменила. В озере какой-то моллюск редкий обитал – тот вообще погиб. Вроде бы и цвет воды от этого моллюска зависел. Ученые письма в правительство писали, скандал был, ужас. Заводик закрыли, только озеро уже не то стало. В общем, последние годы ездили сюда в основном дикари-туристы и экологи, интересующиеся местной фауной. На счастье, птичка одна редкая здесь осталась гнездиться. Знаешь, местные ведь жили в основном заработком с курортного сезона, поэтому многие в те годы переехали ближе к Черному или Азовскому морю, у кого как получилось.

И вот в прошлом году объявился этот миллионер-строитель Потапов. Стал землю по берегу скупать и строить новый курорт. Планы у него, конечно, грандиозные, но только вот с людьми не считается. Ему ведь все больше и больше земли надо, а у местных жителей здесь летние домики, сады, огороды. Так люди Потапова им одной рукой деньги суют, причем небольшие, а другой грозят – смотрите, мол, все равно отнимем, только бесплатно. Не дело это. Тут уже и суды были, и склоки всякие, и шумиха газетная. Вот я поэтому и говорю – по большому счету, может, для города все это неплохо, но для кого-то – трагедия.

Впрочем, у Потапова документы и на земельные сделки и на строительство всегда в порядке. Прокуратура проверяла – ничего противозаконного не нашли.

Там адвокатов целая контора на него работает. И с чиновниками в Москве умеет договориться. Я ведь кое-что в таких делах понимаю.

– А с новым мэром, вашим преемником, он в хороших отношениях?

– Не знаю. На люди такой сор обычно не выносят. Но мне кажется, они договорились. Это так, Мариночка, между нами. Во всяком случае, когда Рощин по средам объезжает строящиеся городские объекты, он непременно заедет в «Солнечный», похвалит, отметит темпы работ да в камеру скажет о том, какие перспективы открывает новый курорт. С ним ведь всегда телевизионная группа разъезжает. Слушай, племянница, мы ведь с тобой про телевизор совсем забыли! Давай новости досмотрим.

Однако новости уже кончились. С экрана им улыбалось кукольное личико юной ведущей.

– С вами «Криминальное обозрение». Об оперативной обстановке в городе расскажет начальник Управления внутренних дел Солнечноводска полковник Карпачев.

– Знаешь, – обрадовался Виктор Федорович, тыча в экран пальцем, – я ведь кандидатуру Петьки Карпачева на эту должность с Москвой согласовывал. Они своего человечка сюда хотели прислать, а я настоял – Петька местный, всех знает, все его знают. Правильный мужик. Если за дело – накажет, но против правды не пойдет. Не знаю, усидит ли при новых временах. Да и возраст у него на грани.

– ...Открывший в баре гостиницы «Озерная» стрельбу из травматического пистолета арестован. Им оказался приезжий, двадцатитрехлетний житель Пензы. В настоящий момент ведется следствие, – читал по бумажке начальник УВД, плотный дядька с сердитым лицом и короткой седой стрижкой.

Не успела Марина подумать, что глаз Петьки Карпачева ей, видимо, увидеть так и не придется, как полковник оторвался от шпаргалки и уставился тяжелым, немигающим взглядом прямо в камеру. Ей на секунду показалось, что сейчас главный полицейский города прямо с телеэкрана шагнет в гостиную и строго поинтересуется, есть ли у нее временная прописка.

Но ничего такого не произошло. Карпачев немного посопел, а затем выдал такое, отчего Марина оцепенела, а Избуцкий широко открыл рот.

– Вчера ночью на городском пляже был задержан Лемарксэн Ширинкин 1954 года рождения, четырежды судимый за преступления, совершенные на... хм, сексуальной почве. Последние два года он лечился в психиатрической больнице.

– Что за имя такое? – удивилась Марина.

– Расшифровывается как Ленин-Маркс-Энгельс. Даже для времен пятидесятилетней давности имя нечастое. Наверное, папа и мама Ширинкины были истинными большевиками, – объяснил Избуцкий.

Начальник УВД тем временем продолжал:

– Правоохранительные органы взяли Ширинкина под наблюдение после того, как была зафиксирована его переписка с сексуальными мень... Я хотел сказать – с рецидивистами аналогичного профиля из других городов России и стран ближнего зарубежья. Эти... граждане планировали нападение сексуального характера на русалок, якобы имеющих в озере Солнечное. Не обнаружив русалок, Ширинкин стал приставать к женщине, которая приходила купаться поздно ночью. Его действия были пресечены находившимся неподалеку столичным журналистом Вадимом Баратынским и вовремя подоспевшим нарядом полиции.

В кадре на пару секунду появилось улыбающееся лицо Баратынского.

– Ой, – воскликнула Марина. – Вадим!

– Ты его знаешь? – с любопытством спросил Избуцкий.

– Да, – беззаботно ответила она. – Из Москвы вместе летели, в самолете познакомились.

Про то, что они уже дважды ужинали в городе, она на всякий случай умолчала. Ведь пока непонятно, в какую сторону эта романтическая история повернет. Чего дядю зря нервировать?

На экране снова появилась ведущая:

– Мы обращаемся ко всем гражданам с просьбой быть предельно осмотрительными во время ночных прогулок и купаний. По информации, полученной редакцией «Криминального обозрения» из источников УВД, в городе сейчас могут находиться единомышленники задержанного Лемарксэна Ширинкина. Ведь нет гарантии, что в самый ответственный момент рядом с вами окажется бесстрашный защитник, каким оказался наш московский коллега.

Тут юная ведущая кокетливо улыбнулась, а на экране как символ торжества справедливости снова возникла физиономия Вадима.

– А журналист этот – весьма симпатичный молодой человек, – одобрительно загудел Виктор Федорович, выключая телевизор. – И смелый. Впрочем, я его тоже немного знаю.

– Откуда? – удивилась Марина.

– Он приходил ко мне. Как раз про русалок расспрашивал. Я же часто на берегу по вечерам и даже по ночам сижу, многие об этом знают. Вот кто-то его и надоумил. Впрочем, он здесь всех обошел, кто еще остался жить около озера.

– Ну и что вы сказали ему? Про журналистскую «утку»?

В этот раз Виктор Федорович ответил не сразу. Несколько минут смотрел в потолок, словно раздумывая, поделиться своими мыслями с Мариной или нет. Потом все-таки решился:

– Понимаешь ли, Мариночка. Не хотел тебе говорить, ну да ладно. С кем же мне еще поделиться? Я, конечно, не верю ни в каких русалок. Только вот однажды я видел такое, что объяснить никак не могу.

– Что, дядя? – встревожилась Марина, удивленная странными интонациями в его голосе.

– Давай договоримся – все, о чем я тебе сейчас скажу, останется между нами.

– Конечно, не волнуйтесь.

– Прекрасно, тогда слушай. Это было в самом начале лета. Ночь, темно, жарко, вода тихонько плещет. Я сижу в своей коляске на берегу, любуюсь. Вдруг смех. Женский. Звонкий такой. И вроде два человека смеются. Не на берегу – на воде. Я подумал – на лодке кто-то катается. И вот через секунду вижу – мимо меня быстро проплывает девушка, потом – еще одна. Плывут на спине. Волосы длинные и вроде бы зеленые, хотя в темноте непонятно. Голые, то есть грудь видна. Я крикнул: «Вы кто?» Одна из них обернулась, глянула на меня – и нырнула в воду. И тут я похолодел – нижняя часть туловища, которая уже скрывалась под водой, была серебряная. Аж вся заискрилась под луной. – Избуцкий тяжело вздохнул, словно еще раз переживал те мгновения, и закончил: – Марин, ты только не подумай, что твой дядя не только обезножел, но еще и умом тронулся. Но, по-моему, это был хвост.

– Так вы все это рассказали Вадиму? – взволнованно спросила Марина.

– Нет, конечно, – чуть помедлив, сказал Избуцкий.

– Но почему?

– Вот именно потому, что мне отказали ноги. Но не разум.

* * *

– Значит, вот как ты ведешь себя, двуличный тип!

Сначала провожаешь меня, а потом идешь на пляж спасать от маньяков прекрасных незнакомок?

Был вечер, и Марина с Вадимом неторопливо прогуливались вдоль озера, собираясь чуть позже отправиться ужинать, а потом в кино.

– Да, сделала мне полиция рекламку, – усмехнулся Вадим. – Просил же я их – не надо мое имя упоминать.

– О, мой застенчивый герой! – громко и с выражением процитировала Марина, вскочив на низенький парапет набережной. Проходящие мимо люди с удивлением оглядывались на нее.

– Что-то знакомое, – буркнул Вадим, осторожно поддерживая ее под локоть.

– К сожалению, не твой великий предок. Белла Ахмадулина.

– Понятно, где уж нам до корифеев отечественной поэзии. Осторожнее, не свались в воду.

– Ничего, ты спасешь меня, правда? Я ведь не хуже той красотки с пляжа?

– И сравнивать нечего. Красотка, кстати, весит килограммов сто. Она при желании могла бы этого маньяка голыми руками придушить.

– Так спасешь?

– Если успею.

– Что может тебе помешать?

– Не знаю. Русалки защекочут, утащат на дно.

– Конечно! Здесь же, если верить нашей правдивой прессе, русалки завелись. А знаешь, ведь именно русалкам мы обязаны нашему знакомству.

– То есть?

– Ну, если не эти прекрасные девы, ты бы не полетел в Солнечноводск, и мы не встретились бы в самолете.

Марина легко прыгнула вниз и немного покружилась перед Вадимом в беззвучном танце.

– Ах, русалки! В чешуе, как жар горя...

– Секундочку, не нужно передергивать. Эти строки написаны совершенно по другому поводу. В Ахмадулиной я не силен, но мухлевать с Пушкиным не дам.

– По какому это праву? – подбоченилась Марина, весело глядя на своего спутника снизу вверх.

– Я же потомок поэта, который дружил с Александром Сергеевичем. Не забывай об этом.

– Как об этом забудешь.

Марина снова вскочила на парапет и продекламировала:

Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря!

Глядя на раздухарившуюся Марину, Вадим засмеялся:

– До Маяковского добрались. У нас сегодня поэтический вечер?

– Почти. Впрочем, я свои скудные познания почти исчерпала. Пойдем ужинать?

– Ужинать? Что ж, это хорошая мысль. Только сначала послушай.

Он отступил на шаг, спрятал руки за спину, сделал умильное лицо и хорошо поставленным голосом продекламировал:

Бывал обманут сердцем я,
Бывал обманут и рассудком.
Но никогда еще, друзья,
Обманут не был я желудком.

Марина не удержалась и захлопала в ладоши:

– Ой, какая прелесть! Это ты написал?

– Как можно?! Это – «Пир» Евгения Баратынского. Я ведь из тех потомков, на ком природа отдыхает. Пишу дурацкие статейки, стихов не сочиняю. Зато иногда читаю их.

– Слушай, почитай мне еще что-нибудь. У тебя здорово получается.

– Ладно. Еще немного.

Вадим вскинул подбородок и прочитал:

Трудясь над смесью рифм и слов,
Поэты наши чуть не плачут;
Своих почтительных рабов
Порой красавицы дурачат;
Иной храбрец, в отцовский дом
Являсь уродом с поля славы,
Подозревал себя глупцом;
О бог стола, о добрый Ком,

В твоих утехах нет отравы!
Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей;
Служить любви еще прекрасней,
Приятно драться; но, ей-ей,
Друзья, обедать безопасней!
Марина расхохоталась.

– Слушай, это чудо.

– А ты думаешь, моего предка зря Пушкин с Дельвигом ценили? – Вадим шутливо раскланялся и взял Марину под руку. – Все, пора от пищи духовной перейти к грубому материализму. Идем в ресторан.

– Значит, обедать безопасней? Вот почему ты пригласил меня на обед. Это у вас семейное.

– Между прочим, мы с тобой ни разу не пообедали. Только ужинаем.

– Пока не получается, у меня днем дела. Да и ты, кажется, занят. Кстати, где обещанный рассказ о твоём расследовании? Какие результаты? Поймал хоть одну русалку?

– Все не так просто, как ты думаешь. Это не рыба все-таки.

– А что?

– Никто не знает. Загадка... Хотя написано о них – ужас сколько. Я ведь ночью на пляже оказался не для того, чтобы маньяков ловить.

– Из-за русалок?

– Именно. Сколько дней я охочусь за ними – и на берегу, и под водой. Но пока лишь косвенные подтверждения, не более.

– Слушай, насчет русалок ты серьезно? Или это ваши журналистские игры – тираж увеличить и тому подобное? Давай колись, я никому не скажу. Ведь ужас какой-то – по телевизору, радио, в газетах, в магазинах, на улице – только и слышно про их очередные вылазки и проделки.

– Тираж увеличить всегда полезно. Но что касается здешних русалок – тут все не так просто. Давай я тебе за ужином расскажу. Надо же девушку, тебя то есть, чем-то развлекать.

Они вошли в полупустой ресторанчик под названием «Бриз» и уселись за столик в глубине зала. Когда официант ушел выполнять заказ, Вадим возобновил прерванный разговор:

– Знаешь, не хочу тебе читать лекции по мифологии, но тут необходимо понимать, с кем имеешь дело. Исторический аспект проблемы не менее важен, чем сегодняшние события. Что ты знаешь про русалок?

– Ну как... – задумалась Марина. – Девушки с хвостом. Плавают в воде. Все!

– Позволь сразу уточнение – не просто с хвостом, а с рыбьим хвостом. И не просто плавают, а живут в воде. Поскольку я уже в теме, позволь тебе кое-что рассказать.

– Я вся обратилась в слух! – поощрила его Марина.

Честно говоря, она была заинтригована не столько городскими сплетнями и странным рассказом дяди, сколько серьезностью, с которой Вадим подходил к этой вздорной проблеме.

– О них известно с древних времен. Наши предки считали, что русалками становятся девушки, которые утонули из-за несчастной любви. Кстати, знаешь, почему их называли русалками?

Марина отрицательно покачала головой.

– Есть гипотеза, что это производное от слова «русый».

– В смысле, что они все были блондинками? – Марина покрутила головой, рассыпав по плечам белые волосы. – Вот такими, как я?

Неожиданно Вадим поднял руку и осторожно дотронулся до светлого завитка. Потом быстро отдернул ее и как-то вяло пояснил:

– Да, как правило, это были блондинки. С роскошными, как и у тебя, волосами. Только они у них очень длинные, чтобы скрывать наготу от посторонних глаз. Вообще-то «русый» на древнеславянском значит чистый, светлый. Это в том числе и характеристика среды обитания – рек, озер, ручьев. Водоемы, по славянским поверьям, – путь в подземное царство. И по этому пути русалки приплывали и выбирались на берег.

– Знаешь, – заговорщицки понизила голос Марина, сделав вид, что не обратила внимания на внезапное проявление эмоций, – я никогда не могла понять, как это они с хвостом своим по суше передвигаются. Ползком, что ли?

– Тут, знаешь, путаницы много, – признался Вадим. На Марину он не смотрел, сосредоточенно разглядывал скатерть на столе, словно там было невесть что интересное. – В славянской мифологии у русалок вообще нет хвоста, и жить они могли не только в воде, но и в горах и на деревьях.

– Слушай! Ну конечно, у Пушкина в «Руслане и Людмиле», помнишь? «Русалка на ветвях сидит».

– Нет, вечер поэзии еще не закончен, – заметил убитым голосом Вадим, чье настроение ухудшалось с каждой минутой. Теперь он без энтузиазма рассматривал стоящую перед ним тарелку.

– Просто он плавно перетек в вечер мифологии. Рассказывай дальше, очень интересно.

Марина прекрасно понимала, что сейчас происходит в душе ее спутника. В настоящий момент ему хотелось говорить не о каких-то там мифах, а о себе самом, о своем отношении к ней, Марине. Однако она решила, что время для объяснений не наступило. Ей очень нравился Вадим, но она еще не была готова к новым отношениям. Сейчас им лучше беседовать о русалках. Неважно, каких – с хвостом, без хвоста. Хоть на подводных крыльях.

– Ты меня заинтриговал. Пожалуйста, рассказывай дальше. Еще немного – и я вместе с тобой отправлюсь за несчастными девушками.

– Вот этого делать не стоит, – глянул на нее исподлобья Вадим. – Сейчас самое неподходящее время.

– Не понимаю. Объясни!

– Недавно прошла русальная неделя. А скоро – Иван Купала.

– Все равно ничего не поняла.

– Русальная неделя – неделя от Троицы до Духова. Это примерно начало – середина июня. В это время не рекомендуется не только купаться, но даже ходить вблизи водоемов.

– Ну да?

– Русалки выходят из воды, бегают по полям, качаются на деревьях. А если им встретятся люди, могут защекотать до смерти или затащить в воду. Особенно страшен четверг.

– Почему?

– Откуда я знаю? «Русальчичин велик день» называется. Впрочем, ночь на Ивана Купалу не менее опасна в этом смысле. Русалки опять появляются из воды, водят хороводы. Считается, что в купальскую ночь они обладают особой силой и могут утащить с собой под воду кого угодно.

– Господи, страсти какие. И ничего не помогает? Чеснок или что-нибудь в этом роде?

– Полынь. Ее русалки не любят и боятся.

– Слушай, откуда ты все это знаешь? – Марина изо всех сил пыталась растормошить Вадима и вытащить его из пучины меланхолии, куда он норовил погрузиться.

– К поездке готовился, – немного оживился Баратынский. – Понимаешь, ведь действительно есть фотографии, видео, свидетельства многих людей. К нам в редакцию один парень пришел – он на мобильник снял. Такое не подделаешь.

- И что, там видны русалки? – затаив голос, спросила Марина.
- В общих чертах. Волосы, грудь, что-то похожее на хвост.
- Ты же говорил, у них нет хвостов.
- Я сказал, что славяне так считали. А в европейской традиции русалки как раз с хвостами. Но там в общем-то понятно, откуда ноги растут. В смысле – откуда хвосты взялись.
- Откуда? – Марина с облегчением заметила, что к Вадиму постепенно возвращается утраченная было жизнерадостность. – Говори, не трави душу. Даже не подозревала, что мне будет так интересно.
- А ты не утомилась от моих рассказов? Почти ничего не съела.
- Зато прикончила два бокала вина. Так что там насчет хвоста?
- Ну, к примеру, древние греки сирен изображали как женщин с рыбьими хвостами. Между прочим, во многих языках – итальянском, французском, польском, испанском – русалок называют словами, производными от греческого «сирена». У европейцев сохранились старинные письменные свидетельства, где описываются существа, выловленные из воды: полулюди-полурыбы. Есть исландские хроники двенадцатого века, голландская рукопись пятнадцатого века, мемуары капитанов английских и испанских судов, датированные семнадцатым и восемнадцатым веками. Между прочим, сам Христофор Колумб во время первого плаванья сделал запись о том, что видел у берегов Гвианы трех дев с рыбьими хвостами, резвящихся в воде.
- Не может быть! Это кто-то выдумал.
- Если кто-то и выдумал, то сам Колумб. Вот ты не поверила, а Петр Первый поверил. Он очень внимательно изучал записи великого мореплавателя. Но завершая тему хвостов, хочу заметить, что германская ундина – русалка без хвоста.
- Фантастика! Колумб, Петр Первый, Иван Купала. Теперь я понимаю, почему ты так серьезно к этому относишься.
- Боюсь тебя разочаровать. Дело не в исторических документах и языческих верованиях, а совсем в другом.
- В чем же?
- Я видел русалку собственными глазами. Или кого-то, очень похожего на нее. Правда, дело было ночью, поэтому рассмотреть толком мне это существо не удалось.
- И что в связи с этим ты намерен делать?
- Продолжать расследование. Ведь меня именно за этим сюда и командировали. Впрочем, – тут Вадим наконец весело улыбнулся, – русалки уже во второй раз сыграли в нашей судьбе положительную роль. Первый раз, как ты верно заметила, они свели нас в самолете.
- А второй? – лукаво прищурилась Марина.
- Задержали меня в Солнечноводске. Если бы не эта русалочка, которая решила ночью поплескаться у берега и попалась мне на глаза, я бы еще дней десять назад собрал вещички и улетел в Москву. Тогда бы мы, возможно, никогда больше не встретились. Вот поэтому у меня прямо сейчас родился грандиозный тост.
- Если я правильно тебя поняла... – Марина подняла бокал.
- Именно. За русалок озера Солнечное!

* * *

– Думаешь, я один такой умный, за русалками приехал? Ничего подобного. Здесь еще человек десять из московских газет и журналов, не считая фотокорреспондентов, плюс три телевизионные группы с очень неслабых каналов. И это только те, кого я знаю лично. Догадываюсь, что по городу шастает еще пяток-другой неизвестных мне журналистов. Сумасшествие какое-то!

Они прогуливались по городскому парку. Было совсем поздно, но расставаться не хотелось.

– Сумасшествие, – согласилась Марина. – Однако что-то во всем этом странное. Ни с того ни с сего – русалки. Ладно бы, на далеком таежном озере или в каких-то лесных омутах. А тут – строительство, народу полно, курортников навалом. И еще те, которые за недвижимостью понаехали. Ну, и любители русалок, само собой. Караул.

– Это сейчас тут народу полно. А года три-четыре назад запустение было. Я сюда с приятелем приезжал, он на телевидении работает. Артем Таран, слышала?

– Он из какой-то странной передачи, кажется, только я название не помню.

– «Паранормальная вакханалия» называется.

– Ах да, точно.

– Он, кстати, и сейчас здесь – сочетает приятное с полезным.

– Тоже по русалочьи души приехал?

– Снимает про них фильм. Кстати, о душах. Хочешь еще фактик?

– Давай, интересно же.

– Так вот, в Западной Европе издревле считали, что у русалок нет души. Они вроде бы хотят ее обрести, но не могут найти силы выйти из моря. Помнишь «Русалочку» Андерсена? Ведь она там ищет душу в любви с человеком.

– Так все грустно. Я уже начинаю их жалеть. Слушай, а что же твой приятель будет показывать в своем фильме? Компьютерную графику? Кадры из мультфильма «Русалочка» и сцены из балета «Жизель»?

– Почему «Жизель»?

– О, я думала, ты все-все про русалок знаешь. Там же героиня после смерти становится чем-то таким... Вроде русалки.

– Спасибо, теперь буду знать. И даже, может быть, первый раз в жизни схожу на балет. Тебя можно пригласить, чтобы было не так страшно?

– Посмотрим на твое поведение. Так что насчет приятеля-телевизионщика?

– Думаю, Артем просто воспользовался случаем и приехал за казенный счет. Он давний фанат этих мест. Несколько лет назад наведывался сюда делать один репортаж. Артем раньше работал корреспондентом в службе новостей и занимался в том числе всякими проблемными темами. В Солнечноводске тогда случился скандал с производством, которое отравляло озеро. То ли сливали отходы, то ли производили захоронения контейнеров...

Тут Марина вспомнила, что дядя Витя о чем-то таком ей тоже рассказывал, но промолчала, не желая перебивать Вадима.

– Вот с тех пор Артем просто влюбился в озеро. Сам не раз приезжал и меня сюда затаскивал. В принципе здесь под водой поплавать действительно удовольствие. А Таран – он чего-нибудь да снимет. Находчивый парень, настоящий профессионал.

– Вадим, научишь меня плавать с аквалангом? – вдруг спросила Марина.

– Да, мэм. Когда пожелаете.

– Я завтра после обеда смогу освободиться. Дядя Витя едет на юбилей к какому-то своему приятелю. – С таких мероприятий, как деликатно выразился Избуцкий, быстро не возвращаются. – Я тебе дополнительно позвоню. А ты сможешь?

– Конечно, ты ведь знаешь – моя работа ночная.

– Мы будем плавать на пляже?

– Нет, найдем укромный уголок. Озеро большое. Слушай, мне кажется, ты голодная осталась. Так ничего толком не поела.

– Ничего страшного. Слушай, а чем русалки питаются?

– Рыбой, наверное, чем же еще? Моллюсками всякими.

– Интересно. Знаешь, что я сейчас вдруг подумала? Может быть, не завод виноват, что в озере исчез тот моллюск? Может, его русалки съели?

– Какой моллюск?

– Который воде золотистый цвет придавал. Ты разве не в курсе?

– Я-то в курсе. А у тебя откуда сведения? Из летописей?

– Слышала где-то, – пробормотала Марина, которую на самом деле меньше всего интересовали исчезнувшие моллюски.

Словно почувствовав ее настроение, Вадим закруглил тему:

– Бог с ними, с моллюсками. Нам шеломами черпать из озера воду перед битвами не придется.

– Не зарекайся. А ты что, тоже читал летописи?

– Разумеется.

– Заметь, про русалок там ни слова.

– Да знаю я. Если уж я изучаю тему, то изучаю досконально.

– Слушай, – вдруг мечтательно сказала Марина. – Русалки и те рыбу едят. А я за все время в Солнечноводске ни разу рыбы не ела. Все мясо, мясо. Давай завтра рыбки закажем.

– Конечно, закажем. В конце концов, быть у озера и не поесть рыбы – это преступление.

* * *

В десять пятьдесят утра представительский «Мерседес» Павла Потапова подъехал к зданию солнечноводской мэрии. Но едва он остановился, как в него тут же полетели куриные яйца и помидоры. Секунду спустя сверкающие черной эмалью дверцы и тонированные стекла лимузина стали напоминать ранние полотна основоположника русского абстракционизма Кандинского.

Прибывшие на двух джипах охранники пытались помочь шефу, но тоже попали под мощный перекрестный обстрел. В итоге они ретировались обратно в машины, бормоча страшные угрозы и вытирая помидорный сок. Теперь разъяренный Потапов, не решаясь выйти из автомобиля, матерился в телефонную трубку, требуя у полиции немедленно обеспечить порядок, безопасность и цивилизованный проход в здание мэрии. На одиннадцать часов у него была назначена встреча с мэром города Роциным.

Наконец прибывшие полицейские оттеснили нападавших на безопасное расстояние, и генеральный директор стройхолдинга «Малахит» смог без ущерба для своего внешнего вида выйти наружу. Его взгляду предстала грандиозная картина. На площади, углом друг к другу, были растянуты два гигантских плаката. На одном кровавыми буквами было выведено: «Банду Роцина – под суд!» На другом значилось: «Потапов, гоу хоум!» Видимо, автор текста был уверен, что господин Потапов в школе английским письменным не овладел.

Перед полицейским кордоном полукольцом стояло несколько сотен человек, в большинстве своем – пожилые женщины. Однако немало было длинноволосых юношей и коротко стриженных девушек. В руках собравшиеся держали целлофановые пакеты, где, надо думать, и лежали продукты питания, превращенные в средство нападения. В первых рядах возвышалась страшная носатая тетка в бейсболке и неприлично обтягивающем спортивном костюме молочно-белого цвета. Она была похожа на Бабу-ягу, которую выпустили поиграть за нью-йоркских Yankees.

Правда, в руках баба-yankees держала не бейсбольную биту, а грубо сколоченную маленькую виселицу в форме буквы «Г». На виселице болталось чучело без одежды, но зато с заботливо нарисованным лицом. Лицо показалось Потапову знакомым. Внимательно присмотревшись, он с содроганием узнал себя. Видимо, чтобы у него не осталось иллюзий относительно того, кто болтается на перекладине, на животе чучела было крупно написано: «Потапов».

Увидев, что недруг покинул машину и уже готов улизнуть под защиту стен мэрии, толпа взревела.

– Что вы хотите? – спросил у собравшихся капитан, руководивший жидкой линией полицейской обороны. В руках он держал допотопный мегафон, который только усложнял общение с людьми.

– Передать мэру требование прекратить строительство на дюнах, сделать строителям последнее предупреждение и сжечь чучело Потапова! – проинформировал кто-то из толпы.

– Все это несанкционированно и, следовательно, незаконно! – радостно возвестил капитан. – Прошу разойтись. И помидорами больше не кидаться.

Тут вперед выскочил упитанный рыжий тип с наглой физиономией и заорал:

– Вперед! Не дадим супостату уйти! Мы заставим этого разорителя птичьих гнезд капитулировать!

– Ложкин, стоять! – рявкнул в мегафон капитан. – Вы будете арестованы за нарушение...

Но Ложкин был мастером своего дела и вел толпу на штурм не впервые. С криком «Врешь, нас не запугаешь!» он сорвался с места и, совершив пробежку, достойную финала мирового первенства по регби, прорвался через заграждения. В образовавшуюся после его рывка брешь проникло еще десятка полтора защитников окружающей среды. Находившийся в резерве полицейский наряд, выполнявший в этой битве функции засадного полка, был послан капитаном-воеводой на поимку авангарда противника.

Неустрасимый Стас Ложкин, как болид «Формулы-1», с ревом несся туда, где стоял генеральный директор «Малахита», окруженный охранниками. Он врезался в них с такой силой, что все повалились на землю, вымощенную гранитной плиткой.

И все же через несколько минут порядок был восстановлен. Полицейским удалось снова загнать всех за ограждения, а Потапов в сопровождении двух охранников отправился к мэру. Три других охранника помогали тащить брыкающегося эколога-экстремиста к патрульной машине. Ложкин, как золотая рыбка на конвейере консервного завода, трепыхался отчаянно, но молча. Толпа за ограждением недовольно гудела.

Сообразительный капитан, не желающий развития затянувшегося конфликта, радостно сообщил в мегафон:

– Успокойтесь, граждане. Этого господина мы доставим к нам в отделение для составления протокола. Потом его отпустят.

– Сатрапы! – вдруг раздался крик Ложкина, который неожиданно обрел голос. – Наемники капитала! Вас сейчас снимают на скрытую камеру, ваш беспредел сегодня же покажут во всех вечерних новостях! Выпустите меня немедленно! Дайте свободу!

– Я тебе сейчас дам по репе! – прошипел ему на ухо разъяренный охранник. – Навсегда заткнешься.

– Всех не убьете, – злорадно сообщил неунывающий экстремист. – Мы вам не птички беззащитные, пожалеете, что не убрались отсюда по-хорошему. И передай своему работодателю, что это только начало. Я не успокоюсь, пока вас всех вместе с Потаповым не занесут в Красную книгу.

* * *

Мэр Солнечноводска Станислав Рощин и генеральный директор строительного холдинга «Малахит» Павел Потапов увлеченно наблюдали из окна кабинета сцену погрузки ложкинского тела в полицейский автомобиль.

– Станислав Сергеевич, – повернулся Потапов к мэру, – вам не кажется, что эти бесчинства нужно прекратить? Вчера мой главный инженер был вынужден остановить работы на стро-

ительстве жилого комплекса, потому что бабушки прыгали под гусеницы бульдозеров. Сегодня они устроили побоище под стенами мэрии. Что они сделают завтра – заминировать побережье?

– Вы правы, Павел Андреевич. – Рошин вернулся к своему столу и сел в кресло. – Но что я могу еще сделать? Запрещаю все их акции, дал указание полиции задерживать их активистов за малейшие нарушения. Поверьте, бороться с организованным сопротивлением жителей города очень непросто.

Потапов сел в кресло напротив и, не спросив разрешения, закурил.

– Между прочим, Станислав Сергеевич, жителей города организовал этот самый Ложкин. Еще несколько дней назад мы спокойно себе работали. А отдельных сомневающихся в необходимости строительства быстро убеждали. В общем, Ложкин – это проблема.

– Хорошо, я постараюсь что-нибудь придумать, – тяжело вздохнул мэр. – Но и вы со своей стороны...

– Да, конечно. Кое-какие шаги мы уже предпринимаем. Пока же я решил принять участие в телевизионных дебатах, которые организует этот Фронт экологической обороны. Мне уже звонили с телевидения, приглашали. Поиграем немного в демократию. Кстати, Станислав Сергеевич, там должны быть и представители городских властей. Большая к вам просьба – проинструктируйте людей, что им нужно говорить.

– Очень хорошо, что вы меня предупредили. – Рошин что-то черкнул в своем ежедневнике. – Когда планируется эфир?

– Послезавтра.

– Я дам команду. Будет прекрасно, если вам удастся заключить с ними перемирие. Хотя бы временное. У вас вообще врожденный дар убеждать людей.

Потапов, с лица которого не сходило выражение крайней озабоченности, на комплимент отреагировал вялой полуулыбкой.

– Перемирие нам необходимо. Только временное, как вы верно заметили. Месяца на два – два с половиной. Вы же знаете, мы вложили очень большие деньги в рекламу нового курорта, сейчас сюда ежедневно приезжают десятки людей, желающих приобрести здесь собственность. С каждым днем их будет все больше. А эти отморозенные экологи могут всех клиентов распугать, да еще сорвать сроки сдачи объектов. Понимаете, о чем я?

– Разумеется, – кивнул мэр.

Потапов с силой затушил сигарету в пепельнице и, уставившись на Рошина своими блестящими злыми глазами, прошипел:

– Ненавижу! Будь моя воля, передавал бы этих худосочных студентов и пожилых неврастеничек. Ведь только-только закрыли тему с загрязнением озера. Такую мощную кампанию провели – ни одна собака теперь даже не вспоминает эту историю. Все, умерло. Так на тебе, новая проблема.

– Кстати, представители этого Фронта экологической обороны приезжали сюда пять лет назад, в самый разгар скандала с отходами. С ними тогда мой предшественник встречался. Ложкин тоже был на встрече, я его запомнил.

– Так вот почему Ложкин так легко и быстро смог здесь развернуться! – рявкнул Потапов и кулаком стукнул себя по квадратной коленке. – Видимо, сеть осведомителей и добровольных помощничков с тех времен осталась.

– Да, видимо, с тех пор осталась. Но они себя вели пристойно. Ведь это Избуцкий поломал тогда планы по превращению озера в помойку.

– Ага, поломал. Ваш Избуцкий бумажку подписал, и все. А мне пришлось отмыывать город и озеро от дикого количества налипшей за эти годы грязи – в виде слухов, сплетен и домыслов. Кому нужен курорт на берегу озера, вода которого ядовита?

– Павел Андреевич, все справедливо. Зато теперь – тишина. Вообще про скандал с отходами не вспоминают.

– Потому что наша агрессивная кампания достигла цели. Не было никаких отходов в озере Солнечное, все это сплетни, вранье, бредни недобросовестных журналистов. Такие же, как рассказы о трехметровых крысах в московском метро и групповом сексе с гуманоидами на летающих тарелках.

– Кстати, о всякой нечисти, – улыбнулся Рошин. – Павел Андреевич, а как вам эти слухи о русалках? Сарафанное радио работает вовсю, город гудит.

Мне и то жена все уши прожужжала – ее подруга видела лежащую на камнях полуголую девушку с длинными белыми волосами и рыбьим хвостом. Пресса просто захлебывается от восторга, каждый день статьи, сюжеты. Покупатели не разбегутся?

– Из-за русалок? Вряд ли. Все же взрослые люди, понимают, что этого быть не может в принципе.

– Наверное, этими слухами тоже стоит заняться?

– Зачем? Вреда от русалок никакого. Они же никого пока еще не съели, правильно? Ну и пусть себе существуют. Как миф, легенда, красивая сказка. Нам от этого ни жарко ни холодно.

– Что все-таки люди могут видеть, как думаете? – заинтересовался вдруг Рошин.

– Я откуда знаю? Кто-то что-то увидел, рассказал приятелю... У того фантазия заработала... Потом другой свои выдумки приплел...

– Да, народ у нас с воображением, – подтвердил Рошин.

А Потапов продолжал:

– Я однажды на рыбалку поехал с мужиками, так поймал лосося с меня ростом. Если бы я его ночью на берегу увидел, тоже подумал бы, что русалка. Нам, Станислав Сергеевич, не о русалках сейчас надо думать, а о том, чтобы в срок сдавать объекты.

– Безусловно. Теперь давайте наконец перейдем к главному, ради чего я просил вас приехать. В конце года начнется строительство скоростных трасс, которые должны связать Солнечногорск с побережьями Черного и Азовского морей. Строиться они будут с участием частных инвесторов. Так вот, чтобы стать полноправными партнерами в этом проекте, необходимы не только мои усилия, но и поддержка ваших партнеров в Москве. Уровень принятия решений весьма высокий.

– Прекрасно. Называйте фамилии. Я свяжусь с нужными людьми, когда вернусь в офис. Секунду, я только позвоню водителю. Надеюсь, он догадался вымыть машину, а то мне показалось, что от нее пахло яйцами. Видимо, не все яйца, которые до нас долетели, были свежими.

* * *

На следующий день заняться дайвингом не получилось. Более того, Марина с Вадимом вообще не встретились. Приятель Избуцкого, у которого был юбилей, умудрился с утра сломать ногу и вместо ресторана угодил в больницу. Торжество, естественно, отменили и перенесли на неопределенный срок. Огорченный Виктор Федорович решил этот день посвятить домашним делам, до которых у него обычно руки не доходили. Сразу после завтрака он громко объявил:

– Надо наконец разобраться в библиотеке и кабинете. И переставить мебель в комнатах на третьем этаже. Кстати, давно хотел по-другому развесить там гравюры.

Марина позвонила Вадиму, который бодро сказал, что все это ерунда, они еще найдут время понырять, и что он ждет ее звонка, когда она освободится.

«Дядя расстроен и поэтому капризничает», – решила Марина. Третий этаж был необитаем. Там никто никогда не жил, и лишь Анжела два раза в неделю поднималась по красивой винтовой лестнице, чтобы пропылесосить ковры и мебель да смахнуть пыль. На третьем этаже было пять комнат, заставленных антикварным хламом, и небольшой кинозал. Для чего вообще

был построен и оборудован оказавшийся лишним этаж, оставалось загадкой. Спросить об этом у дяди Марина не решалась. Вдруг это памятник несбывшимся мечтам?

В качестве тягловой силы решили использовать водителя Лешу, который без труда выжимал стокилограммовую штангу. До обеда они едва-едва успели навести порядок в библиотеке. Виктор Федорович хотел расставить книги так, чтобы в этом ощущалась гармония. В поисках гармонии они провели почти пять часов. Леша признался Марине, что, качая железо в спортзале, он устает гораздо меньше, нежели ползая вверх-вниз по лестнице со стопками увесистых томов.

Затем наступила очередь кабинета, где тяжеленный письменный стол красного дерева переползал от стены к стене раз восемь. И каждое его новое местоположение Избуцкого не устраивало. Взмокший Леша шепотом матерился и намекал то на премиальные, то на больничный лист. Ближе к вечеру, когда Избуцкий при помощи Марины и Леша взобрался на необитаемый этаж, у них открылось второе дыхание.

В итоге Виктор Федорович ушел спать вполне удовлетворенный проделанной работой. Леша отправился снимать стресс в любимый пивной бар. А Марина набрала номер Вадима.

– Привет, это я.

– Как себя чувствует маленькая хозяйка большой виллы?

– Я не хозяйка, а помощница по хозяйству.

– Это неважно. Вы уже закончили переставлять тапочки и менять местами цветочные горшки?

– Смейся, смейся. Я устала, как Красная Шапочка после битвы с Серым Волком.

– Прости, я, наверное, в детстве невнимательно читал Шарля Перро. Видимо, там есть ускользнувшие от меня батальные сцены.

– Не умничай, я фигурально. Ты что делаешь?

– Ужинаю в обществе фотомоделей у себя на яхте.

– Очень смешно.

– Не сердись. Сажу в номере, пью пиво. Готовлюсь к ночным приключениям.

– Опять маньяков пойдешь ловить?

– Русалок. Впрочем, как получится.

– Тогда удачи тебе.

– Не так. Ты должна пожелать мне счастливой охоты. Как у Киплинга, помнишь?

– Это когда Акела промахнулся?

– И когда Маугли притащил в джунгли красный цветок, чтобы подпалить усы Шерхану.

– Что-то ты больно начитан для бывшего профессионального борца.

– Да ни в жисть! В детстве мультиков насмотрелся.

– Тогда – счастливой охоты!

Назавтра они встретились, как обычно, вечером и решили погулять среди знаменитых солнечноводских дюн. Здесь Марина не была еще ни разу. Обойдя многочисленные строительные площадки, они вышли почти на самый берег озера.

Места и правда были удивительно красивые. Если не знать, что находишься на берегу озера, то можно было вообразить, что это морское побережье. Солнце уже укатилось за горизонт, и над блестящей водой царил нереальной красоты закат. Было довольно оживленно – в обнимку или под ручку прогуливались парочки, озабоченные мамы ходили по утоптаным дорожкам, толкали перед собой коляски со спящими или плачущими карапузами, какая-то веселая компания резалась в пляжный волейбол, в воде бултыхались любители вечерних заплывов.

– Пойдем вон туда, где поменьше народу, – предложила Марина.

– Пошли. – Вадим взял ее за руку. – Правда, здесь в это время суток «меньше» – понятие относительное. Сюда надо ночью приходить – тишь, красота, безлюдье.

– Кому и знать, как не тебе. Бродишь тут ночами, аки тать.

– Какой же я тать? – рассмеялся Вадим. – Обычный журналист в поиске сенсаций. Впрочем, все это скоро закончится.

– Как это – закончится? – испугалась Марина.

– Главный редактор вчера звонил, требует, чтобы я возвращался. Разуверился он в русалках. Фактов нет. Да и у меня, признаться, оптимизма поубавилось.

– И ты скоро уедешь?

– Наверное, в конце недели придется лететь в Москву. Но я постараюсь убедить босса, что здесь есть над чем работать.

– А если он не согласится?

– Плохо. Я буду скучать и ждать твоего возвращения.

– А я – твоего. Я ведь не знаю, когда смогу поехать домой. Понимаешь, дядя сейчас очень во мне нуждается. Но как только будет возможность...

– Ладно, о чем мы? Я же пока здесь. Так что давай лучше наслаждаться прекрасным летним вечером, удивительной природой, тишиной и покоем...

– А-а-а! Сюда! Скорей! – вдруг раздался истошный крик.

Кричала женщина, причем совсем рядом, за невысоким песчаным холмом. Сразу же вслед за криком послышался визг, переходящий в ультразвук. Марина с силой сжала руку Вадима.

– Там что-то случилось. Вдруг опять маньяк? По телевизору передавали, у них тут прямо слет какой-то.

– Надеюсь, что нет. Не падает снаряд в одну воронку дважды. Ладно, сейчас посмотрим.

Вадим решительно направился в ту сторону, откуда доносились подозрительные крики. Марина последовала за ним. Когда они были почти у цели, снова услышали женский вопль:

– Смотрите, быстрее, я нашла их! Артем, что же ты? Идите сюда! Ой, какие миленькие!

– Наташечка, успокойся, ради бога, – послышался спокойный, какой-то даже ленивый бас, в котором, правда, чувствовались командирские нотки. – Это же не птеродактиль, в конце концов!

Когда наконец Вадим и Марина взобрались наверх, их взору открылась следующая картина: внизу, среди уютных дюн, расположился маленький табор – три девушки, одетые в умопомрачительные и весьма сексуальные наряды, и два молодых человека, один из которых устанавливал осветительные приборы, а другой держал на плече камеру. В центре этой живописной и шумной группы уверенно, как капитан на мостике корабля, стоял мужчина лет тридцати пяти, приземистый, лысый, с маленькой пиратской бородкой на круглом лице.

– Значит, сейчас птичек поднимем, – распорядился лысый бородач. – Сережа, двигай свет сюда, тут у них, кажется, гнездо. Костик, постарайся, чтобы весь выводок в кадр попал, вместе с цыплятами. Или как их там – птенцами. Наташа, подойди ближе и громко хлопай в ладоши. Надо, чтобы птички взлетели, а то чего они прыгают по песку, как макаки. Гнездо они защищают! Нечего от нас защищать, мы их не съедим. Хотя могли бы. Костя, ближе – сейчас они полетят, не пропусти, мы не можем весь вечер этим заниматься. Потом ты, Лена. Говоришь текст про дикую природу. Пошла – здесь еще сохранились редкие виды птиц, животных и растений... И!

Тут лысый мужчина, как дирижер симфонического оркестра, вдохновенно взмахнул обеими руками.

– Именно в таких местах, – тут же подхватил громкий, но равнодушный девичий голос, – куда еще не докатился безжалостный каток цивилизации, все еще могут обитать сохранившиеся с незапамятных времен формы жизни, о которых современная наука практически ничего не знает. Взять, к примеру, феномен русалок. Ученые...

– Нормально, – пробасил лысый. – Сойдет.

Вадим оглянулся на Марину и вполголоса сказал:

– Это, безусловно, маньяк. Только несколько иного профиля. Хомо телевизионикус. Человек телевизионный. Погибший для всего великого индивид, занятый исключительно самолюбованием. Людей презирает, но требует любви и уважения к себе. Патологически корыстен. Большую часть жизни обитает в монтажной.

– Знакомое лицо, – неуверенно сказала Марина.

– Естественно. Перед нами Артем Таран собственной персоной.

Марина и сама уже начала догадываться, кто перед ними – в руках у одной из девушек она увидела микрофон с логотипом популярного канала.

– Пошли, я вас познакомлю, – предложил Вадим. – Увидишь вблизи живую телезвезду.

– Неудобно, они заняты съемкой. Может, потом?

– Ничем они особым не заняты. Снимают общие планы да искусственно натягивают сюжет. Вот увидишь, через месяц покажут получасовой фильм-сенсацию с названием типа «Салочки с русалочкой». Наивные зрители пятнадцать минут будут любоваться местными пейзажами, птичками и рыбками. Восемь минут – слушать косноязычные и малоинформативные рассказы очевидцев. Три минуты – яростные вопли ученых, которые не верят ни во что, даже в собственное существование. В заключение им покажут сенсационный двадцатисекундный ролик, который, весьма вероятно, был снят скрытой камерой в парилке женского отделения городской бани.

– Неужели все так мрачно? – засмеялась Марина.

– Нет, не все. Канал за этот фильм отстегнет нашей звезде неплохие деньги. Это и есть главная цель поездки в Солнечноводск. Ну, кроме внеочередного отдыха в теплых краях. Так что русалки им в общем-то не нужны.

– А тебе?

– Мне просто интересно. А вдруг? Тем более что-то ведь я видел.

– Так поделись с приятелем. Выступишь в его фильме экспертом.

– А моя газета? Нет, если уж я добуду сенсацию, то для своего издания. Конкуренция, ничего не поделаешь. Ладно, пошли. Видишь, нас заметили.

– Эй, Вадик, давай подгребай сюда! – закричал Артем Таран. – И даму свою не забудь.

Лысый бородач радостно улыбался и делал рукой знаки, призывая спускаться вниз. Однако знакомство пришлось немного отложить по техническим причинам. В тот момент, когда Марина, опираясь на мощную руку своего спутника, начала спуск с холма, случилось нечто невообразимое. Откуда-то из-за песчаных дюн, подобно банде басмачей, выскочила небольшая группа неизвестных. С криками и разбойничьим свистом они налетели на телевизионщиков. Образовалась куча-мала, в которой мелькали руки, ноги, головы, провода и какая-то техника.

Через пару минут расстановка сил на поле битвы прояснилась. Нападавшими оказались некрасивые тощие девицы из «Экодифенс фронт» в количестве четырех штук. Наступлением командовал наглый рыжий Ложкин. Видимо, все дела в полиции он уже закончил и снова заступил на трудовую вахту.

Быстро пришедший в себя Артем Таран руководил обороной. Его девушки-бойцы успешно использовали в схватке с пришельцами здоровенный микрофон и угрожающих размеров акриловые ногти. Их аскетичные соперницы, которые не пользовались косметикой и парфюмерией из принципиальных соображений, предпочитали действовать кулаками, коленками и даже зубами. Когда удавалось тяпнуть противницу за эротично оголенный животик или сильно загорелую стройную ножку, они испускали людоедский вопль.

Мужчины отношения выясняли чуть поодаль. Тарану в плане мужской поддержки рассчитывать оказалось не на кого. Тощий, словно телевизионный провод, ассистент Сережа в первую же минуту грохнулся в обморок и теперь валялся на песке, как мертвая гадюка. Опе-

ратор Костя, истинный энтузиаст своей профессии, в битве не участвовал. Стоя немного в стороне, он фиксировал все происходящее на камеру.

Грозный Таран и разъяренный Ложкин сошлись в бою, точно Кухулин с Фердиадом. Но если оба героя ирландского эпоса знали, из-за чего копья ломают, то Артем пребывал относительно причин нападения на его группу в полном неведении.

– Тебе чего здесь надо? – крикнул он, увернувшись от ложкинского захвата и выставив вперед крепкие волосатые кулаки.

– Тебя мне надо, насильник! – прошипел Стас, кружа вокруг Тарана, точно гиена вокруг дохлого буйвола.

– Ты идиот? – задал риторический вопрос Артем, внимательно наблюдая за перемещениями Фердиада-Ложкина. – У нас тут все по любви.

– Ты глумишься над живыми существами, – сообщил эколог-экстремист и прыгнул вперед, пытаясь головой боднуть соперника.

– Придурок! – констатировал Таран, удачно избежавший столкновения с рыжей головой.

– Убирайся в свое «Останкино»! – заорал Ложкин, вновь бросаясь на телевизионщика. – Оставь в покое дикую природу!

– Сдам в психушку, только свяжу предварительно, – пригрозил Артем, отбрасывая неприятеля в кусты.

С трудом поднявшись, Ложкин перевел дыхание, а потом с яростным криком «Отомстим за чернотапку!» прыгнул на Тарана.

В итоге они оба свалились на землю, и дальше борьба продолжилась в партере. Марина, изумленно наблюдавшая за происходящим, дернула Вадима за руку.

– Слушай, ты не хочешь вмешаться? Они же истребят друг друга.

Вадим покорно вздохнул, но заметил:

– Это, знаешь ли, две очень специфические категории людей. Причем обе – неистребимы. Но раз уж ты просишь...

Вадим за пару минут навел порядок. Девушек он разогнал в разные стороны страшными криками, от которых кровь стыла в жилах. А Ложкина взвалил на плечо и унес куда-то за дюны. После чего вернулся к месту сражения и радостно поприветствовал взмокшего и бледного приятеля:

– Вижу, съемки проходят удачно. Когда ожидать фильм-сенсацию?

– Вадик, спасибо! За мной – ужин. Место – по твоему выбору. А куда ты дел этого психа?

– Сказал, что ты больше птиц не тронешь и прямо сейчас отсюда уберешься. И подал ему идею. Сегодня ночью рядом с городским пляжем, на знаменитых Синих камнях, состоится ежегодная модная молодежная вечеринка. Ночные купания, музыка, фейерверки, танцы до утра и все такое.

– Это чучело пойдет на модную вечеринку? – вытаращился Артем. – Ты шутишь?

– Нисколько. Темка, это же Стас Ложкин, эколог-экстремист, враг всех промышленников и их прислужников, сотрудников телевидения. Агрессивные акции – его специализация.

– Да, слышал про него. Так при чем тут вечеринка?

– При том. Синие камни в этом году объявлены национальным экологическим достоянием. Ведь именно там гнезился когда-то моллюск, из-за которого озеро Золотым называли. Помнишь, ты делал репортаж?

– Ах, ну да. Было такое. – Таран почесал бородку. – Значит, ты его перенацелил. Тот же смотрю, его каракатиц не видать. Значит, побежали вслед за боссом. Что ж, поздравляю модную молодежь. Сегодня ей точно будет не до сна.

– Слушай, Артем, я хотел тебе представить одну очаровательную особу...

– Вот эту, которая прячется за твоей широкой спиной и сильно интересуется здоровьем моего ассистента?

Таран с отвращением пнул кончиком кроссовки начавшего подавать признаки жизни Сергея.

– Именно. Ее зовут Марина. А познакомились мы на высоте сколько-то тысяч метров. В общем, романтическая история.

– Ты романтик, я знаю. Марина, выходите из-за Вадика, дайте я на вас посмотрю. Меня зовут Артем. Сообщаю на тот случай, если вы еще не поняли этого. Артем Таран, автор и ведущий самой рейтинговой программы «Паранормальная вакханалия».

– Очень приятно, – церемонно ответила Марина.

– Старик, а что ты там насчет ужина намекал? – живо поинтересовался Вадим. – Твои спасители голодны как волки.

– Заметано. Вот только приведу в чувство свою команду, отдам кое-какие распоряжения. Куда двинем?

– Наша дама хотела отведать рыбу. А в городе есть только один приличный ресторан, где подают отличные рыбные блюда, – «Веселый окунь».

– Желание столь очаровательной дамы – закон. К тому же мне все равно, где напиться. А я сейчас больше всего хочу напиться.

* * *

– Ну, чего ты здесь торчишь? – горячился изрядно захмелевший Таран. – Если за две недели ты никого не поймал, то где гарантии?

– Какие здесь могут быть гарантии? – усмехнулся Вадим. – Кто их даст? Владыка подводного царства?

– Так можно до зимы просидеть, – продолжал бубнить Артем. – Потом наступят холода. Думаешь, эти красавицы будут ломом лед вдоль берега колоть?

– Чего ты беспокоишься? Мне командировочные не твой канал платит. Посижу еще, вдруг что всплывет, – миролюбиво добавил Вадим.

– Если здесь что и всплывет, то лишь экскременты недобросовестных курортников, – упорствовал телевизионщик. – Сиди, коли охота. А я дня через три-четыре уеду. В русалок я больше не верю, тема себя исчерпала.

– А до этого верил?

– Ну, мало ли...

– Неужели ничего не снял – таинственного и сенсационного? Поверить не могу. А как же программа, рейтинги?

– Программа будет, мы же профи. Минут пятнадцать – природа, птички, рыбки, еще минут пять-семь – придурки-очевидцы, минуты три – всякие надутые академики и профессора, бла-бла и так далее. Ну, а на закуску – немного таинственного видео – что-то плывущее в воде.

Марина, вспомнив язвительные комментарии Вадима, не выдержала и рассмеялась. Вадим хмыкнул и незаметно показал ей кулак.

– А что? – запальчиво пробасил Таран, пытаясь сфокусировать расплывающийся взгляд. – Народу нравится. Зачем еще чего-то придумывать? Впрочем, друзья, у меня сейчас творческий кризис. Хочется совершить поступок, разрушить стереотипы. Может быть – изменить концепцию.

– Ого! Неужели расскажешь зрителям правду?

– Какую еще правду? – вытаращился Таран. – Когда это мы говорили правду?

– Вот я и удивился. Мало ли... Встанешь ты перед камерой с суровым лицом и скажешь: «Уважаемые господа и дамы, хватит вакханалий. Приношу свои глубокие извинения, но ника-

ких русалок нет и быть не может. Они бывают только в сказках. В следующей передаче я расскажу вам, что инопланетяне – полная фигня».

– Это займет от силы секунд тридцать, – вдруг загрустила телезвезда. – А остальные двадцать девять минут эфира?

– Остальное время заполнишь траурной музыкой и рекламой. Будет эффектно и незабываемо. Только, боюсь, тебе после этого придется переквалифицироваться в управдомы.

Марина, которая устала слушать треп мужчин на профессиональные темы, начала тихонько толкать Баратынского коленкой. Мол, пора сворачивать ужин и прощаться с очень милым, но очень пьяным Артемом. Вадим намек понял.

– Темка, приятно было повидаться, но нам пора. Мы до твоего отъезда еще увидимся?

– Жаль расставаться с такой приятной компанией, – меланхолично отозвался Таран. – Идите, дети мои. Я останусь в этом провинциальном ресторане и буду грустить о том, что не сбылось. Где они, прекрасные девы с длинными белыми волосами и зелеными глазами? Их нет! Есть только противные рыжие экологи...

– Не грусти, встретишь еще свою русалку, – посочувствовал Вадим, отодвигая стул. – И не одну.

– Надеюсь. Позвоню тебе, когда соберусь улетать. Устроим отвальную. Марина, вы приглашены! – отчеканил Таран.

После чего сделал широкий гостеприимный взмах рукой и опрокинул стоящую перед ним бутылку виски. Из бутылки, правда, ничего на скатерть не вытекло – к этому моменту она была абсолютно пуста.

* * *

Быстро пролетело еще несколько дней. Дядя, утомленный недавними хозяйственными хлопотами, вновь оставил все дела на попечение племянницы. Сам же вплотную занялся мемуарами. Теперь он пропадал в своем кабинете целыми сутками, спускаясь только к ужину или для небольшой прогулки по парку. На вопрос Марины, как продвигается рукопись, он бодро ответил:

– Как говаривал Михаил Афанасьевич Булгаков – роман летел к концу.

И хитро подмигнул – не сомневайся, мол, все под контролем!

Как раз в эти дни Марина завершила наконец все намеченные дела по дому и приступила к волнующей и сложной задаче – благоустройству огромного дядиного парка. Эту идею ей недавно подбросил сам Виктор Федорович. Впрочем, тут же оговорился, что все это теперь вряд ли актуально. Ведь кому через годик с небольшим это поместье достанется – неизвестно, а если будущее неясно, то надо ли вкладывать сюда силы и средства?

Марина пропустила мимо ушей брюзжание относительно неясного будущего и решила взяться за дело. Теперь она старалась не думать о мрачноватых дядиных планах, пусть даже они и сулили ей с матерью материальные блага. Ей очень хотелось все устроить здесь так, чтобы дядя раздумал продавать этот замечательный дом и переезжать в пансионат для ветеранов. Она была уверена, что у них еще будет разговор на эту тему и она сумеет переубедить дядю. А насчет содержания всего этого хозяйства они вместе что-нибудь придумают. Марине уже казалось – согласись дядя, и она осталась бы здесь навсегда.

Единственное, что ее смущало, – как они будут видаться с Вадимом, который не собирался оставаться в Солнечноводске навечно. Конечно, неизвестно, как станут развиваться их отношения, но пока желание встречаться ежедневно у них не ослабевало. В любом случае до окончательного решения вопроса с дядиным поместьем оставалось больше года. Марина очень надеялась, что за это время все проблемы каким-нибудь образом разрешатся.

Роскошный парк, где они с дядей так любили прогуливаться, местами напоминал джунгли. Усилий одного, даже такого трудолюбивого и опытного садовника, как Ханджар, здесь было явно недостаточно. Пока же им с Мариной удалось привести в полный порядок лишь клумбы и декоративные кусты вокруг дома.

Марина накупила множество специальной литературы по парковому хозяйству. Кроме того, на книжном развале отыскала потрясающе интересную книгу индийского ученого Рандхавы «Сады через века», которая читалась как увлекательный роман. Теперь она не абстрактно, а вполне реально представляла, как будут вскоре выглядеть лесные уголья Избуцкого. Сделать дяде подарок, о котором он и мечтать не мог, стало для нее делом принципа.

Каждый вечер, закончив все дела, Марина тщательно приводила себя в порядок и ехала в город, где ее ждал Вадим. Они ходили купаться, он учил ее плавать с аквалангом. Развлекались, пили пиво, рассказывали друг другу веселые и грустные истории из своей жизни. Им было легко и весело вдвоем, и время летело незаметно. Журналист в последнее время сильно охладел к поиску русалок. Провожая Марину домой, он уже не спешил на традиционные ночные дежурства у озера. Она догадывалась, что он выдерживает настоящие бои со своим руководством, чтобы продлить командировку. Расставаться им обоим явно не хотелось, хотя вопрос этот они пока не обсуждали.

Марине очень хотелось хоть чем-то помочь немного приунывшему Вадиму. Именно поэтому однажды вечером, когда они пили коктейли в любимой кафешке, она нарушила данное дяде обещание и рассказала Баратынскому о русалках, которых видел Избуцкий.

– Надо же, – удивился Вадим. – Вот хитрюга. Что значит чиновник, хоть и бывший. Я когда к нему приходил, он мне ни слова не сказал. Даже посмеялся, мол, все бы вам, журналистам, небылицы сочинять.

– Он мне тоже сначала так говорил. А потом вдруг выдал эту историю. Но – по секрету, имей в виду.

– Буду нем как рыба.

– Кстати, а чего это ты к нему пошел?

– Я опрашивал всех, кто живет у озера. К тому же я знал, что это бывший руководитель города. А такие люди много чего могут поведать, если захотят.

– Откуда узнал?

– Артем рассказал. Он ведь общался с твоим дядей, когда здесь геройствовал. Помнишь, я говорил тебе, как Таран делал скандальный репортаж о производстве, из-за которого гибло озеро?

– Что-то такое припоминаю.

– Артем прекрасно владеет темой, именно он тогда раскрутил этот скандал, вытащил на федеральный уровень. Его даже убить грозились, но он ничего, выстоял.

– Надо же, как интересно. Надо будет его при случае расспросить поподробнее.

– Зачем тебе? Дело прошлое.

– Любопытно. Все-таки мы сейчас живем рядом с озером, надо же быть в курсе – чистое оно, как в древности, или уже не очень после всяких историй с отходами.

– Как в древности – сомневаюсь. А так в принципе чистое. Иначе вряд ли здесь стали бы громоздить такой курорт. Ведь люди, которые покупают здесь недвижимость, экологией очень даже интересуются.

– Наверное, ты прав, – вздохнула Марина. – Но строительство тоже наносит ущерб озеру.

– Думаю, в меньшей степени, чем всякие производственные комплексы. К счастью, здесь ничего такого больше нет. Но для меня, если честно, имеется и другой критерий оценки местной экологической обстановки.

– Ты с таким чувством произнес эту фразу, что у меня мурашки по спине побежали. Какая-то секретная метода, известная только маститым журналистам?

- Вот посмейся еще – вообще ничего не скажу.
- Вадим, пожалуйста, не томи. Если это военная тайна, обещаю вечно хранить ее и никому о ней не рассказывать!
- Знаю, как ты хранишь секреты. Вон, дяде обещала, и что?
- Я же для тебя старалась. Давай рассказывай скорее.
- Понимаешь, это касается русалок. Да не смейся ты! Дело в том, что если они тут действительно есть, то с экологией все в порядке.
- С чего ты взял?
- Очень просто. Русалки живут только в чистых водоемах. Помнишь, я тебе рассказывал: русалка – производное от древнеславянского «русый». То есть – чистый, светлый. Некоторые исследователи полагали, что речь идет не о цвете волос, а о состоянии рек, озер, ручьев, где водились русалки.
- Мне кажется, тему с русалками пора закрывать. Ни ты, ни твой приятель Таран, ни другие журналисты ничего конкретного не отыскали. Даже маньяки и те не смогли ничего обнаружить. А уж у них мотивация ого-го какая!
- Наверное, ты права. Пора мне собираться домой, – грустно сказал Баратынский. Марина решила на корню пресечь неприятную тему:
- Кстати, Артем ведь еще не уехал? За ним, кажется, был прощальный ужин.
- Вроде бы нет, болтается по городу. Вчера его видел, он с кем-то в машину сел.
- В этот момент прямо перед их столиком, как живая иллюстрация к поговорке «легко на помине», возник Артем Таран в шикарных очках.
- Вот где притаились наши голубки! – возвестил он басом, который легко перекрыл звуки сезонного шлагера, рвавшегося из динамиков, стоящих рядом с барной стойкой. – Я соскучился по настоящим друзьям и рад видеть вас! Спасители мои, хочу еще раз поблагодарить за тот беспримерный...
- Здорово, Темка, – привстал из-за столика Вадим и протянул приятелю руку. – Садись и перестань паясничать. Чем тебя угостить?
- А вы что пьете? Фу, мерзость, такие штучки я активно употреблял в период полового созревания. Впрочем, давайте заказывайте на мою долю, тряхну стариной.
- Таран плюхнулся в свободное кресло, водрузил на лоб очки и радостно улыбнулся.
- Ты сияешь, как начищенный сапог, – заметил Вадим. – Что произошло? Удалось заснять брачные игры русалок? Ложкин предложил тебе свою дружбу?
- Сказал бы уж – сияешь, как золотая монета. А то – сапог... Настроение хорошее, вот и все. Кстати, о Ложкине. Мы вчера столкнулись в городе. Он с подельниками развешивал на заборах красочные плакаты с призывами не покупать дома и квартиры на озере, а деньги отдать в фонд защиты редких птиц.
- Все приехавшие сюда за недвижимостью именно так и поступят, – кивнул Вадим. – Драться он больше не лез?
- Наверное, побоялся – вдруг ты из кустов выпрыгнешь. Впрочем, посмешил криками, что разделается со мной при первом удобном случае. Больной на всю свою рыжую голову.
- А мы только что о вас вспоминали, – решила сменить тему Марина.
- Это приятно, – расплылся в улыбке Артем. – В связи с чем?
- Гадали – уехали вы или еще нет.
- И грустили, что остались без прощальной вечеринки, – вставил Вадим.
- Пришлось задержаться. Понимаете, неожиданное дельце открылось.
- Что такое? – заинтересовался Баратынский.
- Без комментариев. Но если раскручу его, то считай, поездку сюда оправдал с лихвой. Можно сказать, летел за сенсацией, а привезу – скандал. А может, и еще чего обломится. –

Артем немного помолчал, словно размышляя о чем-то, и вдруг спросил: – Как думаете, любовь с русалкой – это круто?

Марина засмеялась:

– Вадим у нас специалист, пусть скажет.

Баратынский пожал своими замечательно широкими плечами:

– Насчет крутизны не уверен, об особенностях секса с русалками источники умалчивают. Думаю, это не случайно. Ведь такая любовь для людей ничем хорошим не заканчивалась. Живых свидетелей не оставалось.

– Спасибо, друг, утешил, – живо отозвался Артем.

– Что, подходящий романчик намечается? Готовишь суперсенсацию для своей программы?

Таран лукаво глянул на Марину и Вадима:

– Неважно, это я так просто спросил. Однако вечеринка по поводу моего отъезда состоится в любом случае. Думаю – в ближайшие два-три дня. Не могу я уехать, не погуляв напоследок. – Артем потянулся так, что захрустели суставы. – Как же я люблю это место! Каждый раз уезжать неохота. Пожить бы здесь пару месяцев или вообще навсегда поселиться...

– Я рассказывал Марине, что ты фанат здешних мест. Вспоминал, как ты сюда первый раз приехал.

– О! – радостно отозвался Таран. – Замечательная была история. Но, как видишь, нет худа без добра. Если бы не эти отморозки, которые решили устроить здесь токсичную свалку, я бы, наверное, сюда никогда не попал. Мы же все по зарубежным курортам тусуемся. В общем, мы тогда вовремя вмешались, такой репортаж забабахали – мама не горюй! Депутаты вмешались, ученые, прокуратура. Мэром Солнечноводска был тогда Избуцкий.

Марина и Вадим быстро и выразительно переглянулись.

– Очень приличный дядька, – продолжал разглагольствовать телевизионщик. – Он в итоге всю эту шарашку и прикрыл. В общем, мы тогда победили.

– Но моллюск все-таки погиб, – напомнила Марина. – Значит, опоздали.

– При чем тут моллюск? – искренне удивился Таран.

– Как – при чем? Я слышала, что завод сливал всякую дрянь, в смысле – отходы производства, в озеро. Поэтому погиб моллюск, который придавал воде золотистый цвет. Вода стала другой, потеряла целебные свойства, – немного коряво объяснила Марина.

– Ах, вот вы о чем, – понимающе кивнул Таран. – Тогда все ясно. Объясняю – это две разные истории. Действительно, где-то в семидесятых годах на берегу озера по распоряжению какого-то идиота построили завод пластмассовых изделий. Производили всякую чушь – мыльницы, ведра, вешалки, тапки, банки, детские игрушки. Знаете, производство пластмасс довольно токсично, поэтому необходимо было специальное оборудование для переработки и утилизации отходов, нормальные очистные сооружения. Но тогда ведь на всем экономили, а о загрязнении окружающей среды вообще не думали. Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек. Вот и сваливали все в озеро, пока не вмешались ученые, неожиданно обнаружившие, что редкий моллюск, живший только в озере Солнечное, вдруг исчез. В общем, завод благополучно закрыли. Было это, если я правильно запомнил, когда перестройка началась, при Горбачеве. Тогда начали вдруг прислушиваться к мнению общественности. Кстати, на месте здания завода сейчас собираются строить аквапарк. Только, друзья мои, я занимался здесь совершенно другим делом. Вадим, ты же должен помнить!

– Ну, в детали я не вникал, – лениво отозвался Баратынский. – Помню, ты мне что-то рассказывал...

– Детали! Ничего себе детали. Меня же убить хотели за мой репортаж! – Тут Таран вернулся к Марине и, проникновенно глядя ей в глаза, спросил: – Вам интересно?

– Конечно, очень, – честно ответила она. – Расскажите мне, раз Вадиму скучно.

– Значит, так. Здесь недалеко, километрах в ста от города, находилось хитрое такое производство по переработке токсичных отходов. Последние годы вокруг него много скандалов было. Даже уголовное дело возбудили – вроде бы они втихаря перерабатывали зарубежные отходы, что есть грубое нарушение российского законодательства. Но следствие тянулось долго, доказать толком ничего не смогли. В общем, дело замяли, но приняли решение данное предприятие ликвидировать. Причем в очень короткие сроки. А это означало, что нужно утилизировать много-много контейнеров. У них, конечно, имелись полигоны, только далековато. К тому времени там уже и места не было. И вот, чтобы не париться и сэкономить на перевозках, придумали эти добры молодцы сбросить всю эту токсичную дрянь на берег озера. Не втихаря, нет. Они умудрились получить официальное разрешение на эту бандитскую акцию. Догадываетесь, как? Вот этой историей я и занимался.

– И чем же все закончилось? – спросила заинтригованная Марина.

– Видите – здесь строят курорт. А ведь спокойно могла быть свалка токсичных отходов, – удовлетворенно откинувшись на стуле, сказал Артем. – И я рад, что смог внести свой посильный вклад в разоблачение этой аферы.

– Вам правда угрожали? – уважительно посмотрела на телевизионщика Марина.

– Еще как. Одной рукой совали деньги – мол, проваливай в свою Москву, это наши местные разборки. Другой показывали нож. В переносном смысле, конечно. Сначала намекали, что могу не доехать до родного дома. Подсылали всяких скользких типов уголовной наружности – для профилактических бесед. Один из них мне напрямую заявил: не отступишься – грохнем. Да, не случайно статистика свидетельствует, что настоящие журналисты редко доживают до сорока лет. – И, отхлебнув немного из высокого бокала, добавил: – Впрочем, мне сорок исполняется через месяц. Приглашаю отпраздновать.

– Ой, а я не знаю, буду ли я... – произнесла Марина, растерянно обернувшись к своему примолкшему спутнику.

– Слушай, дружище, – подал голос Вадим. – Давай действовать последовательно – сначала вечеринка в честь твоего отбытия в столицу. Ну, а потом уж посмотрим.

– Заметано, – сказал Таран, вставая из-за стола. – Ждите, на днях я позвоню! Да, кстати, о моллюсках! Я знаю тут одно место, где они есть, причем в достаточном количестве.

Марина и Вадим застыли в растерянности, затем, почти одновременно, воскликнули:

– То есть как?

– А вот так! – расхохотался Таран, глядя на их изумленные лица. – Неподалеку, на улице Голубева, есть прекрасный устричный бар. Вот именно туда, друзья мои, я и хочу вас пригласить. Как вы относитесь к устрицам?

* * *

Глава строительного холдинга «Малахит» был вне себя. Поэтому обычное производственное совещание сильно смахивало на знаменитое полотно художника Сурикова «Утро стрелецкой казни». Зловещая аналогия прослеживалась и в том, что Павел Потапов здорово смахивал на Петра, каким изобразил царя великий русский живописец. Для полноты картины разгневанному Паше Керосину не хватало только коня и кафтана, а его подчиненным – руководителям департаментов, управлений и предприятий холдинга, которые сидели с похоронным выражением на лицах, – рыдающих жен и малых детушек.

– Зачем мне такие начальники? – разорвался Потапов, бегая по залу заседаний и сверля злым взглядом низко склоненные головы. – Не можете нормально организовать работу – идите котлованы копать, фундаменты цементировать. Заявления подпишу прямо сейчас!

Представить себе этих модно и дорого одетых мужчин копающими котлованы было невозможно. Однако опасность для их карьеры существовала вполне реальная, поэтому все

сидели тихо, боясь встретиться взглядом со своим боссом. Сотрудникам холдинга было хорошо известно, как легко Потапов конвертирует обещания в конкретные поступки. Слов он на ветер, как правило, не бросал. Угроз – тем более.

– Слушать ваши жалобы на непреодолимые трудности больше не желаю. Преодолевайте, я вам за это плачу. Даже сам помогаю решать вопросы. Поэтому со следующей недели порядок такой – или вы приходите с рапортом о выполнении планов с соблюдением всех установленных сроков, либо – с заявлением об уходе. Ясно?

Собравшимся было все ясно – вскоре должна состояться презентация нового курорта. Начинался аврал, нервничали инвесторы. Единственным, кто чувствовал себя сегодня в относительной безопасности, был начальник отдела рекламы и общественных связей Роман Овчинников. К нему единственному сегодня у Потапова претензий не оказалось. Поэтому Роман небрежно возил ручкой в лежащем перед ним блокноте, изредка бросая быстрые любопытные взгляды по сторонам. Казалось, Овчинников получает эстетическое удовольствие, созерцая унижения сослуживцев. Но безжалостная стрела начальственного гнева настигла и его. Причем в тот момент, когда Овчинников меньше всего этого ожидал.

– Картинки рисуешь? – рявкнул вдруг Потапов, неожиданно остановившись за спиной Романа. – Завалил всю работу по связям с общественностью и бумагу мараешь?

Инстинктивно вжав голову в плечи, Овчинников замер, не проронив ни звука. Правила поведения в таких ситуациях он знал прекрасно – отвечать только в случае, если хозяин прикажет. Если приказа нет – молчать и слушать.

– Против меня тут целое восстание готовится! Демонстрации, митинги протеста, собрания общественности, плакаты с оскорблениями! В меня помидорами кидают, чучело жгут, потом это по телевизору двое суток показывают. Этот рыжий защитник птиц информационную войну пытается против меня развязать. А мой пиарщик чертей рисует! После совещания – ко мне в кабинет. Будем разбираться.

Все находящиеся в зале заседаний осторожно, но сочувственно поглядывали на Овчинникова. Похоже, в холдинге скоро появится новый руководитель отдела рекламы и связей с общественностью. Вообще-то за цинизм и полную беспринципность коллеги по работе Рому недолюбливали. Но в данной ситуации они посочувствовали молодому человеку. Ведь на его месте мог оказаться каждый.

Минут через сорок разговор о связях с общественностью продолжился уже в кабинете генерального директора. Потапов сидел в огромном кресле, а Роман Овчинников стоял перед ним навтыжку, как новобранец перед пьяным генералом.

– Рома, я ценю твой креатив, – цедил сквозь зубы Потапов, недобро глядя на Овчинникова. – Но ситуация сложилась очень неприятная. Эти скандалы могут привлечь нежелательное внимание к нашему строительству. Прокурорские проверки и все такое. Хотя все документы у нас в порядке, но при сильном желании всегда можно откопать что-то незаконное. Возникла реальная угроза бизнесу. Так вот. Если эти общественные и экологические организации сорвут планы по сдаче объектов – я прикажу укрепить тобой фундамент, предварительно залив бетоном. Конечно, это шутка. Но последствия для тебя, Рома, могут быть очень серьезные.

– Павел Андреевич, я постараюсь разругать ситуацию. Мне нужно немного времени. Я действительно кое-что прошляпил – слишком много времени уделял рекламе и акциям. Но ведь не я один виноват, что так получилось.

– Конечно, не ты один виноват. И до других очередь дойдет. Но сейчас я разбираюсь с тобой. Знаешь, какую главную ошибку ты совершил?

Роман удрученно покачал головой.

– Ты не должен все делать сам. Я дал тебе возможность набрать кучу людей в отдел – вот пусть и бегают. А ты рожай идеи и контролируй процессы. Иногда это у тебя прекрасно получается. Короче, хочешь у меня работать – напряги мозг.

Овчинников состроил плаксивую физиономию и, преданно глядя на Потапова черными немигающими глазами, заверил:

– Павел Андреевич, все сделаю.

– Рома, верю в последний раз. Больше проколов быть не должно. До сих пор я был тобой доволен. Мне нравилось, что ты работаешь дерзко, смело, без оглядки на условности, с выдумкой. Нравилась наша агрессивная реклама, нравилось, как ты общаешься с прессой. Сделай так, чтобы я не разочаровался. Если благополучно закончим эту историю с курортом «Солнечный», нас ждут такие перспективы, что тебе и не снились. Я могу взять тебя с собой. А могу и уничтожить.

Потапов выдержал многозначительную паузу, пристально разглядывая побледневшего Романа, который в данную минуту больше, чем когда бы то ни было, походил на хорька. Только в этот раз хорек был не хитрый и дерзкий, а испуганный.

– Я все понял, Павел Андреевич.

– Если понял, тогда вот что. Ты ведь помнишь, что меня приглашали поучаствовать в телевизионной программе по вопросам экологии?

– Конечно. Но вы тогда категорически отказались, сказав, что...

– Я помню, что сказал. Теперь я решил принять вызов.

– Это очень правильно, Павел Андреевич.

– Сам знаю. Не перебивай. Это будет почти час прямого эфира. И мы должны дать бой всем этим экологам и тем, кто их поддерживает. Ты, Рома, должен будешь помочь мне.

– Разумеется, я поеду на программу вместе с вами.

– Естественно. Но я сейчас о другом. Надо выработать стратегию поведения в отношении наших недругов. Минуту.

Потапов отвлекся на телефонный звонок, потом снова уставился на стоящего перед ним по стойке «смирно» Овчинникова.

– Садись. Появились мысли по поводу взаимоотношений с оппозицией?

– Есть одна идея.

– Наконец-то. Давай.

– Надо задушить их в объятиях.

– Рома! – рявкнул Потапов так, что зазвенели стекла. – Мы что, бандиты какие? То начальник моей охраны предлагает Ложкина нейтрализовать, теперь ты – оппозицию задушить. Сколько раз вам говорить – у нас легальный респектабельный бизнес, мы работаем цивилизованными методами. В крайнем случае используем административный ресурс.

– Павел Андреевич, – молитвенно сложил свои тощие руки Овчинников, – я не в том смысле.

– Тогда говори, чтобы я сразу понимал!

– Да, конечно. Давайте сделаем так. Проведем переговоры, подружимся, сделаем вид, что идем на уступки. Организуем здесь заповедник для этой их вымирающей птицы. Пообещаем, что дюны останутся нетронутыми.

– Так они же не хотят теперь переговоров.

– Захотят, – заверил босса Роман Овчинников. – Иначе они будут некрасиво выглядеть в глазах общественности. Мы станем миротворцами, которые протягивают им руку, делают шаги навстречу. А эти фанатики предстанут злобными, агрессивными созданиями, неспособными к компромиссу. Общество не любит злых, агрессивных и упертых. Люди в большинстве своем миролюбивы, им милее переговоры и неторопливые процессы сближения. Я предлагаю начать процесс сближения незамедлительно. Но затянуть его на максимально возможный срок. Лучше всего – на несколько месяцев. Продолжая при этом наше строительство. Это и значит задушить в объятиях.

– Так ведь Ложкин будет следить за каждым нашим шагом.

– Будет. Но мы начнем опровергать его информацию, перебивать ее своей. Мы тоже можем устраивать шумные акции. Вы будете перед камерами кормить с ладони этих птичек, сажать деревья, пить воду прямо из озера.

– Это еще зачем? – содрогнулся Потапов.

– Чтобы все знали, что вода чистая, как и много веков назад. Но это, Павел Андреевич, не главное. Предлагаю выделить грант Фронту экологической обороны. Лучше крупный.

– Цель? – спросил заинтригованный Потапов.

– Нейтрализовать Ложкина. Как вы и просили – цивилизованно. Деньги пойдут через руководство Фронта за рубежом. Под это дело, я думаю, с ними можно обсудить кое-какие вопросы. Например, договориться, что деньги пойдут на спасение исчезающего вида комаров-кронопийц в джунглях Амазонки. Ну, и по-дружески порекомендуем нашего друга Ложкина на должность руководителя экспедиции. Действительно, кто, кроме него, может справиться с нелегкой задачей? Громогласно объявим, что здесь он задачу выполнил блестяще. Вы же знаете, Павел Андреевич, что похвала из наших уст, то есть из уст бывшего врага, дорогого стоит.

– А сам Ложкин? Если он заподозрит неладное, упрется, как мул?

– Это уже не наша забота. Он же не сам по себе такой борец за идею. Он – функционер международной организации. То есть – лицо подневольное. Скажут старшие товарищи, что важнее ехать спасать комаров, – поедет как миленький.

– Но если они другого пришлют?

– Наш грант будет такого свойства, что они пришлют вполне миролюбивого переговорщика.

– А о какой сумме может идти речь? – насторожился Потапов.

– Не очень большой. Я это быстро выясню. Защитники окружающей среды, в том числе и зарубежные, – люди неизбалованные. Как вы правильно заметили, это будут копейки по сравнению с теми затратами, которые могут потребоваться на решение вопросов с чиновниками при нежелательном развитии событий.

Потапов внимательно глянул на Овчинникова и хохотнул, почти не разжимая губ.

– Рома, ты, я вижу, держишься за свое место. Ход интересный. Думаю, это лучше, чем взятки раздавать, отбиваясь от всяких проверок и воюя с Ложкиным и его сторонниками.

Ободренный похвалой, Овчинников конкретизировал задачу:

– Первым шагом на пути к сближению сторон должна стать эта телевизионная передача. Если вы не возражаете, я тезисы сегодня набросаю и вам занесу.

– Сегодня, после девяти вечера. Записываю себе. Заодно свяжись с каналом, подготовь мне список участников.

– Обязательно. Дату и время эфира я уточню на неделе. Обычно у них такие программы идут в девятнадцать часов. Я буду держать вас в курсе.

– Ладно, иди работай.

Окрыленный Роман выскользнул из кабинета. Теперь это был уже не испуганный хорек, это был хорек деятельный и жесткий.

* * *

Неделя началась, как и положено, с понедельника. А понедельник, как водится, с неприятностей. Сначала позвонила Анжела, сказала, что у нее температура, и Марине пришлось самой взяться за пылесос, тряпки и моющие средства. В обед к ней подошел повар Артур и попросил аудиенции. Оказалось, что его приятель открыл в Питере свой ресторан и предложил ему место шеф-повара. Поэтому Артур попросил расчет, причем срочно, так как вылетать к новому месту работы он должен послезавтра. Марина схватилась за голову: если Анжелу заме-

нить она могла, то в области кулинарии ее возможности оказались более чем скромными. А Виктор Федорович был в известной степени гурман и самодеятельности на своей кухне не признавал. Поэтому всю вторую половину дня, свободную от уборки, Марина посвятила поиску достойных кандидатов на вакантное место.

В довершение всего дядя, расстроенный сообщением об увольнении повара, которого он очень ценил, оступился на лестнице, когда карабкался наверх, в свой кабинет. Пришлось срочно вызывать врача.

– Ничего страшного, легкое растяжение связок, – сказал доктор, осмотрев Избуцкого. – Но я бы вам посоветовал в ближайшие несколько дней эту ногу не тревожить, не нагружать ее.

Когда врач отбыл, Избуцкий подъехал на своей коляске к креслу, где устало сидела Марина, и, ласково похлопав ее по руке, сказал:

– Не расстраивайся. Анжела скоро поправится, она девушка здоровая. Замену Артуру мы найдем. Это небольшая проблема, хотя мне жаль, что он уезжает. Плохо лишь то, что пока я не могу взбираться в свой кабинет самостоятельно, придется тебе со мной немного повозиться.

Не желая останавливать работу над рукописью ни на один день, Виктор Федорович временно перенес свою литературную деятельность в гостиную. Однако ему то и дело требовались справочники, энциклопедии, документы из личного архива, какие-то записи, которые находились в кабинете или библиотеке на втором этаже. Поэтому Марина весь вечер неустанно бегала по лестнице туда и обратно.

В таком же ритме прошли вторник и среда. Разумеется, о вечерних прогулках и свиданиях на это время Марине и Вадиму пришлось забыть. Баратынский с пониманием отнесся к форс-мажорной ситуации. Сказал, что постарается еще немного задержаться в городе, дал несколько дельных советов относительно того, как быстрее восстановить связи, и пожелал Виктору Федоровичу скорейшего выздоровления.

Сам Избуцкий держался молодцом и уже в четверг сделал Марине приятный сюрприз:

– Нога больше не болит, будем считать, что инцидент исчерпан. Сегодня я начну работать в кабинете. А ты поезжай, развейся. Тебя небось молодые люди заждались.

– Дядя, я приехала сюда вам помогать, и для меня важнее всего...

– Знаю, знаю. И очень ценю все, что ты для меня делаешь. Но отдыхать тебе обязательно надо, моя дорогая. Все, завтра я уже самостоятельно поднимусь в кабинет, а ты можешь строить свои собственные планы на вечер.

Марина тут же набрала номер Вадима. Тот очень обрадовался.

– Сказал, что надо отдыхать и развлекаться? Какой у тебя классный дядя. Давай последуем его совету!

Договорились, что Баратынский позвонит ей завтра днем, чтобы условиться о месте встречи. Однако Вадим позвонил рано утром.

– Почему спозаранку? – весело спросила Марина. – Не можешь дождаться положенного часа?

– Марина, слушай, – быстро проговорил Вадим. Голос у него был какой-то странный – глухой, сдавленный, тревожный. – Случилось несчастье. Артем Таран погиб.

У Марины на секунду перехватило дыхание.

– Но... Как это могло?.. Что случилось? – выдавила она наконец.

– Я пока сам толком ничего не знаю. Мне позвонила одна девица из его группы, мы с ней когда-то вместе работали. Они сейчас едут в полицию, потом на опознание, ну, и так далее. Я попытаюсь прорваться с ними. Тем более вчера вечером мы с Артемом общались. В общем, я тебе потом еще позвоню. А ты посмотри новости – что они там будут передавать, хорошо?

– Хорошо.

– Еще я с редакцией свяжусь, пусть задействуют наши источники. Сейчас такой шум поднимется – телезвезда все-таки. Ладно, будь на связи!

Следующие полчаса Марина сидела на диване в гостиной, тупо глядя перед собой. Ей никак не удавалось привыкнуть к мысли, что веселый, жизнерадостный, крепкий мужик, который несколько дней назад пил с ними коктейли, рассказывал интересные истории, смеялся – вдруг взял и умер. Что его больше нет, что он не пригласит их в устричный бар и на день рождения.

Наконец, вспомнив просьбу Вадима, она взяла пульт, включила телевизор и посмотрела на часы. До ближайшего выпуска новостей оставалось еще минут двадцать. «Было бы здорово, – вдруг подумала Марина, – если бы они сейчас объявили, что информация о смерти известного тележурналиста Артема Тарана не подтвердилась».

Но вот послышалась будоражащая мелодия, возвещающая начало программы, промелькнула голубовато-серая заставка, и на экране появилось не предвещающее ничего хорошего лицо ведущего.

– Здравствуйте. Мы начинаем наш выпуск с сообщения о чрезвычайном происшествии. Как нам стало известно, сегодня на рассвете, примерно в километре от центрального пляжа Солнечноводска, около прибрежной линии в воде было обнаружено тело известного телевизионного журналиста, автора и ведущего популярной программы «Паранормальная вакханалия» Артема Тарана. Кроме того, неподалеку от этого места был найден выброшенный на берег труп неизвестной девушки. В УВД города Солнечноводска эту информацию подтвердили, однако от подробных комментариев отказались. Связаны ли между собой эти две смерти, предстоит выяснить следствию.

«Вот и устроили вечеринку в честь отъезда, – вдруг пронеслась в голове у Марины дурацкая мысль. – Лучше бы он уехал отсюда раньше, тогда, может быть, остался бы жив».

Впрочем, это совсем не факт. Ведь не сказали даже, что произошло с Артемом. Сердечный приступ, кровоизлияние в мозг? Или вообще – купался и утонул. Нашли-то на берегу. И что это еще за девушка там оказалась? Может, тоже из телевизионной группы. Вместе плавали? Вадим ничего про девушку не сказал, может, и сам не знает.

Она еще раз представила себе Тарана, каким запомнила его во время последней встречи. На человека, страдающего хроническими болезнями, он не был похож. Нормальный, здоровый, жизнелюбивый мужик. Нет, что-то здесь не так. Вероятно, к вечеру уже будет известно, от чего умер Артем. Если даже по телевизору не объявят, Вадим точно узнает, в чем дело.

Марина выключила телевизор, поудобнее устроилась на диване и стала обдумывать ситуацию. Сегодня, скорее всего, придется целый день слушать новости в ожидании подробностей. С Вадимом они навряд ли увидятся. Он наверняка начнет журналистское расследование. Кажется, это именно так называется. Тем более что они с Артемом дружили. В общем, боевые действия на личном фронте остановлены.

«Ладно, с местными новостями все ясно, теперь надо столичные каналы посмотреть, – решила Марина, снова взявшись за пульт. – Вдруг там что-нибудь новое скажут».

Столичные каналы были более эмоциональны – демонстрировали фотографии Артема, фрагменты его передач, предоставляли слово друзьям и коллегам. Но, говоря о причине смерти, ограничились общими фразами. Видимо, с получением информации были проблемы. Про неизвестную девушку упоминали вскользь.

Примерно в седьмом часу, когда Марина уже озверела от новостных передач, позвонил Вадим.

– Нам сегодня обязательно надо встретиться, – без предисловий заявил он. – Когда ты сможешь освободиться?

– Давай как обычно, часиков в восемь.

– Отлично. Помнишь кафе, где мы с Артемом выпивали? Вот туда и приезжай, буду тебя ждать.

– Обязательно. Ты сам-то как?

– Мне что? Я нормально, – невесело усмехнулся Вадим. – Только вот не могу научиться говорить об Артеме в прошедшем времени.

* * *

– И что все это может значить? – озадаченно спросила Марина.

– Понятия не имею. – Вадим, едва пригубив виски, поставил стакан на столик. – Вот зараза, даже алкоголь не идет. А так хотелось немного снять напряжение.

Баратынский провел целый день, общаясь с полицией, прокуратурой, членами съемочной группы. Он был в морге на опознании, а потом часа два сидел у следователя на допросе. Поэтому на свидание приехал уставший и раздосадованный. Может быть, поэтому его рассказ получился немного сумбурным и весьма эмоциональным.

– Никто не знает, что произошло на самом деле. Мы расстались с Артемом вчера поздно вечером, примерно в половине двенадцатого. Посидели немного, обсудили новости, потом он сказал, что ему нужно идти, но вроде бы никуда не торопился. Через два дня он должен был улетать в Москву – уже были заказаны билеты на самолет для всей группы.

– Все-таки от чего умер Артем, известно? Его убили?

– Следователь разговаривает на эту тему весьма неохотно. Вроде бы утонул. Может быть, был неосторожен. Или нетрезв. Экспертиза должна установить, убийство это или несчастный случай. Но они всегда так говорят. А я и без экспертизы кое-что знаю. Во-первых, Таран был классный пловец, у него разряд по плаванию. Во-вторых, Артем очень осмотрительный и осторожный человек. Жизнь и профессия приучили. И в-третьих, пьяным он не был. Во всяком случае, когда мы с ним расставались.

– Но он мог выпить потом?

– Мог, но... Понимаешь, я видел Тарана в разных ситуациях. И твердо знаю – если бы он напился, то никогда не пошел бы к воде.

– Почему? – удивилась Марина.

– Артем считал это непозволительной глупостью. И сам мне об этом много раз говорил. Странно, конечно, но именно так и было. Мы когда вместе здесь отдыхали, то иногда... Ну, что там объяснять, ты и сама все понимаешь. В общем, компании разные, гулянки. Частенько у некоторых спьяну возникало желание искупаться ночью, порезвиться в воде. Женщины, кстати, к этому очень склонны. Так вот, Артем всегда категорически возражал. А если его не слушали – уходил. И меня уводил, не давал идти с ними. Он как-то рассказал, что у многих пловцов отношение к воде почтительное, как к живому существу. Плюс интуитивное чувство опасности.

– Ты говорил об этом следователю?

– Разумеется.

– А он что?

– Следователь тот еще фрукт. Ухмыльнулся так гаденько и говорит – знаем, мол, вашего брата, журналиста. Выпить и потрепаться любите, вот и сочиняете всякие небылицы. Вы зачем сюда из Москвы слетелись? Русалок ловить? Вот и доигрались.

– При чем тут русалки?

– Без понятия. Но он именно так и сказал.

– И этот тонкий психолог будет исследованием заниматься?

– Это меня и печалит. Слишком он равнодушный и циничный. Даже для человека, который постоянно сталкивается с трагедиями.

– А девушка, про нее что известно?

– Практически ничего. В новостях что говорят?

Марина вкратце пересказала основные тезисы.

– Да, совсем слабо, – констатировал Вадим. – Даже имя и фамилию ее не установили. Впрочем, это неудивительно. Девушка, когда ее нашли, была абсолютно голая.

– В купальнике? Или топлес? – уточнила заинтригованная Марина.

– Абсолютно голая, – с нажимом произнес Баратынский. – Без купальника, без ничего. Причем ни вещей, ни документов в окрестностях обнаружить не удалось.

– Об этом в новостях не говорили.

– Полиция фильтрует информацию. В общем, правильно, а то сейчас же кривотолки начнутся – телезвезда и голая барышня на пляже, ночью. Впрочем, все равно пресса узнает. Свидетели, те люди, которые нашли тела, обязательно проболтаются.

– А откуда ты узнал?

– Случайно услышал разговор оперативников. В любом случае это уже загадка с одним неизвестным. Кто она такая, эта девушка? Связана ли ее смерть со смертью Артема? Сейчас полиция будет носом землю рыть, чтобы установить личность погибшей. Иначе – тупик.

– Следователь считает, что она тоже утонула случайно?

– Эту тему мы не обсуждали. Меня он вообще расспрашивал только про наши взаимоотношения с Тараном да про вчерашний вечер. И еще про то, чем мы тут в городе занимаемся.

– Слушай, я ведь тебя даже не спросила. А как ты вообще в свидетелях оказался?

– Очень просто. Я приехал к гостинице, где вся съемочная группа собралась в ожидании полицейского автобуса. Поехал с ними в отделение, потом в морг. А уже потом объяснил следователю, что я не сотрудник канала, просто мы коллеги и друзья. Особенно его заинтересовало мое сообщение о том, что накануне мы с Артемом встречались. Очень вероятно, что я последний, кто видел его в живых.

– Как это ужасно звучит – последний, кто видел в живых.

Марина поежилась. Хотя был удивительно теплый вечер, ее пробиравал озноб.

– Для меня ужас наступил при опознании. Когда они сняли простыню.

Вадим взял стакан и с усилием протолкнул в себя глоток плескавшегося на доннышке янтарного напитка.

– Тяжелое зрелище. Тем более что Артем для меня все еще живой. Никак не могу смириться, что именно он лежал на том цинковом столе в морге.

Вадим на минуту грустно замолчал. Потом, как будто спохватившись, торопливо сказал:

– Знаешь, у него очень странное выражение лица было. Такая застывшая маска веселого удивления.

– Он улыбался? – вздрогнула Марина, живо представив себе эту картину.

– Нет, не то. Спокойное лицо, но эта зарождающаяся улыбка – я хорошо ее помню. Как будто Артем вдруг увидел что-то неожиданно приятное. Кстати, девочки из его группы со мной согласились. Им тоже показалось, что еще секунда жизни – и Таран должен был улыбнуться своей фирменной улыбкой. Впрочем, следователю я об этом не сказал. Его интересовал единственный вопрос – кто лежит на столе в морге. Между прочим, тот же вопрос он задал нам относительно погибшей девушки.

– Так ты ее видел? – Марина сочувственно глянула на Вадима. – Слушай, как у тебя нервы выдержали? Я бы умерла со страху.

– Ничего, пережил. Я ведь немного повоевал, разное видел.

– То есть как – повоевал? Где? – непроизвольно вырвалось у Марины. – Ты же сказал – был спортсменом, потом стал журналистом. Так ты еще, оказывается, кадровый военный.

– Нет, не военный. Так получилось, что между спортом и журналистикой я несколько лет проработал в одной очень известной силовой структуре. Ничего особенного, рядовой сотрудник. По роду службы были командировки в горячие точки. Вот и все.

– Ничего себе – все, – укоризненно покачала головой Марина. – Так неожиданно выяснится, что ты Герой России и командир атомной подводной лодки.

– Нет, нет, – впервые за время их разговора улыбнулся Баратынский. – Ничего такого не будет. Давай потом обсудим мое прошлое, это не очень интересно. Гораздо интереснее другое. Та девушка, которую нашли рядом с Артемом. Вот представь себе...

– Можно, я не буду этого представлять? Иначе окаменею от ужаса.

– Тогда просто послушай. Лет двадцать или около того. Стройная фигура, красивая грудь. Очень длинные белые волосы, почти до пояса. Зеленые глаза.

– Фигуру ты как рассмотрел? Угадал под простыней?

– Нет, девушка вообще не была накрыта ничем. Не знаю почему.

– А глаза?

– Подошел вплотную и увидел. Они у нее открыты были.

– Облик убийцы в них не отпечатался?

– Почему ты решила, что ее убили? Вдруг правда несчастный случай? Кстати, это ложная теория.

– Какая теория?

– Что в зрачке убитого в последние мгновения перед смертью отпечатывается и сохраняется изображение убийцы. Об этом еще сэр Артур предупреждал.

– Артур Кларк, ученый и фантаст?

– Артур Конан Дойл, врач и писатель. Или наоборот – писатель и врач. Так вот, я хочу вернуться к погибшей девушке.

– Да, конечно. Зеленоглазой блондинке с длинными волосами, стройной фигурой и красивой грудью. Описание мне что-то напоминает.

– Правильно. Именно это я и хотел от тебя услышать. А сейчас я расскажу тебе самое интересное из того, что я увидел в морге.

– Звучит ужасно, мне как-то не по себе. Что там еще было? Рыбий хвост?

– Нет, хвоста не было. Но тело девушки от пояса и ниже было облеплено рыбьей чешуей. И это я видел собственными глазами.

* * *

– И как тебе наш новый повар? – спросил Виктор Федорович, отодвинув тарелку и наливая себе бокал красного вина.

Марина, поглощенная своими мыслями, отреагировала не сразу.

– Он работает всего несколько дней. Рекомендации у него отличные, пока все вроде бы хорошо, без проблем.

– Мне нравится, как он готовит. Вкусно и с фантазией. Как тебе кажется?

– Да, вроде бы неплохо. Посмотрим, как будет дальше.

Избуцкий тщательно вытер рот салфеткой и громко провозгласил:

– Не скромничай, все превосходно. На самом деле это ведь я тебя должен благодарить, ты его нашла. И спасла дядю от голодной смерти.

В ответ Марина лишь рассеянно улыбнулась и кивнула головой. Сейчас ей было не до светских бесед – через час она должна встретиться с Вадимом, который решил начать собственное расследование гибели Артема Тарана. Еще никогда она не ждала окончания ужина с таким нетерпением. Однако именно сегодня дядя не спешил подняться к себе в кабинет для ежевечерней работы над рукописью. Развалясь в кресле с бокалом в руках, он бодро поинтересовался:

– Что новенького на белом свете? Я не имею в виду мировые кризисы или проблемы нашей футбольной сборной.

Марина тяжело вздохнула. Сейчас дядя будет расспрашивать ее о городских новостях. Не тех, о которых сообщает пресса. Избуцкого больше всего интересовали личные Маринины

наблюдения, а также информация, полученная от общения с местными жителями. Он внимательно выслушивал ее рассказы, вставлял едкие замечания, критиковал новую городскую власть и своего преемника. И получал от этого, судя по всему, огромное удовольствие. Подобные беседы случались у них примерно раз в неделю. Марина, зная эту дядину слабость, всегда имела в запасе что-нибудь интересенькое. Часто в этом ей помогал Вадим, который держал свою мощную руку на пульсе города.

– Так Расскажи, чем сейчас живет и дышит любимый город?

Обычно такие беседы длились от тридцати до сорока минут, в зависимости от количества обсуждаемой информации. Сегодня Марина, мысленно находившаяся далеко от дядино дома, уложила в рекордные пятнадцать.

Она очень старалась, чтобы Виктор Федорович не заметил ее нетерпеливого желания поскорее свернуть разговор. Обижать дядю очень не хотелось.

Виктор Федорович, по счастью, не обратил внимания на ее состояние и удовлетворенно сказал:

– Ты, я смотрю, полюбила Солнечноводск. Ведь так? Я, честно говоря, очень этому рад. Меньше всего я хотел, чтобы ты хандрила и тосковала по большому столичному городу, проклиная дядьку-инвалида.

– Дядя, что вы, – поспешила заверить его Марина. – Мне совершенно не скучно. И потом – какой же вы инвалид? Не у каждого молодого мужчины столько сил и энергии.

– Ладно, – польщенно улыбнулся Избуцкий. – Считай, что я поверил. Ты вообще умница. Парком занялась! Я думал, там все погибнет, а ты вон какую бурную деятельность развила. Глядишь, под твоим чутким руководством он скоро превратится в Никитский ботанический сад. Чего доброго, я еще раздумаю отсюда съезжать.

– Это будет самое правильно решение, – оживилась Марина. – Хватит вам уже про этот приют для ветеранов думать.

– Посмотрим, посмотрим, – отмахнулся Избуцкий. – Ладно, надо делами заняться. То есть ты отдыхай, а я пойду наверх, работать. За рассказы твои интересные большое спасибо. Мне это очень важно и нужно. Не привык доверять телевизионным или радионовостям. Мы же с тобой понимаем, как это делается.

– Да, конечно, – поддакнула Марина и быстро глянула на часы. До встречи с Вадимом оставалось сорок минут.

– Ты знаешь, – мечтательно проговорил Виктор Федорович, – у меня в свое время был даже специальный человек, один мой помощник, который собирал для меня неофициальные мнения людей. Не из праздного любопытства. Мне как главе города надо было знать, что в действительности волнует людей. А то по справкам, которые готовили чиновники, всегда выходило, что все довольны и проблем практически нет.

– Альтернативные источники информации – важный инструмент управления, – быстро закруглила тему Марина и поднялась, готовая бежать в свою комнату переодеваться.

– Надо же, а я таких слов не употреблял, – громко засмеялся Избуцкий. – Просто слухи, и все. Значит, только смерть журналиста обсуждают? Других интересов, значит, нет. Про Потапова забыли, про войну с экологами и русалок.

При слове «русалки» Марина непроизвольно вздрогнула.

– Эх, люди, люди, – сокрушенно покачал своей красивой ковбойской головой Виктор Федорович. – Ужасы им подавай. Но я так и не понял: девушка, которую рядом с журналистом нашли, – она из наших, из солнечноводских? Вдруг дочка знакомых моих, не дай господи. Или это приезжая?

– Никто не знает, – пожала плечами Марина, которая вся дрожала от нетерпения и желания скорее улизнуть. «Со стороны я выгляжу как неопытная скаковая лошадь на старте», – подумала она, мысленно уже проклиная дядино любопытство.

– Позвоню-ка я Петьке Карпачеву, – принял решение Избуцкий. – Главный полицейский города должен что-то еще знать. Со мной ведь он поделится, как думаешь?

Дядя в присущей ему задорной манере подмигнул Марине.

– Обязательно, – почти с отчаянием простонала девушка.

– Если что узнаю – расскажу тебе по секрету, договорились? Ну, беги, беги. Ждут тебя? Вон, уже извелась вся, – неожиданно рассмеялся Виктор Федорович, оказавшийся более проныцательным, чем предполагала Марина.

Покраснев и буркнув что-то невразумительное, она едва ли не бегом выскочила из столовой. Надо было срочно звонить Баратынскому. Она опаздывала уже на полчаса, а Вадим предупредил, что наметил уже на этот вечер некие, как он туманно выразился, оперативные мероприятия.

* * *

– Есть две новости, – заявил Вадим после того, как они приветственно чмокнули друг друга в щеку и уселись за столик кафе.

– Понятно, – солидно кивнула головой Марина. – Хорошая и плохая. Мне выбрать, с которой начинать?

– Не совсем так. Выбирать ты можешь. Только из двух хороших.

– Вот как? Приятно слышать. Тогда в любой последовательности, на твой вкус.

– Новость первая – мне продлили командировку, вплоть до выяснения причин вчерашней трагедии.

– Это здорово! – Марина непроизвольно заулыбалась и даже изобразила ладошками аплодисменты. – Как тебе удалось убедить начальство?

– Мой шеф когда-то работал с Артемом и даже дружил с ним. Он боится, что дело могут замять. Но главное – он сильно заинтересовался моим рассказом про девушку. Считает, что здесь может быть нечто весьма любопытное. Или – сенсационное. Либо какая-то любовная история, либо нечто еще более пикантное.

– Например, русалки? – тяжело вздохнула Марина. – Тут трагедия, а вы опять со своими сказками.

– Ты не права, – решительно возразил Вадим. – Это могут быть две разные истории. А может быть, и одна. Артем ведь работал по этой же теме, если ты помнишь.

– Знаешь, что-то мне не верится во всю эту нечисть, – кисло заметила Марина. – И полиция в нее не поверит. Установят, что за девушка. Поймут, зачем она оказалась в тот момент на пляже. Выяснят, что у них с Тараном был роман, они отправились купаться и случайно утонули. Или их убили злоумышленники. Вот и все. А всякие там сирены, ундины и прочая нежить – это вне компетенции органов правопорядка.

– Зришь в корень, – почему-то обрадовался Вадим. – Скорее всего, так и будет. Это и есть вторая хорошая новость.

– Что же в ней для тебя хорошего? Ведь, по-твоему, причиной гибели Тарана стали потусторонние силы?

– Хорошего в ней то, что полиция, объявив произошедшее несчастным случаем, не будет мешать мне заниматься расследованием. Хуже, если обнаружатся признаки насильственной смерти. Тогда придется бегать со следствием наперегонки. Я уже участвовал в подобных состязаниях. Чаще всего они заканчиваются не в нашу пользу. Тягаться с профессионалами сыска – дело практически обреченное. Но лишь при одном условии – если они действительно хотят докопаться до истины.

– А почему ты решил, что дело обязательно прикроют?

– Такие дела – головная боль и сплошные неприятности. Столичная знаменитость, дело на слуху, общественность взбудоражена. Слишком хлопотно и тревожно. Привлекает ненужное внимание высшего руководства к повседневным делам, а они, мягко говоря, не очень. К тому же могут прислать проверяющих или московских специалистов. Они начнут тут заводить свои порядки, в общем – никому это, по большому счету, не нужно.

Если бы преступление было налицо – застрелили или зарезали, тогда, конечно, было бы следствие по всей форме, никуда не денешься. А так – вполне сойдет за несчастный случай. Ведь никаких признаков насильственной смерти.

– Но вдруг они уже что-то нашли? Результаты экспертизы ты тоже не знаешь. Можешь и вообще не узнавать. Есть тайна следствия, они не обязаны перед тобой отчитываться. Хоть бы ты трижды был из газеты.

– Девушка, никогда не читайте на ночь детективы, – ласково улыбнулся ей Вадим. – И не смотрите сериалы.

– Почему это? – забавно сморщила носик Марина. – Я люблю сериалы!

Баратынский сделал строгое лицо и голосом зануды лектора произнес:

– Оттуда в общественное сознание проникает дикая или совершенно фантастическая информация.

– Ты хочешь сказать, что можешь быть в курсе всех следственных действий?

– А мне не надо быть в курсе следственных действий. Меня интересуют результаты этих действий. То бишь – добытые факты и установленные мотивы.

– И как ты собираешься получать такую информацию?

– У меня, как у любого порядочного или непорядочного журналиста, пишущего на скандальные и криминальные темы, есть свои источники в силовых структурах. Кроме того, главный редактор нашей газеты – близкий родственник очень-очень большого полицейского чина. Конечно, чаще всего мы ему помогаем, публикуя интересную для него информацию. Но иногда и он снисходит до того, чтобы чуток подтолкнуть наши собственные расследования.

– Хорошо, – тряхнула копной белокурых волос Марина. – Допустим, помогут тебе добροжелатели. Вот ты узнаешь, что следствие хотят прекратить, так как это несчастный случай. Ты сам что можешь сделать? Какие у тебя возможности заняться профессиональным расследованием? Или тоже родственник главного редактора поможет?

– Нет, тут мне никто помогать не будет. – Вадим стал абсолютно серьезен. – Более того, если у меня начнутся проблемы, то родная газета спокойно отойдет в сторонку. В общем, такие вещи делают под личную ответственность.

– Сурово.

– Сурово, – согласился Баратынский. – Но это правила игры.

– Так надо ли в нее играть? Может, оставить кесарю кесарево? Кому положено, пусть занимается раскрытием преступлений. А ты пиши статьи.

– Рад бы, но боюсь, ничего не выйдет. Говорю тебе – у меня есть все основания считать, что дело объявят несчастным случаем. И закроют. Может быть, оно и так. Только я хочу лично в этом убедиться. Пока же картинка не складывается.

– Но согласишься, что здесь больше эмоций, – настаивала Марина, которая совсем неожиданно забеспокоилась – не случилось бы что-нибудь и с Вадимом, если он впутается в эту историю. – Какая-то чешуя, которая, может быть, налипла на несчастную блондинку, пока она была в воде. Твои уверения, что Артем не купался, будучи под хмельком. Ну, а вдруг он единственный раз нарушил свое золотое правило, и это вот так плохо закончилось? Ты допускаешь такое?

– Допускаю. Но есть еще одна вещь, которая мне не дает покоя.

– Что ты имеешь в виду?

Вадим задумался, прежде чем ответить. Потом сказал:

- Помнишь, Артем намекал, что у него здесь дело появилось.
- Да, что-то такое было. Он так странно сказал – дельце открылось.
- За что люблю женщин, так это за их исключительную память на всякие мелочи – взгляды, знаки, словечки.
- Мерси. Могу еще чем-то облегчить расследование?
- Ну, прости.
- Ладно, рассказывай дальше.
- Так вот. Артем сказал, что задержаться в Солнечноводске ему пришлось потому, что дельце открылось. И добавил, что если раскрутит его – свою поездку сюда оправдает. Думаю, тут имелись в виду затраченные деньги.
- Точно! – вскрикнула Марина. – Я вспомнила! Ты еще спросил, мол, что такое, а он ответил этой вашей любимой дурацкой фразой – без комментариев. И добавил – летел за сенсацией, а привезу скандал.
- Именно. Молодец! Я вчера целый вечер сидел в номере и пытался припомнить мельчайшие подробности наших последних встреч и разговоров. Что-то меня беспокоило, какая-то брошенная им фраза. Только я никак не мог вспомнить.
- Вадим глотнул кофе, задумчиво посмотрел на блистающую поверхность озера. Затем вновь обратился к Марине:
- Скажи, а тебе больше ничего не запомнилось из его слов?
- Наверное, это все. Я же не знала, что надо вслушиваться... Ой, кажется, еще одно.
- Да, говори, – встрепнулся Баратынский.
- Боюсь оказаться неточной. Просто у меня есть такая особенность – я плохо реагирую на всякую нецензурщину и жаргонные словечки. Это меня иногда просто бесит. Так вот, Артем еще употребил такой оборот – мне обломится. Или похожий.
- В десятку! – обрадованно вскрикнул Вадим. – Я точно вспомнил. Он сказал – оправдаю поездку, а может, еще что-то обломится.
- Тебе это о чем-то говорит?
- Только об одном. Скорее всего у Темы здесь образовался финансовый интерес. Если бы ты его получше знала, ты бы поняла. Он был славный мужик. Но очень жадный до денег.
- Мне кажется, ты все усложняешь, – возразила Марина. – Если уж ты начал припоминать все, о чем Таран говорил в тот вечер, то вспомни более интересную деталь. Я тогда еще подумала, что это у вас уже шуточки такие, тематические.
- У нас с Артемом? – удивился Вадим.
- У вас всех, кто сюда приехал за сенсацией – живой русалкой.
- Поясни, я что-то не пойму.
- Любовь с русалкой – это круто? Ну, вспомнил?
- Марина, ты гений! Дай я тебя поцелую! Ну хотя бы по-братски.
- Вот по-братски точно не надо, – не отказала себе в удовольствии пококетничать Марина. – Так ты вспомнил?
- Теперь я тоже стал припоминать. Вроде вопрос шуточный, но как интересно он его сформулировал.
- Круто – вообще очень значительное, глубокомысленное и многозначное определение чего угодно.
- Не издевайся. Тут может быть...
- Ключ к разгадке всего дела, – улыбнулась Марина.
- Как знать. Мы тогда еще посмеялись вместе.
- Посмеялись. Но помнишь, что ты ему ответил?
- Приблизительно. Что-то в том смысле, что достоверных данных нет.

– И еще в том смысле, что для людей это ничем хорошим не заканчивалось, живых свидетелей не оставалось. Видишь, какая у меня память.

– Исключительная. Но ты сама понимаешь, что твоя исключительная память лишь укрепила мое желание начать собственное расследование.

– Каким же это образом?

– Русалки. Снова на горизонте русалки.

Марина протянула руку вперед и коснулась загорелого Вадимова лба.

– Дай измерять температуру. По-моему, ты уже бредишь. Снова начнешь охоту на русалок? И главное – зачем?

– Есть одна идея. Но сначала нам с тобой надо кое-что выяснить.

Марина напряглась – если Вадим именно сейчас собирается с ней объясняться, то время он выбрал крайне неудачное. Она стала лихорадочно сочинять текст своего ответа, который, с одной стороны, должен немного отрезвить Баратынского. Но с другой – не лишить его надежды продолжить этот разговор в будущем.

– Марина, помнишь, я сказал, что расследование я провожу вроде как бы с одобрения своего начальства, но под личную ответственность. И помогать в случае чего мне никто не будет.

– Да, помню, – быстро сказала Марина, тревожно ожидая, что последует дальше.

– Дело действительно странное, куда заведет расследование – непонятно. И мне очень нужен кто-то, на кого можно опереться. Мне рассчитывать на твою помощь в экстренных случаях? Разумеется, подвергать тебя хоть малейшему риску я не стану. Что от тебя может потребоваться? Позвонить, передать информацию и так далее. Даже просто посидеть и вместе обсудить ситуацию. Ты согласна? Да или нет?

Поняв, что опасность миновала и объяснения в любви сегодня не последует, Марина легко и радостно улыбнулась:

– Конечно, да. Неужели ты во мне сомневался?

* * *

На площади Согласия, которая в недавнем прошлом носила имя Ленина, проходил митинг. В центре укатанной в асфальт площади, там, где раньше возвышался неизбежный памятник вождю мирового пролетариата, стоял здоровенный, наспех сколоченный помост. Корявое сооружение было полностью задрапировано флагами с эмблемой Фронта экологической обороны и транспарантами.

На помосте стояла небольшая кучка людей с суровыми лицами и в одинаковых майках все с той же эмблемой. Они, как и все собравшиеся на площади, в данную минуту сосредоточенно слушали эмоциональную речь Стаса Ложкина.

В приступе благородного негодования он извивался всем своим упитанным телом, напоминая Элвиса Пресли, зачем-то перекрашенного в рыжий цвет. Обеими руками уцепившись за стойку с микрофоном, Ложкин то прижимал ее к пухлой груди, то поднимал над головой, то наклонял почти горизонтально. Это также придавало ему карикатурное сходство с королем рок-н-ролла.

Истеричный, но не лишенный пафосных интонаций голос эколога-экстремиста разносился по всей площади и окрестным улицам:

– Им не удастся остановить нас! Им не удастся запугать нас! Сегодня на стороне Потапова и ему подобных вся мощь государственного репрессивного аппарата. Нас кидают в полицейские застенки, нам активно мешают в нашей повседневной работе. Но вечно так продолжаться не будет! Ширится международное экологическое движение, нарастает гнев миллионов

честных людей во всех уголках земного шара. И этот гнев обрушится однажды на голову тех, кто целенаправленно, преследуя свои корыстные цели, губит живую природу!

Толпа, внимавшая Ложкину, загудела. Раздались аплодисменты, кто-то, словно на концерте, крикнул «браво». Стас, как заправский артист, раскланялся, но от микрофона не отошел – видимо, ему было что еще сказать единомышленникам, сочувствующим и подошедшим на шум праздным гражданам.

Вадим Баратынский, путь которого в гостиницу лежал через площадь Согласия, сначала решил изменить привычный маршрут. Ему очень не хотелось продираться через возбужденную толпу защитников окружающей среды и слушать зажигательные речи их вожakov.

Но профессиональное любопытство взяло верх, и Вадим подумал, что неплохо бы понаблюдать скандальное мероприятие вблизи. Не исключено, что это когда-нибудь может пригодиться в работе.

Вслед за Ложкиным, который закончил выступление под бурные овации, потянулись другие ораторы. Их речи были похожи друг на друга, как романы Фенимора Купера, и у Вадима возникло ощущение, что их писал для выступающих один человек. Каждый очередной оратор обязательно клеймил Потапова, призывал покончить со строительством курорта на озере Солнечное и спасти веерохвостую чернолапку.

Услышав про чернолапку, Вадим вспомнил нападение экологов на телевизионную группу Тарана и схватку в дюнах, из которой они тогда вышли победителями.

Лишь одна девушка в полувоенном костюме цвета хаки стала со слезами на глазах призывать к спасению исчезающего уникального вида колибри под названием «Эсмеральда». Собравшиеся с некоторым недоумением слушали взволнованную речь. Они не могли взять в толк, чем же помочь маленькой птичке, которая обитает исключительно на западе Гондураса и в далекую Россию вряд ли когда-нибудь залетит. Разве что наклевавшись винных ягод.

Послушав экологических откровений и порядком устав, Вадим уже собрался уходить. Но тут к микрофону вернулся отдохнувший Ложкин. За время, что ему пришлось провести с закрытым ртом, он набрался сил и сейчас напоминал быка, выпущенного из загона для битвы с тонконогим тореадором.

– Друзья! – завопил Стас, потрясая рыжей шевелюрой. – Я хочу предупредить вас, что власти города и те, кто манипулирует ими, подготовили грандиозную провокацию. С целью отвлечь народ от борьбы за сохранность окружающей среды они сейчас всячески будут раздувать эту темную историю с убитым тележурналистом. Может, его для этого и убили! Еще и девушку какую-то сюда приплели. Видимо, тоже из их тусовки!

«А это что еще за гапоновщина? – раздраженно подумал Вадим. – За такие вещи можно по морде схлопотать. Или срок поиметь – за клевету. Но почему этот рыжий гад утверждает, что Артема убили? Это он по глупости такое говорит или что-то знает?»

Ложкин тем временем продолжал разоряться:

– Не отвлекайтесь от главного – от борьбы за сохранность озера и редкой птицы – веерохвостой чернолапки! И пусть власти сколько угодно вставляют нам в колеса трупы убитых журналистов – им не остановить колесницу истории. Скажем «нет» проиcкам губителей всего живого на планете! Объявим персонами нон грата в городе нелюдей – Павла Потапова и Феликса Фиша! Фиш – садист и палач. Но мы устроим ему экологический Нюрнберг!

«Фиш – вон! Фиш, долой!!!» – с остервенением начали скандировать люди на площади.

«Это еще кто? – удивился Вадим. – Надо же, заслужил индивидуальные оскорбления! Раньше таких почестей удостоивался только генеральный директор „Малахита“».

– Долой Фиша! – орал неустомимый Ложкин. – Ура!

«Ура!» – поддержала его толпа. Несколько человек подняли вверх и развернули громадный лозунг с призывом «Стаса Ложкина – в депутаты».

Однако запас сил и оптимизма потихоньку иссяк. Крики становились все тише, народ потихоньку стал разбредаться по своим делам. Вскоре толпа демонстрантов сильно поредела. Вадим решил, что и ему пора уходить – впереди его ждали серьезные дела.

«Как мудро заметил один философ, – размышлял он, направляясь к гостинице, – большое количество людей нельзя долго держать в состоянии революционного возбуждения – быстро наступает усталость, неизбежно перерастающая в социальную апатию».

Однако он не считал, что проведенное на митинге время потрачено зря. Стас Ложкин, сам того не подозревая, дал ему очень серьезную информацию к размышлению.

* * *

С утра у Марины жутко болела голова. Наверное, к перемене погоды, решила она. Может быть, гроза собирается? Однако нарушать из-за этого хозяйственные планы ей не хотелось. Поэтому в одиннадцать часов, как и наметила, она села в машину, чтобы с водителем Лешей ехать за покупками. Надо было по просьбе нового повара приобрести кое-какие приспособления для кухни, найти особенные лампы для светильников в гостиной, сделать дубликаты ключей для Анжелы, которая умудрилась свои где-то посеять.

Кроме того, у дяди заканчивалась его любимая зубная паста, о чем он неустанно напоминал Марине со вчерашнего дня.

Едва Леша включил зажигание, как на коляске, словно на горячем скакуне, к машине лихо подлетел Виктор Федорович.

– Мариночка, у меня часы встали. Надо бы батарейку поменять. Сделаешь?

И протянул Марине скромные «Tissot» на потертом ремешке. Она знала, что дядя очень дорожит этими часами, так как получил их в подарок от какой-то дамы, чуть ли не примы одного из популярных столичных театров. Избуцкий, рассказывая эту историю, намекал на сильные чувства. Сетовал, что им пришлось расстаться – муж, дети и так далее. Но имя дамы как истинный рыцарь ни разу не назвал, хотя ярой театралке Марине было жутко интересно, о ком же это идет речь.

– Конечно, давайте, я их положу аккуратненько, вот так, – сказала она, принимая реликвию и укладывая ее в сумочку.

Часа два Марина ходила по магазинам: рассматривала, выбирала, приценивалась. Потом несла покупки к машине, и молчаливый Леша аккуратно укладывал их в багажник. Наконец шопинг подошел к концу, и Марина решила заскочить в торгово-развлекательный комплекс «Маяк». Там, на первом этаже, был специальный отдел, в котором продавали часы известных марок. При нем существовал сервисный центр, где в том числе меняли батарейки.

Проскользнув через гостеприимно распахнувшиеся перед ней стеклянные двери внутрь приятно кондиционированного здания, Марина сразу же наткнулась на Баратынского. Вадим, судя по всему, очень спешил, поэтому шел быстро и решительно, сосредоточенно глядя с высоты своего роста куда-то поверх голов. Если бы она не вскрикнула, он, вероятно, просто смел бы ее с пути.

– Привет! – разулыбался Вадим, резко затормозив. – Какими ветрами тебя сюда занесло?

– Хозяйственными, – вздохнула Марина. – Батарейку в часах заменить требуется.

– Надо же, на ловца и зверь бежит. Как хорошо, что я тебя встретил.

– Ты просто рад меня видеть или есть дело?

– И то и другое. Но вообще я как раз собирался тебе звонить. К сожалению, вечером мы не сможем увидеться. Но мне надо кое-что с тобой обсудить и кое о чем попросить.

– Кое-что, кое о чем... Звучит многообещающе, – язвительно заметила Марина.

– По-моему, ты не в духе. Что-то случилось?

– Голова с утра болит. И не проходит.

– А! – почему-то обрадовался Вадим. – Это к грозе. Грозу сегодня обещали. Боюсь, она мне все планы спутает.

– Как твои планы связаны с прогнозом погоды? – заинтересовалась Марина.

– Слушай, давай приземлимся вон там, в кафе, и я все тебе расскажу. У тебя найдется для меня полчаса?

– Давай. Только сначала мне надо водителя предупредить. Я схожу, а ты пока закажи чего-нибудь освежающего. Пить очень хочется.

Через десять минут они уже сидели за столиком в кафе. Марина с наслаждением потягивала через соломинку апельсиновый сок и, стараясь не обращать внимания на боль в висках, внимательно слушала Вадима.

– Я все время обдумывал, с какого бока подступиться к делу. Ну не могу я поверить, что с Артемом произошел несчастный случай. И еще девушка эта. Конечно, всегда есть шанс ошибиться. Однако интуиция меня не подвела.

– Или дедукция, – вставила Марина.

– Ну, о дедукции говорить пока рано. В общем, сильное желание разобраться привело к интересным результатам. Помнишь, я рассказывал тебе, что у меня есть источники информации в полиции? Так вот, через этот источник я выяснил, что эксперт-криминалист, который выезжал на место происшествия, засомневался в том, что имеет место несчастный случай. Хотя, как мне намекнули, следователь давит на него, хочет дело прикрыть.

– Хорошо иметь таких информаторов, – одобрила Марина. – А ты не выяснил детали? Почему эксперт сомневается?

– Кое-что выяснил. Что касается девушки, то у нее на запястье левой руки обнаружены синяки. Происхождение неизвестно. Вероятно, ее кто-то крепко схватил за руку. Здесь остается только гадать. Это могли быть любовные игры, могло быть выяснение отношений, а могло быть и нечто иное...

– Например?

– Ее топили или тащили к воде.

– Может – из воды?

– Почему ты так решила?

– Ты же сам говорил, что тело девушки лежало на песке довольно далеко от воды. Волной ее выбросить не могло – никаких особых волн здесь, на озере, быть не может.

– Да, ты права, – кивнул Вадим. – Выглядит довольно странно. Короче, основания для сомнений у экспертов появились. А что касается Тарана, тут еще интереснее. У него на голове обнаружилась ссадина непонятного происхождения. Как от удара. Появилась она до или после смерти, сказать никто не берется. Патологоанатом считает, что Артем мог удариться головой, падая в воду или уже находясь в воде. Его тело ведь нашли у берега, среди камней.

Марина вдруг почувствовала, что непроизвольно втягивается в процесс расследования. Появился неведомый прежде азарт, желание дальше обсуждать версии случившегося. У нее даже голова перестала болеть.

– Слушай, а тебе не кажется, что все это смахивает на детективный сериал? Что это за злодеи, которые такие улики оставляют? Не хватает только кровавых отпечатков подошв на набережной или следов удушения на шее жертвы.

– Ты зря ехидничаешь, – спокойно возразил Баратынский. – Я бы согласился с такой постановкой вопроса, если бы узнал, что оперативно-следственная группа вообще никаких следов не обнаружила. В жизни все проще и примитивнее. Поговори с любым ментом, он тебе скажет. Тем более если речь идет об убийстве, а не афере или финансовой махинации. Даже снайперов рано или поздно ловят. Не говоря уж про тех, кто в непосредственном контакте работает.

Понимаешь, для меня это не игра в казаки-разбойники. Я хочу выяснить, что случилось с моим товарищем, и если кто-то виноват в его смерти, пусть понесет наказание. Но это так, лирическое отступление.

Про кровавые отпечатки подошв не знаю, у меня никакой информации нет. А вот насчет следов на шее... Есть одна маленькая пикантная подробность.

Вадим сделал небольшую паузу, чтобы допить остывший кофе.

– Что за садистская манера – начать говорить и замолчать на самом интересном месте? – взорвалась Марина. – Продолжай, пожалуйста!

Вадим усмехнулся – ему явно льстило то, что Марина принимает его расследование так близко к сердцу.

– Продолжаю. Так вот, у Артема на шее обнаружили... следы поцелуев.

– В смысле – следы от помады?

– Нет, помада здесь ни при чем. Просто следы. От очень сильных поцелуев.

– Засосы, что ли? – свистящим шепотом спросила Марина.

– Ну да. Их вначале приняли за следы удушения, а потом разобрались.

– Вот это номер! Может быть, Артем с этой девушкой пришли на берег, там они... – начала фантазировать Марина, но Вадим ее перебил:

– Может быть. Только это не важно. Допустим, они знали друг друга. Допустим, у них был роман. Но кто эта девушка? Ведь до сих пор это так и не выяснили. И они оба мертвы.

– Слушай, – вдруг спохватилась Марина, – ведь у меня тоже есть источник информации.

– Что еще за источник? – удивился Баратынский.

– Дядя Витя. Он, когда услышал про Артема и девушку, собрался звонить начальнику местной полиции. Этому, как его, все время забываю.

– Карпачеву? Петру Степановичу? Начальнику УВД?

– Ага. Он когда-то помог Карпачеву занять должность. Зовут его Петькой.

– Хороший источник, – одобрительно заметил Вадим. – Марина, как думаешь, ты смогла бы аккуратненько задействовать своего дядю, чтобы добывать сведения?

– Не знаю, можно ли будет его постоянно об этом просить. Но кое в чем, думаю, дядя нам поможет. Кстати, его очень заинтересовала убитая. Вернее, кто она – местная девушка или приезжая. Боялся, что это может быть дочь каких-то его знакомых.

– Тогда ты все же попробуй узнать, что ему рассказал Карпачев.

– Узнаю, – пообещала Марина. – Будем считать, что это первое мое боевое задание?

– Слушай, – оживился вдруг Вадим. – Ты же медицинский заканчивала, у тебя воинское звание должно быть.

– Какое-то есть. Кажется, лейтенант медицинской службы.

– Ну, а поскольку я все равно старше по званию...

– А какое у тебя звание? И какой род войск?

– Это сейчас не принципиально. Потом как-нибудь расскажу. Так вот вам, товарищ лейтенант, первое боевое задание – узнать, что говорит в узком кругу о смерти Тарана и неизвестной девушки начальник УВД Солнечноводска.

– Когда будет второе задание?

– Через двадцать минут. После того как я посвящу тебя в план операции под кодовым названием «Невод».

– Ловись, рыбка, большая и маленькая? – понимающе кивнула Марина.

– Именно. Но сначала кое-что для общего понимания ситуации.

Баратынский в лицах рассказал Марине про вчерашний митинг защитников чернолапки на площади Согласия.

– Знаешь, – подытожил он, – Ложкин очень уверенно говорил про то, что Таран убит. Дважды он возвращался к этой теме и каждый раз совершенно убежденно об этом заявлял. Либо валяет дурака, либо что-то знает. Кстати, у Ложкина были мотивы.

– Ты думаешь, Ложкин – убийца? – недоверчиво спросила Марина. Представить себе наглого, пышущего энтузиазмом рыжего эколога в роли хладнокровного киллера она не могла.

– Пока точно сказать не могу. Может быть, он организатор. Или знает, откуда ветер дует. Смотри, какая получается картина. У Ложкина к телевизионщикам вообще отношение негативное. К тому же он полагал, что они нервируют птиц, и готов был лично придушить каждого, кто ходит по берегу с камерой и микрофоном. Ты же своими глазами видела организованную им атаку. Плюс ко всему после неудачного нападения на телегруппу Тарана Ложкин мог затаить обиду. Он очень импульсивен, а такие люди способны на непредсказуемые поступки.

– Допустим. Но тебе не кажется, что это было бы слишком очевидно? У людей неприязненные отношения – и один убивает другого. А зачем тогда убивать неизвестную девушку? Ложкин, конечно, не подарок, но он же не робот-убийца?

– Девушка, я думаю, могла оказаться случайной жертвой. Меня только чешуя эта сильно смущает, а так я вполне могу допустить, что у Артема в последние дни завязался бурный роман с незнакомкой. Только она – явно не то дело, из-за которого он задержался в городе. Для Тарана любовные страсти всегда были на третьем месте.

– А на первых двух?

– Работа и деньги. Вернее, наоборот – деньги и работа. Так вот, относительно Ложкина. Помнишь, Артем нам рассказывал, как тот ему прилюдно угрожал расправой?

– Помню. Обещал убить, кажется. Ну хорошо, мы с тобой такие умные – заподозрили Ложкина. А что же следователь не догадался отработать эту версию? Наверняка ведь оперативники опросили членов съемочной группы, и те рассказали про конфликт с представителями Фронта экологической обороны.

– У следователя, как я уже говорил, другая задача. К тому же представляешь, что случится, если сейчас тронуть Ложкина? Международный скандал! Они опять этой трясогузкой прикроются...

– Чернолапкой, – машинально поправила Марина.

– Какая, к черту, разница?! Будут орать, что полиция стоит на службе у олигархов, которые хотят застроить коттеджами земной шар и сжить со свету всю фауну. Так что следователю заниматься Ложкиным очень невыгодно. Пока, во всяком случае. И я хочу этим воспользоваться.

– опередить следствие?

– В некотором смысле – да. Хотя на самом деле пока и следствия никакого нет. А время уходит. Не думаю, что Ложкин напрямую причастен к смерти Артема. Но он может что-то знать. Ведь почему-то он уверен, что Таран убит.

– И как ты намерен действовать? – деловито поинтересовалась Марина.

Вадим выждал, пока официант, который принес ему минеральную воду, отойдет от столика, и тихо произнес:

– Сегодня ночью иду в разведку.

– Опять твои русалки? – возмутилась Марина, которая ожидала услышать нечто действительно важное.

– При чем здесь русалки? Сегодня ночью Ложкин экстренно собирает в штабе Фронта экологической обороны секретное совещание. Присутствовать будут лишь представители узкого круга особо приближенных к Ложкину людей. Ожидается нечто важное. Впрочем, может оказаться, что они просто планируют очередные безумные акции против Потапова.

– Откуда тебе об этом известно, если совещание такое секретное?

– Источники надо знать, – подмигнул ей Баратынский.

– Ты узнал это от своих людей в полиции? – изумилась Марина. – Но они вроде бы на данный момент не интересуются экологами?

– Нет, на этот раз не из полиции. Я здесь девицу знакомую встретил, она в этом Фронте какую-то должность занимает. Позвонил ей вчера. Посидели, поговорили. Так и узнал.

Это сообщение неприятно задело Марину, которая уже привыкла считать Вадима своей собственностью. И вдруг какие-то «знакомые девицы».

– Надо же, как все у тебя просто, – ненатурально засмеялась она. – Позвонил, посидели – и барышня, растаяв, как Снегурочка, рассказала тебе все свои секреты.

– Положим, не сразу... – горячо начал Вадим.

– Конечно, – саркастически заметила Марина. – Ведь вы сначала с ней... посидели.

– Не в том смысле! – досадуя на ее подозрительность, воскликнул Баратынский. – У нас исключительно деловые отношения. Я ей когда-то очень помог, и она...

– Чувствует себя в неоплатном долгу.

– Что-то в этом роде. Но проговорила о совещании она случайно. Я ведь не сказал, что меня интересует Ложкин. Просто расспрашивал про то, чем их организация занимается. Интерес проявлял. Намекал, что могу помочь с публикацией нужных им материалов в прессе. В общем, прикинулся другом. И узнал много интересного.

– Хорошо, – довольно сухо сказала Марина. – Но как ты попадешь на это секретное совещание? Или твоя подруга сделает для тебя пропуск? Или запишет для тебя все на диктофон? В знак признательности за все твои благодеяния.

– Она мне не подруга, – терпеливо сказал Вадим. – Никаких пропусков и записей, разумеется, она делать не будет. Вообще, если Диана заподозрит, что мой интерес...

– Ах, она еще Диана к тому же! – патетически воскликнула Марина. – Она понимала, что пора остановиться, но все никак не могла побороть раздражение. – Просто какая-то леди Ди из общества защиты животных.

Вадим оставил без внимания последнюю реплику и продолжал как ни в чем не бывало:

– ...что мой интерес к ее друзьям весьма специфический, то нашим дружеским отношениям конец. Так вот. На совещание я планирую попасть следующим образом. На наше счастье...

Это «наше» Марина с удовольствием отметила, мысленно поставив Баратынскому маленький плюстик после нескольких жирных минусов.

– ...на наше счастье, Ложкин перенес штаб-квартиру из гостиницы в дюны, поближе к гнездам вот этих самых исчезающих птиц. Теперь экофункционеры живут не в комфортабельных номерах, а в обычных палатках. В одной из них и будет проходить совещание. Место и время известны. Мне останется только техническая работа – незаметно подкрасться к штабной палатке и послушать, что там за секреты. Очень бы хотелось услышать что-то полезное, кроме рассуждений о повышении яйценоскости долгоносов.

– Чернолапок!

– Ладно, постараюсь запомнить. Может, в кругу своих Ложкин скажет об убийстве Артема больше, чем на митинге.

Тут Марине полезли в голову очень неприятные мысли:

– А если тебя заметят?! Возможно, экологи не такие дураки, какими ты их себе представляешь. Если совещание секретное, они вполне могут выставить вокруг своего лагеря охрану. А вдруг Ложкин или его люди и в самом деле причастны к гибели Артема? Они ведь и тебя могут убить. Это же как цепная реакция. Я где-то читала, что только первый раз убить сложно. Потом это становится чем-то привычным.

Вадим рассмеялся и накрыл своей огромной лапой ее ладонь. Впрочем, руку он быстро отдернул, словно маленькая загорелая ладошка была раскаленным утюгом.

– Мне очень приятно, что ты заботаешься о моей судьбе. Но ты не волнуйся слишком сильно, у меня все еще сохранились навыки партизанской борьбы и диверсионных операций. Во всяком случае, живым я им не дамся!

Заметив, что Марина слегка побледнела, Вадим быстро добавил:

– Да шучу я, шучу! К тому же я уверен, что до серьезных разборок дело не дойдет. Главное – чтобы этот дерзкий рейд не был напрасен. Нам с тобой очень нужна информация. А так как моя профессия – добывать эту самую информацию, то я в лепешку разобьюсь, а добуду.

– Не надо разбиваться, – попросила Марина. – Постарайся вернуться в целости и сохранности.

– Ты меня как на фронт провожаешь, – прищурился Вадим.

– Выглядит именно так. Кстати, сейчас как раз самое время рассказать мне, где ты освоил навыки диверсионных операций?

– Говорю же – потом как-нибудь. Это не очень интересно. В общем, я пошел готовиться к нашей первой спецоперации. Прогуляюсь по окрестностям. Посмотрю, как Ложкин с подельниками обустроились, как организована охрана, если таковая имеется. Прикину, можно ли к ним подобраться. Кстати, теперь ты поняла, как наши планы связаны с прогнозом погоды? Если к ночи начнется гроза, мне придется несладко. Впрочем, для маскировки так даже лучше.

– Можно мне с тобой? В грозу одному будет ужасно.

– Ничего ужасного не будет, только мокро. А вдвоем там делать нечего. Ты лучше другим займешься. Вечером покопайся в Сети и постарайся узнать как можно больше про некоего Феликса Фиша, которого так яростно клеймил на митинге Ложкин. Это и есть твое второе задание. В общем, за тобой дядя, его друг Карпачев и непонятный Фиш, который в глазах защитников окружающей среды едва ли не хуже бандюгана Потапова.

– Хорошо, я все сделаю, – с готовностью отозвалась Марина, чувствуя себя связной партизанского отряда, которой предстоит опасная дорога через минные поля.

– А чтобы общение с дядей прошло успешно, – добавил Вадим, – не забудь поменять ему батарейку в часах.

Тут Марина тихонько ойкнула, так как про часы, батарейку и про то, что ей к обеду надо быть дома, она попросту забыла.

Расстались, договорившись постоянно находиться на связи. Марина была настроена решительно и выбила из Вадима обещание – если вдруг понадобится помощь или возникнут чрезвычайные обстоятельства, он обязательно позвонит. Про головную боль, которая мучила ее с утра, она теперь даже не вспоминала.

* * *

Лагерь Фронта экологической обороны был разбит среди песчаных холмов в виде буквы «П», перекладина которой примыкала к озеру. Вадим, занявший позицию в кустах неподалеку, ждал темноты, чтобы подобраться ближе и определить, какая из палаток штабная.

Экипирован он был сообразно случаю – облегченный песочный камуфляж, бандана, специальные защитные очки, легкие кроссовки. Бинобль, веревка, фонарь, фотоаппарат, диктофон и другие необходимые вещи были надежно укреплены на специальном поясе или лежали в маленьком рюкзаке. Никаких охранных постов экологи не выставляли, дозорных или патрульных тоже не было, это Вадим проверил. Единственная тропинка, ведущая из города к палаткам, находилась в противоположной стороне, поэтому он не боялся быть застигнутым врасплох случайным прохожим.

Народу в лагере пока было немного – Вадим насчитал всего человек пять. Это были дежурные, которые следили за порядком на территории и, судя по доносящимся запахам, готовили пищу. Остальные, видимо, должны были подтянуться позднее.

Наконец, когда уже совсем стемнело, раздались громкие голоса, чьи-то возгласы, и по тропинке в лагерь прошествовала большая группа молодых людей, человек двадцать или около того. С их появлением палаточный городок ожил – слышался смех, гитарный перебор, хрип радиоприемников.

«Интересно, где тут логика? – подумал Вадим. – Они утверждают, что защищают редких птиц от шума строительной техники и телевизионных камер, которые якобы вызывают у пернатых стресс. И при этом такой гвалт подняли, что бедным птичкам сейчас явно не до сна. Интересно, о чем думает начальник этих самопровозглашенных экологов?»

Однако начальник куда-то запропастился. Как Баратынский ни старался, увидеть или услышать Ложкина ему ни разу не удалось. Он глянул на светящийся циферблат часов – пять минут двенадцатого. По сведениям, полученным от Дианы, секретное совещание должно было начаться в 11.30.

Неужели планы изменились? Это было бы очень некстати.

Кроме того, Вадима смущала обстановка всеобщего веселья, которая царила в лагере Фронта экологической обороны. Судя по их программным заявлениям, защитники окружающей среды сейчас должны беззвучно лежать в своих палатках, наслаждаясь тихим плеском волн, трелями цикад и другими волшебными звуками природы. Между тем экологическое стойбище все больше напоминало помесь пивного бара с дансингом.

Похоже, ситуация осложнялась, и это всерьез беспокоило Вадима. Неизвестно, удастся ли ему еще раз получить от своей знакомой нужную информацию. И если сегодняшняя затея провалится, то придется что-то изобретать заново, терять драгоценное время.

В разгар этих невеселых размышлений послышались звуки грома, еще далекие, но постепенно приближающиеся. Сверкнула молния, на мгновение озарив окрестности, и на Вадима упали первые капли дождя. А вскоре началась настоящая гроза, с ливнем, громовыми раскатами, сотрясавшими дюны, и огненными зигзагами молний.

Лагерь, несколько минут назад столь оживленный, мгновенно опустел. «Что ж, – подумал Вадим, натягивая непромокаемую накидку, прихваченную с собой как раз для такого случая. – Так оно даже лучше, никто на улицу носа не высунет. Но где же Ложкин?»

В этот момент показались несколько пляшущих огоньков. Огоньки быстро перемещались и двигались к палаткам. Кто-то шел в лагерь со стороны города. Наладив бинокль, Вадим сумел разглядеть сквозь пелену дождя знакомую рыжую шевелюру. Стас Ложкин спускался по тропинке в сопровождении трех девушек, одна из которых пыталась прикрыть своим зонтиком всех четверых. Ложкин энергично жестикулировал, что-то втолковывая своим спутникам.

Вадим понял, что настало время действовать. Сделав несколько быстрых коротких перебежек, он оказался возле крайней палатки. Огонь в ней был погашен, видимо, все улеглись спать. Вадим старался двигаться бесшумно, ливень здорово облегчал ему эту задачу.

Теперь надо было понять, куда двинется эколог-экстремист и где будет проходить совещание.

– Я пойду переоденусь, у меня сегодня еще дела, – донесся заглушаемый звуком падающей с неба воды командный голос. – Вы можете отдыхать. Но завтра чтобы все транспаранты висели там, где я сказал. И нечего валить на то, что люди Потапова их срывают. Вешайте так, чтобы они не смогли сорвать. Ясно?

Осторожно выдвинувшись вперед, Вадим увидел, как Стас нырнул в одну из палаток. Буквально через минуту там зажегся свет, и на стенке палатки, как на экране, возник знакомый силуэт – Ложкин стаскивал с себя намокшую одежду. Дождавшись окончания стриптиза, Вадим глянул на часы – 11.28. Неужели совещания не будет?

В этот момент свет в палатке погас, и под дождь вышел Стас Ложкин с огромным зонтом в руках. Подойдя к соседней палатке, он громко крикнул:

– Лена, не опаздывать!

И двинулся прямо туда, где прятался Баратынский. На секунду Вадиму показалось, что Ложкин собирается покинуть лагерь, но тот неожиданно притормозил и нырнул в большую палатку, которая выделялась на общем тускло-оранжевом палаточном фоне ядовито-желтой расцветкой. Вадим сразу же обратил на нее внимание, решив, что это медпункт или склад продуктов. Но выходит, ядовито-желтое сооружение оказалось залом заседаний.

Дальнейшее было уже делом техники. Стремительно переместившись в нужную точку, Вадим по всем правилам военной науки занял место у наружной стенки, тем самым обезопасив себя от случайных свидетелей, которые неожиданно могут выскочить на улицу по какой-нибудь надобности.

В палатке уже горел яркий свет, и Вадим чувствовал себя зрителем в театре теней. На сцене в данный момент было четыре человека, не считая Стаса Ложкина. Видимо, круг посвященных был действительно очень узким.

Баратынский достал диктофон и проводок с миниатюрным микрофоном на конце. Один конец проводка приладил к диктофону, другой осторожно пропихнул под набухший от воды край палатки. Затем, надев специальные наушники с двумя торчащими вверх короткими антеннами, подключил их к диктофону и приготовился слушать и записывать.

– Президиум Фронта экологической обороны недоволен результатами нашей работы в Солнечноводске. Довожу это до вашего сведения как член президиума. – Ложкин сделал зловещую паузу. – Во время последнего телефонного разговора мне рекомендовали активизировать работу. А вам я скажу проще – надо быть агрессивнее и шустрее! Вопросы?

– У президиума какие-то конкретные претензии? – послышался тонкий девичий голос. – Или это общее пожелание?

– Конкретные! – рявкнул Ложкин. – Весьма конкретные. Первое. Строительство курорта не остановлено. Да, нам удалось на время дезорганизовать противника. Но они, окружив себя охранниками и полицией, продолжают уродовать заповедные берега. Второе. Мы так и не смогли обеспечить охрану веерохвостой чернолапки. Выставленные нами пикеты в местах, где гнездится чернолапка, не могут справиться с потоком празднующихся туристов и продажных журналистов. Надо активнее гонять их оттуда!

– Мы достаточно активны, – возразила другая девушка. – Иногда случаются драки.

– Драться надо постоянно, – сварливо заявил Стас Ложкин. – А журналистам, Маша, надо разбивать фотоаппараты и камеры.

– Они в суд подадут, – послышался неуверенный мужской голос.

– Отлично! – взревел Стас. – Путь подадут. С нами судиться бесполезно, а реклама отличная. И другим наука. Журналистов надо атаковать, это принесет нам дивиденды.

– Стас, так мы атаковали телевизионную группу. Помнишь? А у них телохранитель оказался.

– Это не телохранитель, а другой журналист. Я знаю его, тот еще фрукт. Да, мы вынужденно отступили. Но все равно помешали им снимать беззащитную испуганную птицу. То есть – мы победили. Тем более что Тарана этого все равно убили.

– Я слышал, что это несчастный случай, – промолвил тот же неуверенный мужской голос.

– Убили, я точно знаю, – заявил Ложкин. – Ну что вы притихли и вылупились на меня, как будто это я его убил?! Нет, я бы вполне мог придушить его собственными руками – жаль, не успел.

– Но по телевизору говорили... – начала было одна из девушек.

– Хватит, не хочу слушать! – истерически взвизгнул Ложкин. – По телевизору она слышала! Когда меня в полицию второй раз забрали, я своими ушами слышал, как они между собой разговаривали. Говорили, что это двойное убийство. И телевизионщика, и девку эту грохнули. А кто, за что – им неизвестно. Но я уверен, что это хитрая акция властей, чтобы отвлечь внимание общественности от аферы с курортом.

– Из-за этого двух людей убили? – ужаснулся кто-то из участниц совещания.

– Как ты не понимаешь? Они тысячи людей убивают своим строительством, – набросился на нее Ложкин. – А также флору и фауну! Им что два человека, что два миллиона человек – без разницы. Им бы денег побольше, а на остальное – плевать.

Тут Ложкин понизил голос и заговорщицки произнес:

– Если мы уж заговорили об этом. Послушайте и запомните – в ту ночь, когда убили этого Тарана и девушку, мы проводили пикетирование строительства. Были там все вместе и друг друга видели.

– А зачем это? – также полушепотом спросила одна из девушек.

– Затем, что нас могут подставить. Меня, например. Тем более что я подрался с этим телеведущим – в полиции могут посчитать это поводом. К тому же в тот вечер, когда журналогу хлопнули, я был по делам в городе, но был один. Нет, я просто уверен, что это подстава. Они спокойно повесят на нас два убийства и скомпрометируют в глазах общества. Этого допустить нельзя.

На мгновение в палатке повисла напряженная тишина, а потом голос Ложкина зазвучал снова:

– Ладно, теперь о делах. Нам надо исправлять ошибки, допущенные на первом этапе. Предлагаю следующее. С завтрашнего дня начинаем рыть подкоп под строительство коттеджей новой очереди. По этому подкопу мы, минуя охрану, проникнем на территорию стройки и создадим там наш опорный пункт. Такой, знаете, последний рубеж обороны. Оттуда будем организовывать набеги на другие строительные площадки этого их нового курорта. Понятно?

– Да, да, – вразнобой загалдели присутствующие.

– Тогда поехали дальше. Перед нами сейчас стоит ответственная задача – на высшем уровне провести телевизионные дебаты с нашими оппонентами. Эта задача поставлена руководством Фронта экологической обороны, поэтому мы должны выполнить ее с честью. Час прямого эфира, лицом к лицу с нашими врагами. Мы обязаны продемонстрировать перед десятками тысяч людей нашу мощь и нашу правоту. И стремительной, безудержной атакой разгромить противника. В связи с этим у меня для вас хорошая новость – господин Потапов согласился все-таки принять участие в этих теледебатах. Вот мы и объясним ему прилюдно, что не стоит с нами шутки шутить. Думаю, он хорошо подготовится, но и мы должны быть во всеоружии. Поэтому ты, Лена, соберешь для меня всю справочную информацию относительно экологических проблем озера Солнечное. Маша, ты...

В этот момент сверкнула молния, раздался чудовищной силы громовой раскат, и свет в палатке внезапно погас. Видимо, что-то случилось с лампой или аккумулятором, от которого она питалась. Пока участники совещания налаживали освещение, распластанный на земле и залитый водой Баратынский решил размять затекшие мышцы. Он встал на колени, поднял вверх руки и слегка потряс кистями, восстанавливая кровообращение. В этот момент небо расколола такая огромная и яркая молния, что на секунду все вокруг озарилось ослепительным светом.

И в тот же миг раздался женский вопль:

– Ой-ой! Смотрите!

– Где? Что такое? – взревел Ложкин.

– Там! На улице! Оно было с рогами!

– Что ты несешь? Какое оно? С какими еще рогами?

– Маленькими, острыми! И лапы подняло, напасть собиралось!

– Это снежный человек! – истошно крикнула одна из девушек. – Я боюсь!

Вадим понял, что по чистой случайности он тоже стал актером театра теней. Из темной палатки при свете молнии его силуэт был виден так же, как перед этим ему самому были видны люди, сидящие внутри.

Сообразив, что если сию же минуту не исчезнуть, операции грозит позорный провал, Вадим мгновенно свернул аппаратуру и растворился в темноте, прежде чем Ложкин и его соратники вывалились с фонариками под проливной дождь.

* * *

За ужином, рассказывая дяде о новостях, Марина как бы невзначай заметила:

– По телевизору опять передавали объявление – ищут свидетелей того происшествия на берегу озера. Видимо, у следствия проблемы.

– Какого происшествия? – уточнил Избуцкий и прищурился. – С журналистом из Москвы и неизвестной девушкой, похожей на русалку?

– Откуда вы знаете?.. – не удержалась Марина, но вовремя поправилась: – То есть почему вы думаете, что она похожа на русалку?

– Ничего я не думаю, мне Петька Карпачев так сказал. Я ведь позвонил ему тогда. Говорит, у него там вся полиция смеется – наконец-то русалку изловили, хоть и мертвую.

– Нормально, – возмутилась Марина. – Человек умер, а они смеются. По крайней мере, хотя бы выяснили, кто она? Не русалка же, в самом деле.

Очень удачно, словно ненароком задав этот важный вопрос, Марина замерла, ожидая дядиной реакции.

– Девица не наша, не солнечноводская – это точно. Иначе ее уже опознали бы. А среди приезжих как искать? Если только кто обратится за помощью. Петька говорит, они фотографии девушки показывали во всех гостиницах, частный сектор прочесали: опросили тех, кто сдает жилье курортникам. Никто не признал. На нашем городском канале в криминальной хронике демонстрировали. Впустую. Может, и впрямь русалка. Петька сказал, что она в чешуе была, как рыба. И у парня к одежде чешуйки прилипли. Возможно, это у Петьки шутки такие. Насмехается над стариком. – Избуцкий укоризненно покачал головой и, тяжело вздохнув, добавил: – Хотя у нас всякое может быть.

– Но отчего она все-таки умерла? – потихоньку подталкивала разговор в нужном направлении Марина.

– Утонули они оба, – ответил Избуцкий. – И москвич этот, с телевидения, и девушка. Такова основная версия. Хотя на самом деле черт знает почему они умерли.

– Дядя, – укоризненно сказала Марина, – два человека погибли, а вы поминаете черта.

– Нет, это не я. Петька так сказал. Что-то у них там не складывается. Но я понял, что дело он хочет прикрыть. И следователя к этому склоняет. Зачем ему такой скандал? Телевизионщик этот – звезда. Понаедет из Москвы начальство, начнут чинить здесь суд и расправу. Могут и с должности погнать за нерасторопность. Так что нет ему резона долгие расследования устраивать. Утонули – и все дела.

Марина вспомнила – то же самое и почти теми же словами ей говорил Вадим.

– Сейчас для порядка изобразят кипучую деятельность, пошумят в прессе, Петька пару раз выступит по телевизору – и все. Спустят на тормозах. Я все их хитрости отлично понимаю. И Петьку Карпачева знаю как облупленного.

– А на самом деле это могло быть и убийство? – уточнила Марина. – И Карпачев ваш так считает?

– Мне он этого не говорил, как ты понимаешь. Он вообще-то не должен был со мной обсуждать дела службы. Это ведь так, по-дружески. Но как я понял, там следствию не все понятно. Только ты, Мариночка, о нашем разговоре помалкивай. Не хочу, чтобы у Петьки неприятности были. Эти двое все равно умерли, а нам тут еще жить. Мало ли...

Марину немного покорибил этот откровенный житейский цинизм, но было не до сантиментов. Информация, полученная у дяди, могла оказаться полезной. Во всяком случае, она подтверждала предположения и опасения Баратынского.

Серьезно посмотрев на Виктора Федоровича, она сказала:

– Даже не сомневайтесь, все останется между нами. Я же понимаю, что вам рассказывают такие вещи хоть и по дружбе, но как государственному лицу. А вовсе не для того, чтобы завтра на городском рынке появились новые слухи.

– Какая же ты умница, – одобрительно загудел Избуцкий. – Как же я рад, что под конец жизни рядом со мной появился родной человек, на которого можно положиться.

Дождавшись, пока дядя отправится в кабинет наверху, Марина взяла ноутбук и устроилась в гостиной, забравшись с ногами на диван. Ей предстояло составить досье на человека по имени Феликс Фиш. «Что за странное имя? – подумала Марина, вводя запрос в строку поиска. – А если о нем вообще ничего нет в Сети, тогда как быть? Где взять информацию?»

Как выяснилось, боялась она напрасно. Буквально через пять минут у нее была прямо противоположная проблема – хватит ли ей времени, чтобы до завтрашнего дня обработать весь объем информации о скандальной и провокационной личности по имени Феликс Фиш.

Ближе к ночи, когда совсем стемнело, послышались звуки надвигающейся грозы. Потом в окна сильно забарабанил дождь. Марина вышла на улицу и немного постояла на широком мраморном крыльце. Полюбовавшись молниями и мощным, почти тропическим ливнем, она вернулась в уютную гостиную.

«Как там Вадим, среди этого потопа? – думала она, забиваясь поглубже в теплое нутро дивана и поеживаясь. – Поможет ему гроза или, наоборот, помешает? Нет, он такой уверенный и ловкий, у него... у нас все получится!»

* * *

Марина уже стала волноваться, когда раздался звонок мобильного и на дисплее высветился телефон Баратынского.

– Привет! У меня все в порядке, только вымок как собака. Завтра все расскажу. Как твои успехи?

– Тоже в порядке, есть кое-какие новости.

– От дяди?

– Да.

– А как Феликс Фиш? Нашлось что-нибудь? Впрочем, мне еще тогда показалось, что я слышал эту фамилию.

– Фиш – нечто фантастическое. Сам увидишь. Мы во сколько встречаемся?

– Днем у тебя получится?

– Боюсь, нет.

– Жалко. Тогда давай как обычно. Мне еще надо кое-что проверить.

Весь следующий день Марина провела как на иголках, а после ужина сразу же рванула в город. Вадим уже ждал ее в условленном месте – том самом кафе, где она в последний раз видела Артема Тарана. Вадим выглядел усталым и немного осунувшимся. Впрочем, своего обычного добродушия не растерял.

– Как старший и по званию, и по возрасту, начну рассказывать первым. Операция «Невод» началась успешно, но мой улов небогат.

Вадим сухо, без эмоций, но очень четко описал свою вчерашнюю одиссею. Затем достал диктофон и наушник и дал Марине послушать запись совещания.

– Я только не поняла, – сказала она, когда пленка закончилась, – кого это с рогами они увидели? И при чем тут снежный человек?

– Снежный человек – это я. Они мою тень увидели на стенке палатки. У них внутри погас свет, и молния как раз сверкнула. А я в этот момент выпрямился, чтобы мышцы размять. В общем, все так неудачно совпало.

– Так они тебя обнаружили?

– Нет, я успел скрыться до того, как они выбежали на улицу.

– А что же это было – с рогами?

– Я. В смысле – был я, только не с рогами. Это такие антенны на моих наушниках.

– Понятно. Думаю, наши защитники окружающей среды предадут гласности эту историю.

– Пускай, не страшно. Где русалки, там и снежные люди. Чем больше, тем лучше.

– Слушай, а как теперь с русалками, ты их совсем забросил?

– Ну, забросил на время. Хотя мой шеф настаивает, чтобы я не оставлял эту тему. Кстати, многие журналисты продолжают поиски.

– Прекрасно. Тогда для плавного перехода от твоих головокружительных приключений к моим тихим аналитическим изысканиям я начну как раз с русалок.

Внимательно выслушав ее рассказ, Вадим энергично потер подбородок.

– Видишь, – сказал он, торжественно глядя на Марину, – мы на правильном пути. Значит, информация была верная. Итак, мы получили косвенное подтверждение, что в деле о гибели Артема что-то нечисто. Да еще чешуя эта! И девушка пока не опознана. Теперь просвети меня относительно Феликса Фиша. Очень интересно, кто он – враг номер два у Ложкина.

– Почему номер два?

– Как почему? Номер один – Павел Потапов.

– Значит, просвещаю тебя, так как информации о нем в Интернете целая куча. Фиш, Феликс Филатович...

– Вот фантазия у людей! Подряд три буквы «Ф». Ужас. Когда произносишь, как будто шланг прохутился.

– Строго говоря, у него даже четыре «Ф». Фиш – псевдоним, потому что он заядлый рыбак. А так он – Филимонов.

– Ну, взял бы тогда псевдоним Рыбкин. Или Килькин.

– Это невозможно. Наш герой – довольно заметный персонаж столичной светской тусовки. Какой же тут может быть Килькин? Не гламурно.

– Рыбак, тусовщик. Чем он вообще занимается? И чего Ложкин взелся на него?

– Сейчас поймешь. Фиш – очень модный художник-инсталлятор и таксидермист. Когда в прессе началась вся эта русалочья вакханалия, он публично заявил, что отправляется в Солнечноводск на рыбалку. Русалка для него – та же рыба. Он поклялся поймать хоть одну, чтобы выставить ее на всеобщее обозрение, а потом сделать из нее чучело. А с Ложкиным они сцепились буквально на днях. Кстати, почему ты, журналист, местную прессу не читаешь?

– Потому и не читаю, что журналист, – вздохнул Вадим. – А в чем дело?

– В газете «Солнечноводск сегодня» был материал по этому поводу с заголовком «Не на жизнь, а на смерть». Суть дела такова. Фиш пришел ловить русалок в то место, где обитает веерохвостая чернолапка. Развесил на кустах вдоль берега рыболовные сети. Одна птичка в них запуталась. Фиш, в котором неожиданно разыгрался таксидермист, решил оставить ее себе, чтобы сделать чучело. Мимо как раз проходил патруль защитников окружающей среды с Ложкиным во главе. Они возвращались с пикетирования строительства коттеджей, услышали отчаянный писк и увидели, что Фиш засовывает трепыхающуюся чернолапку в рюкзак. Ложкин озверел и кинулся на него с кулаками. Как ты понимаешь, началась потасовка. Случайные прохожие вызвали полицию, и дело закончилось в отделении. Здесь враждующие стороны обменялись официальными заявлениями. Фиш сказал, что плевать хотел на Ложкина вместе с его Ecodefence front и теперь из принципа сделает пару чучел чернолапки, после чего украсит ими

свой загородный дом. Стас Ложкин со своей стороны пообещал, что в этом случае он украсит Троекуровское кладбище могилой неизвестного художника.

– Они друг друга раньше знали? – уточнил Вадим.

– Нет, в полиции познакомились. И видимо, очень полюбили друг друга. Потому что на завтра они снова подрались. Причем недалеко от того места, где на следующий день нашли Артема.

– А что они оба там делали? – сразу же оживился Баратынский.

– Точно неизвестно. Фиш перебрался туда русалок ловить, о чем и заявил прибывшему наряду полиции. А вот про Стаса Ложкина ничего не сказано. Может быть, специально явился поколотить художника? В общем, в отделение их не забрали, взяли штраф и отпустили. Да, эта информация промелькнула на сайте «Курорт». Тебе вся эта история хоть чем-то поможет?

– Пока не знаю, – честно признался Вадим. – Разве что... Постой! Фиш этот, как ты говоришь, собирался поймать русалку и сделать из нее чучело. И место для этого он выбрал именно то самое, где потом нашли Тарана и девушку. Там же с непонятными целями бродит Ложкин, который имеет претензии не только к Фишу, но и к Тарану.

– Думаешь, есть связь?

– Пока я ничего не думаю. Кстати, ты внимательно прослушала запись, которую я вчера сделал?

– Конечно.

– Так вот. Меня очень насторожило желание Ложкина иметь алиби на то время, когда, по его собственным словам, произошло убийство.

– По-моему, это единственные ценные сведения, которые тебе удалось добыть, вымокнув до нитки. Если не считать информации о подкопе под строительство коттеджей новой очереди.

– Зря смеешься. Информацию приходится собирать по крупицам. Кстати, ты будешь мне и дальше помогать?

– Мог бы и не спрашивать. Приказывай, товарищ старший по званию.

– Я хочу проследить за Ложкиным. Помнишь, он сказал, что был в городе один. Это на него не похоже, обычно он перемещается в окружении своих соратников. Значит, у него есть какие-то личные дела. Не связанные с экологией. Или он ведет еще какую-то игру?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.